

Вильфред фон Офен

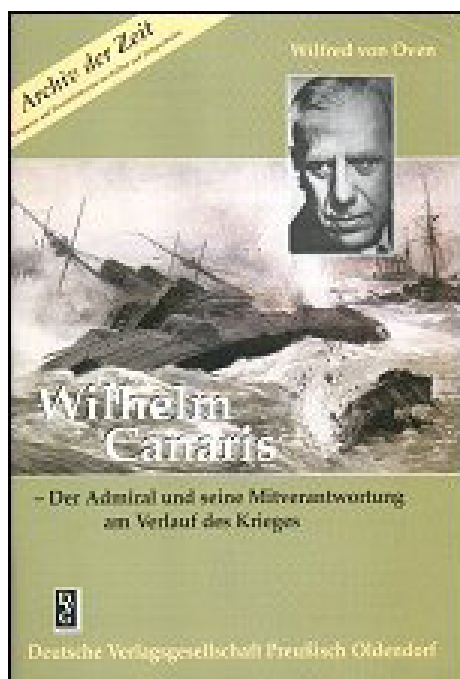
ВИЛЬГЕЛЬМ КАНАРИС

Адмирал и его доля ответственности за ход войны

Серия «Архив времени», издательство «Дойче Ферлагсгезельшафт», Пройсиш-Ольдендорф, Германия, 2002 г.

Перевод с немецкого языка Виталия Крюкова, Киев, Украина, 2015 г.

Оригинал: Wilfred von Oven, Wilhelm Canaris. Der Admiral und seine Mitverantwortung am Verlauf des Krieges, Deutsche Verlagsgesellschaft Preussisch Oldendorf, 2002.

О книге: Последняя книга Вильфреда фон Офена представляет собой исключительно заслуживающий прочтения рассказ об адмирале Вильгельме Канарисе, во время войны шефе немецкого Абвера и одной из самых двойственных фигур в немецкой военной иерархии. Бывший референт Геббельса, который после войны как свободный публицист жил в Аргентине, в последние годы снова и снова привлекал к себе внимание своими нетрадиционными, увлекательными произведениями о новейшей немецкой истории. Также его биография Канариса, которая включает множество неизвестных подробностей о двуликом начальнике немецкой военной разведки и контрразведки, захватывает от первой до последней страницы. Большое место в книге занимают связи Канариса с сопротивлением и – во время войны –

с противником. В апреле 1945 года он был казнен как «враг государства» в концлагере Флоссенбюрг. В конце книги фон Офен присоединяется к мнению других специалистов, считающих, что двойная игра Канариса была частично ответственна за исход войны.

Об авторе: Вильфред фон Офен (родился 4 мая 1912 года в Ла-Пасе, Боливия; умер 14 июня 2008 года в Буэнос-Айресе, Аргентина) был немецким офицером Вермахта, журналистом, публицистом и бывшим имперским чиновником. Он известен в первую очередь как высокопоставленный сотрудник доктора Йозефа Геббельса в имперском министерстве народного просвещения и пропаганды.

Вильфред фон Офен был четвертым ребенком в семье немецкого купца. Его мать была учительницей. Отец, когда в августе 1914 года началась Первая мировая война, добровольно пошел в армию. Он погиб 16 июня 1917 года в боях во Фландрии.

После войны семья Офенов, состоявшая из пяти человек, жила в Фриденау около Берлина в скромных условиях, так как их имущество в Боливии было конфисковано. В 1919 году семья переехала в Лигниц (Силезия) к родственникам в их дворянское поместье.

Вильфред и его семья были немецкими националистами. Его двоюродный брат был награжден Орденом крови, дядя Георг фон Офен был командиром добровольческого корпуса «Фон Офен», другой дядя, Эрнст фон Офен, тоже был в добровольческом корпусе и освобождал Мюнхен от красного сброда. Оба дяди были кавалерами ордена «Pour le Mérite».

Вильфред фон Офен 1 мая 1931 года вступил в Национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП) и в штурмовой отряд (СА). В 1928 году он впервые увидел Адольфа Гитлера в берлинском Дворце спорта.

С 1936 по 1939 годы во время Гражданской войны в Испании фон Офен служил в «Легионе Кондор» и получил за это от фюрера Испанский крест в золоте.

В 1939 году он участвовал как военный корреспондент в Польской кампании, Французской кампании, Балканской кампании и походе в Россию, в т.ч. как лейтенант танкового полка на Дону. Он получил за свои заслуги Железный крест первого класса и знак за танковый бой во время боев на Днестре (1941). В это время он написал книги «Конец Польши» (1939) и «Танки на Балканах» (1941).

9 июня 1943 года он был назначен личным референтом по прессе доктора Геббельса и оставался на этой должности до конца войны. Надежность, усердие и компетенция сделали его одним из самых любимых сотрудников Геббельса. У него также были хорошие отношения с женой Геббельса Магдой и ее детьми.

20 апреля 1945 года Вильфред фон Офен последний раз выступил по радио с сообщением о современном положении. 22 апреля 1945 фон Офен в последний раз видел Геббельса, после чего тот ушел в Бункер фюрера и отправил фон Офена в Северную Германию, где тот оставался до 1950 года. После окончания войны фон Офен работал сначала как переводчик и позже писал статьи для различных газет под псевдонимом Вилли Ём. В 1949 в немецком издательстве «Дюрер-Ферлаг» в Буэнос-Айресе вышла его книга «С Геббельсом до конца».

С 1950 года фон Офен жил в Аргентине, где он был главным редактором в «Свободной прессе» – немецко-национальной газете – и позднее стал издателем газеты «Путь». В 1951 году фон Офен окончательно переселился в Аргентину. Несколькоими годами позже он даже стал заграничным корреспондентом журнала «Шпигель». Сотрудничал с западногерманской разведкой БНД.

Вильфред фон Офен написал также несколько книг, в том числе «Ужасный конец» (1974), «С Геббельсом до конца», «Гитлер и Гражданская война в Испании» (1978), «Кем был Геббельс» (1987) и в 1993 году произведение ««Нацист» в Аргентине». Последней его книгой стала небольшая работа об адмирале Вильгельме Канарисе, руководителе Абвера – немецкой службы военной разведки и контрразведки.

Вильфред фон Офен прожил 97 лет, оставшись верным своим идеалам и всегда подчеркивая свое уважение к Гитлеру и Геббельсу. Он непрерывно жил в Белла-Виста около Буэнос-Айреса.

Вильфред фон Офен умер 14 июня 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ужасный конец
2. Правь, Британия!
3. Морское сражение при Коронеле
4. Геройская смерть или самоубийство?
5. Путешественник по свету с мешком старьевщика
6. С «Легионом Кондор» в Испании
 - Первое национальное правительство без Франко*
 - Планирование переворота*
 - Так их застали врасплох*
 - Совершенно обычное мошенничество*
 - Сомнения в искренности Франко*
 - Всемирно известный брат*
 - Тренога власти*
 - «Денди» появляется*
 - «Феликс» – «счастливый»*
 - Самый мрачный час Англии*
 - Гитлер и коварный иезуит*
 - Удивительный документ*
 - Как в Испании вспыхнула Гражданская война*
 - Оружие для народа*
 - Safe... safe*
 - Быстрый дракон Франко*
 - 17 июля 1936 года, в семнадцать часов*
 - Непредвиденное начало*
 - Пожар охватывает Испанию*
 - «Трупы торжественно сбросить за борт!»*
 - Помощь из-за границы?*
 - Небо должно помочь*
 - Судьбоносная встреча*
7. Свастика на стальном шлеме
8. С баррикад в правительственный квартал
9. Наконец-то у цели
10. На фоне Гражданской войны в Испании
11. Как мы проиграли войну еще в 1940 году в Эндае

1. Ужасный конец

9 апреля 1945 года, т.е. ровно за месяц до конца Второй мировой войны, Верховное главнокомандование германского Вермахта в своей ежедневной сводке сообщило, что восточный фронт продвинулся до окрестностей Вены. Из Верхней Силезии сообщалось об удачных контратаках немцев к югу от Ратибора. В Кёнигсберге у внутреннего рубежа обороны крепости происходили тяжелые уличные бои. Британские части продвинулись по немецкой территории до Фердена на Аллере. Тяжелые бои к западу от Ганновера. К югу от него потерян Хильдесхайм, нынешний большой город в сердце Германии. Битва на северной границе Рурской области обостряется. К северу от Кёльна удалось разбить высадившийся через Рейн батальон 82-й американской воздушно-десантной дивизии. Бои с переменным успехом между Тюрингским Лесом и Майнским треугольником. Американские бомбардировщики бомбили Плауэн, Хальберштадт и Штендаль, британские бомбардировщики осуществили налет на Гамбург и города Средней Германии. Действительно ужасающий моментальный снимок уже почти не представимого сегодня ада приближающейся к концу Второй мировой войны. Тогда нам на шею уже набросили петлю тотального поражения. Ее нужно было только затянуть.

В тот же день 9 апреля 1945 года в концентрационном лагере Флоссенбург уже с самого раннего утра кипела активность. Это центральное место для содержания в заключении разоблаченных или предполагаемых врагов государства Третьего Рейха поблизости баварского города Вайдена в Верхнем Пфальце, недалеко от чешской границы, было в то время своего рода местом встречи видных противников режима. Привлекательные окрестности еще не были опустошены неистовством войны. Здесь правительственные органы исполнения наказания могли выполнять свои функции пока еще в относительном спокойствии. Еще предыдущим вечером последний шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) доктор Эрнст Кальтенбруннер, с января 1943 года сменивший вызывавшего не меньший страх Райнхарда Гейдриха, приказал провести тщательный допрос адмирала Вильгельма Канариса, которому в январе 1935 года Гитлер доверил руководство так называемым Абвером, военной разведкой и контрразведкой главнокомандования Вермахта. Под руководством Канариса Абвер превратился в огромное предприятие с тысячами сотрудников и многомиллионным бюджетом.

Этот допрос привел, пожалуй, к тому же результату, что и расследование англичанина Яна (Иана) Колвина, берлинского корреспондента газеты «Ньюс Кроникл», который в своей опубликованной в 1951 году в Нью-Йорке книге «Master Spy» (вышла в русском переводе в СССР и позднее переиздавалась в России под названием «Двойная игра» – прим. перев.) опубликовал историю

адмирала Вильгельма Канариса, обозначив ее словом «невероятная». Окруженный тайнами Канарис, как следует из подзаголовка книги Колвина, как руководитель гитлеровской разведки был одновременно тайным союзником британцев.

Даже если газету, которую Колвин представлял в Берлине, можно с некоторыми основаниями причислить к «желтой прессе», то его самого следует воспринимать всерьез. Во всяком случае, он входил в круг личных знакомых Уинстона Черчилля, по рекомендации которого он был аккредитован при Королевских военно-морских силах. Сэр Александр Кадоган, постоянный подсекретарь министерства иностранных дел и одно из доверенных лиц Черчилля, назвал Колвина «приятным молодым человеком, очень полезным». У Колвина были хорошие связи с так называемым немецким «сопротивлением», и его по праву можно назвать связным между этим «сопротивлением» и британским премьер-министром. Сам Черчилль так описывает молодого журналиста в своих мемуарах: «Он установил очень секретные отношения с некоторыми ведущими немецкими генералами, но также с независимыми, дельными немцами с сильным характером, которые узнали в гитлеровском движении угрозу гибели их родины». Колвин сам называет в своей книге в качестве тех, кто давал ему поручения по отношению к британскому правительству, генерала фон Бека и адмирала Канариса. Черчилль охотно принимал услуги навязывавшихся к нему сопротивленцев, как следует пользовался ими, но при этом даже не думал о том, чтобы подобающе или хотя бы как-то вознаградить их. В соответствии с действовавшим в Лондоне кодексом чести вражеских граждан можно было безнаказанно обмануть с гонораром, которого те ожидали.

Разоблачения Колвина тем более примечательны, что они появились спустя всего два года после выхода угоднической книги, изданной уже в 1949 году одним из многочисленных подчиненных Канариса под льстивым названием «Patriot und Weltbürger» («Патриот и гражданин мира»), которая очень сильно повлияла на образ Вильгельма Канариса, по сей день существующий в умах немецкой публики. (Имеется в виду биография Канариса, написанная сотрудником Абвера доктором Карлом Хайнцем Абсхагеном, она неоднократно издавалась на русском языке, причем в одном издании фамилия автора была неправильно указана как «Абжаген» – прим. перев.)

Из-за отсутствия доказательств нам остается только строить предположения, оправдывал ли этот очень тщательный, отнюдь не терпимый, а, вероятно, даже связанный с применением мер физического воздействия допрос тот смертный приговор, который был в ту же ночь вынесен специально созданным ради этого трибуналом. Во всяком случае, приговор был немедленно приведен в исполнение.

Вальтер Шелленберг, одна из самых блистательных и спорных фигур в секретной службе Генриха Гиммлера, описывает в своих «Мемуарах» (Кёльн, 1955) беседу, которая состоялась у него в конце 1940 года с его шефом Райнхардом Гейдрихом в охотничьем домике последнего. Разговор зашел об адмирале Канарисе, которого Гейдрих подозревал в том, что тот выдал союзникам дату начала нашего наступления на Западе. Гейдрих был абсолютно прав в своих подозрениях. Враг знал дату. Но форма, в которой Канарис передал противнику эту информацию, была настолько примитивна, что тот подумал, что это дезинформационный маневр и не воспринял это предупреждение всерьез.

Тогда Гейдрих еще ничего не хотел предпринимать против подозрительного адмирала. Его авторитет в глазах Гитлера, который 1 января 1935 года доверил Канарису один из самых важных постов в немецком руководящем аппарате, хоть и несколько упал с начала войны, но этого было еще недостаточно для его смещения. Гейдрих должен был в этом отношении действовать с очень большой осторожностью. Потому что не только у него был компрометирующий материал на шефа Абвера, но и тот, в свою очередь, обладал в своем досье на Гейдриха такими документами, которые могли бы стать для последнего смертельными. Документы, доказывающие арийское происхождение Гейдриха, были не в порядке, по крайней мере, судя по досье в руках Канариса. Гейдрих скрыл, что одна из его бабушек была еврейкой, а это означало, что Гиммлер доверил руководство своим всемогущим Главным управлением имперской безопасности неарийцу. Это один из удивительных гротесков этой ужасной Второй мировой войны, что рейхсмаршал Герман Геринг, который в то время только что проиграл воздушное наступление на Англию и тем самым сделал невозможной операцию «Морской лев», именно в этот момент, 31 июля 1941 года, поручил неарийцу Гейдриху «предпринять все необходимые приготовления для окончательного решения еврейского вопроса в немецкой сфере влияния в Европе». Но пока еще не дошло до того, чтобы свергнуть Вильгельма Канариса, и Гейдрих в этой беседе в охотничьем домике доверился Шелленбергу – если последнему можно верить: «Но еще придет день, когда он получит свое наказание за весь тот вред, который он нанес режиму. Но пока нужно подождать».

Этот момент пришел, когда забрезжило утро 9 апреля 1945 года. Адвокат доктор Эрнст Кальтенбруннер (родился в 1903 году), ставший в январе 1943 года преемником убитого чехами в Праге Райнхарда Гейдриха на посту главы РСХА, стал официальным исполнителем втайне уже давно вынесенного Канарису смертного приговора. В феврале 1943 года он был представлен как официальный преемник адмирала после того, как Гитлер 18 февраля 1943 года издал указ о роспуске Абвера, задания которого были переданы РСХА во главе с Кальтенбруннером. Канарис и Кальтенбруннер встретились в мюнхенском отеле «Регина» 22 февраля 1943 года. Адмирал пришел в сопровождении будущего

генерал-майора Эрвина Лахузена, тоже австрийца, как и Кальтенбруннер, но решительного противника Гитлера и национал-социализма.

(Абвер был распущен в феврале 1944, а не 1943 года, вероятно, описанные выше автором события тоже происходили в 1944 году. – прим. перев.)

Позже Лахузен именно как противник Гитлера сыграл важную роль в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе. Во время своих многочасовых разглагольствований в Нюрнберге Лахузен выболтал, среди прочего, что когда он получил свою должность в Берлине у Канариса в 1938 году, тот дал ему указание «не брать с собой никаких нацистов». Лахузен утверждал, что был одним из «самых близких доверенных лиц» Канариса, позицию которого во время войны он описал так:

«Нам не удалось предотвратить эту агрессивную войну. Война означает конец Германии... Но еще большим несчастьем, чем эта катастрофа, был бы триумф этой системы, предотвратить который любыми возможными средствами должно стать последним смыслом и целью нашей борьбы».

Так сказал этот человек из самого близкого круга ожидавшего тогда во Флоссенбюрге своего приговора арестанта Канариса.

Не менее словоохотливым, чем в Нюрнберге, и совсем не отмалчивавшимся от вопросов проявил себя этот венский генерал Абвера также по отношению к французскому историку Андре Бриссо, которому мы должны быть благодарны за одну из лучших биографий Канариса (Париж, 1970). Этому французу генерал Лахузен признался, что у него самого во время беседы с Кальтенбруннером выступил пот на лбу. И у Канариса он тоже заметил «страх в глазах», когда после ухода Кальтенбруннера тот прошептал Лахузену: «Ты видел руки этого типа? Лапы убийцы!»

До поры до времени он еще не чувствовал этих лап на своем теле. Но сеть, которую натянул еще Гейдрих вокруг Канариса и его Абвера, была еще усилена «лапами убийцы» Кальтенбруннера. Они как раз сейчас начали стягивать переплетенные петли. За несколько дней до встречи в мюнхенском отеле Гитлер, когда он своим указом распустил ведомство Канариса, отстранил адмирала от дел. Его человек в Анкаре, доктор Эрих Фермерен, перебежал к англичанам. После этого Канарис должен был находиться в замке Лауэнштайн, где за ним скрытно, но строго следило Гестапо. Но в конце июня ему снова разрешили вернуться в Берлин. В Верховном главнокомандовании Вермахта ему выделили практически бесполезную должность начальника особого штаба по ведению торговой войны, которую даже менее умный офицер, нежели он, посчитал бы

пластырем на больной ране. Но Гитлер, как считает Бриссо, только подумайте: за пару недель до неудавшегося покушения Штауффенберга – «все еще чувствовал некоторое доверие» к Канарису, «которого он когда-то очень уважал и, возможно, даже восхищался им». И это многолетнее уважение или даже восхищение в отношениях Гитлера и Канариса отнюдь не было односторонним. В то же самое время, когда Гитлер как ефрейтор нового Рейхсвера Носке в Баварии занимался политической пропагандой, молодой морской офицер Канарис присоединился в Берлине к гвардейской кавалерийской дивизии для подавления того же большевизма, в результате чего погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт, как и в Мюнхене погибли представители недолговечной «Советской республики», которых генерал Эрнст фон Офен по поручению министра Рейхсвера социал-демократа Носке после отвоевания баварской столицы приговорил к смерти и расстрелял за зверское убийство заложников в мюнхенской Луитпольд-гимназии. Эта общая антибольшевистская позиция и взаимное уважение интеллектуального уровня собеседника в значительной степени характеризовали отношения между обоими даже непосредственно перед неудавшимся путчем генералов.

Только после 20 июля 1944 года положение шефа Абвера радикально ухудшилось. Он – что однозначно показали тщательные расследования – был решительным противником национал-социалистического режима, и как таковой на очень важной должности в Третьем Рейхе был очень важен для «сопротивления». Уже во время высадки союзников в Северной Африке в начале ноября 1942 года, в Главной ставке фюрера вспыхнула ожесточенная ссора между Канарисом и генералами сухопутных войск Кейтелем и Йодлем. Когда она завершилась, Канарис сказал одному из сопровождавших его подчиненных офицеров: «Давайте уйдем. Нам больше нечего делать в этом сумасшедшем доме». Они ушли и увидели при этом на расстоянии где-то двадцати метров Гитлера, который ходил туда-сюда, погруженный в беседу со своим адъютантом. Адмирал и сопровождавший его офицер наблюдали за ними, а те, погруженные в разговор, их не замечали. Тут подполковник, который в свободное время был завзятым охотником, наклонился к уху адмирала и прошептал: – С этого расстояния – это был бы хороший выстрел в лопатку... Канарис в ответ буквально выпалил: – Так сделайте же это.

Подполковник не сделал этого. Поэтому позже Гитлеру и его жене пришлось покончить с собой, но еще раньше жизнь самого Канариса закончилась в Флоссенбюрге в петле.

Он предсказал ужасный конец – свой и Германии. Но при этом он думал не так, как прусский борец за свободу Фердинанд фон Шиль (1776-1809), который при обороне героического города Кольберг в 1807 году создал добровольческий

корпус, из которого потом появился его 2-й гусарский полк. 12 мая 1809 года в Арнебурге на Эльбе он приветствовал стекавшихся к нему добровольцев словами, которые по сей день используются как пословица: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». В том же году вскоре после этого фон Шилль героически погиб под Штральзундом. Так он и бесчисленные другие патриоты положили счастливый конец ужасам наполеоновского чужеземного владычества над Германией и многими другими странами Европы. Но Канарис и ненавидимый им Третий Рейх нашли ужасную гибель.

Когда Вильгельм Канарис увидел свет в первый день 1887 года, мир – по крайней мере, в его немецкой части – был еще существенно счастливее сегодняшнего мира. Бисмарк после своей победы в последней из войн за объединение Германии не только создал Второй Германский Рейх, но и с помощью образцового на то время социального законодательства обеспечил сносные условия существования растущим из-за быстрой индустриализации рабочим массам и существенно улучшил внешнеполитическое положение Германии путем заключения договора с Россией. В этой атмосфере благополучия, безопасности и прогресса родился Канарис-младший в семье горного инженера в центре рейнско-вестфальского промышленного района. Отнюдь нельзя утверждать, как считали некоторые из его многочисленных биографов, что он – как сыновья британской аристократии, к которым он позже испытывал чувство родства душ – в определенной степени «родился с серебряной ложкой во рту». Его отец был способный, трудолюбивый, экономный и целеустремленный технический специалист, который хорошо умел использовать свои приобретенные в усердной учебе знания на пользу себе и своей семье. Родившись в маленьком вестфальском городке Аплербек под Дортмундом, сегодня входящем в этот город, шестой в ФРГ по численности населения – свыше 600 000 человек, он вел жизнь зажиточного буржуа, члены семьи которого не только не знали нужды, но и могли позволить себе некоторую роскошь – например, теннисный корт или скаковую лошадь. В год рождения будущего адмирала, который позже, на посту руководителя важного ведомства Третьего Рейха, мог позволить себе самые быстрые и самые современные автомобили, Готтлиб Даймлер проехался по германским дорогам на первом четырехколесном «самоходном экипаже» с бензиновым двигателем. Он достиг мощности в полторы лошадиных силы и разогнался до 18 километров в час. Большие прыжки, к которым привыкли родившиеся «с серебряной ложкой во рту» отпрыски британской олигархии, в тогдашнем доме Канариса не были возможны. Но его жители жили в ситуации, о которой Берт Брехт – пусть и не очень остроумно – пел: «Только тот, кто живет в достатке, живет приятно». Даже без роскоши британской «верхней десятки» маленький Вильгельм жил дома вполне приятно. Теннисная ракетка в руке и седло между ног с детства принадлежали к его стилю жизни, хотя позже он, как моряк, обычно уже не мог пользоваться такими символами благосостояния. Также его любовь к животным по-

явилась у него в эти, проведенные в родительском доме годы. Особенно по душе были ему таксы – вероятно, из-за их игривого характера? В свои многочисленные деловые поездки, особенно в последние годы пребывания на должности, он постоянно брал с собой двух такс, поэтому в отелях – и они были совсем не дешевые – он всегда бронировал два номера, один для себя, а другой для собак, о которых он однажды сказал, что они его никогда не предадут. Эта и другие экстравагантности его поведения – это легко распознаваемые признаки своеобразного, трудно понимаемого, если вообще поддающегося пониманию характера, который до сих пор не смог достаточно хорошо или тем более убедительно объяснить ни один из его биографов. Профессор Анри Бернар, написавший предисловие к одной из лучших биографий Канариса (Леон Папелё, «Между Франко и Гитлером», Барселона, 1977), назвал адмирала шпионажа «удивительно необычной и таинственной, хотя и странной личностью». Также начальникам молодого морского офицера было трудно справедливо и при этом корректно охарактеризовать своего подчиненного. Один из них писал – по словам Папелё: «нужно некоторое время, чтобы познакомиться с ним». Даже такой близкий коллега и соучастник Канариса по заговору, как генерал Лахузен, заявил в качестве свидетеля обвинения перед трибуналом победителей, что любая попытка проникнуть в личность Канариса обречена на неудачу. Он назвал своего шефа и друга «человеком чистого интеллекта». Он ненавидел насилие как таковое и поэтому «чувствовал отвращение к войне, Гитлеру, его системе и особенно к его методам». Канарис, так выразил это Лахузен перед судьями в Нюрнберге, просто «был человеком». Освободитель Муссолини Отто Скорцени придерживался другого мнения. Он – как цитирует его Папелё – сравнивал Канариса с медузой. Дословно: «Если нажать на медузу пальцем, то это для нее ничего не значит. Стоит лишь убрать палец, как она тут же восстановит свою скользкую круглую форму, как будто ничего не случилось». Совсем иначе, чем этот австрийский сорвиголова из СС, оценивал Канариса прусский перевертыш доктор Ганс Бернд Гизевиус, который еще в существовавшем до 1933 года при социалистическом правительстве Пруссии Гестапо вступил в НСДАП. Гизевиус назвал Канариса, в Абвер которого он входил некоторое время, «таинственным человеком, о котором никто не знал, что он на самом деле думал». От одного высокопоставленного чиновника Гестапо, пережившего последний акт в Бункере фюрера, Гизевиус слышал фразу, что Канарис «пустил пыль в глаза всему миру: Гимmlеру, Кейтелю, Риббентропу и даже фюреру». Это высказывание совпадает со словами одного, к сожалению, не названного Папелё по имени историка, который назвал Канариса «профессионально деформированным двойным агентом», который «привык играть двумя краплеными картами». Он мог бы еще добавить: которые были такими же фальшивыми, как и его характер.

Почти лирично звучит характеристика шефа шпионажа в Третьем Рейхе, которую дал многолетний госсекретарь Риббентропа Эрнст фон Вайцзеккер.

Вайцзеккера на Нюрнбергском трибунале обвиняли как военного преступника, в ответ на что он пытался представить себя в виде борца сопротивления. В своих мемуарах, написанных им в тюрьме в Нюрнберге, он буквально восторгается адмиралом шпионажа: «Канарис был чист как звук колокола, и даже если он обладал хитростью (мудростью) змеи, у него была все же и простота голубя». (Имеются в виду слова Иисуса Христа из Евангелия от Матфея: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». – прим. перев.)

Судьи трибунала победителей не поверили его восторгу Канарисом, как и всем остальным его оправданиям, и приговорили к семи годам тюрьмы, из которых ему, правда, пришлось провести за решеткой всего полтора года. Только он один сравнил Канариса с голубем, считающимся птицей мира.

Чем больше Канарис запутывался в разнообразных нитях своих интриг, тем больше бунтовали его перенапряженные нервы. Гизевиус, один из самых его рьяных активистов заговора, который сыграл важную роль в Нюрнберге как свидетель обвинения и позднее многое доверил своей вышедшей еще в 1946 году книге «До горького конца», часто называет Канариса «комком нервов». Когда ужасный конец становился все ближе, его сверхчувствительность граничила уже с «чувствительностью старой девы» – характеристика, которую никак нельзя назвать лестной для Канариса, как для духовного главы заговора против Гитлера. С 1942 года нервы уже подводили Канариса, пишет Гизевиус. Бессмысленность его деятельности как шефа Абвера, как и бессмысленность его требования сопротивления, к тому же еще предчувствие того, что ожидало его лично, похоже, полностью вывели Канариса из душевного равновесия. Его охватила своего рода изнуряющая страсть к путешествиям, которая вела его из одной оккупированной немцами европейской страны в другую. Подобно современному Агасферу в поэтической легенде, созданной Гёте, Лессингом и другими, он беспокойно бродил, преследуемый неизвестными духами, по ландшафту этой ужасной войны.

Генерал Вальтер Варлимонт, один из самых способных немецких офицеров Генерального штаба, который во время Гражданской войны в Испании некоторое время был уполномоченным имперского военного министра при Франко и позже часто имел дело с Канарисом в Главной ставке фюрера, вспоминает о нем в начале 1943 года такими словами: «Он постоянно был в разъездах». Когда Канарис посещал его в Главной ставке фюрера, Варлимонт всегда сначала отправлял его к врачу для проверки состояния здоровья, потому что оно вызывало у него беспокойство. И даже почитавший его Лахузен, в показаниях которого восхваления Канариса занимают почти пятьдесят страниц в протоколе Нюрнбергского процесса, должен был признать, что его начальник и друг тогда во

второй половине войны «всегда был противоречивым в своих приказах, несправедливым, путаным, непонятным». Его замечательные качества, считает Папелё, проявлялись все меньше: замечательный ум, дипломатическая ловкость, всеобъемлющее образование и необычные знания языков. Испанским языком он владел прекрасно и говорил на нем без акцента, английский язык у него был хорошим, французский и итальянский удовлетворительными, и даже на русском, венгерском и португальском он мог бы при необходимости объясняться.

Его отношение к Гитлеру остается спорным. Несомненно, вначале на Канариса произвел сильное впечатление человек, которому рейхспрезидент и генерал-фельдмаршал фон Гинденбург в 1933 году поручил формирование правительства. Гитлер тоже высоко ценил положительные качества искусного, ловкого, высокообразованного, хорошо проявившего себя в войне и в политике офицера военно-морского флота. Канарис точно так же, как впоследствии другой адмирал – Карл Дёниц, который рассказывал мне об этом во время одной длительной личной беседы в Ставке, восхищался специальными знаниями Гитлера в далекой от его сферы интересов области мореплавания и в других неполитических областях. Личные контакты Гитлера и Канариса прекратились с началом войны из-за их перегруженности другими делами. Но только изначальное интимно-доверительное отношение объясняет непонятную многим наблюдателям тогда и сегодня нерешительность Гитлера своевременно привлечь Канариса к ответственности за его долю вины в поражении Германии в этой войне.

2. Правь, Британия!

*«Rule Britannia, rule the waves,
Britains newer will be slaves».*

Так учили английские школьники, когда началось последнее десятилетие девятнадцатого века, полное робкой надежды для Британской империи. Ведь волнами мировых морей правили уже не одни только британцы, с тех пор как 18 января 1871 года Бисмарк в Тронном зале Версаля стал создателем Второй империи немцев. Объединенные в нее племена под руководством Железного канцлера развили такую экономическую, политическую, а также военную силу, которую прежде никто в Европе не ожидал, или, точнее сказать, не боялся. И в первую очередь на гордом флагмане «Британия» тревожно вспыхнули сигнальные фонари.

Десять лет после своего создания империи Бисмарк мог шаг за шагом укреплять позиции Германии как нового партнера в концерте европейских держав. Если с победой в последней немецкой объединительной войне 1870-1871 годов ему

удалось добиться для Германии доступа в группу ведущих европейских стран, то за последующее десятилетие он смог утвердить и закрепить эту позицию своей мудрой внешней и внутренней политикой. Но 18 марта 1890 года его вынудили уйти в отставку. Молодой император не хотел больше терпеть никого рядом с собой на командирском мостике немецкого корабля. Надежный и любимый народом лоцман вынужден был покинуть борт.

В руководящем центре Лондона прислушивались. Политики и банкиры, которые уже видели уменьшение своей власти и влияния из-за немецких конкурентов, лелеяли новые надежды. Их политика окружения (изоляции) нежелательного немецкого присутствия на мировой политической арене была спроектирована, спланирована и осуществлялась шаг за шагом. За англо-французским «Сердечным согласием» от 8 апреля 1904 года последовал 31 августа 1907 года союз англичан с царской Россией и отказ от подписания предложенного Германией военно-морского соглашения, которое удалось реализовать лишь Гитлеру четверть века спустя (1935). Путь, по которому поезд европейских держав двинулся к Первой мировой войне, был готов. Не хватало лишь стартового выстрела. И этот выстрел прозвучал 28 июня 1914 года в Сараево, на сегодня снова кипящих Балканах...

Немецкие учебники истории упоминают вице-адмирала графа Максимилиана фон Шпее лишь мимоходом – если вообще упоминают. Но на южной оконечности американского континента, особенно в Аргентине и Чили, любой ребенок знает его имя. «Граф Шпее» – так назывался немецкий тяжелый крейсер, который заставил почувствовать горячее дыхание Второй мировой войны на Рио-де-ла-Плата, огромной реке между Аргентиной и Чили. Он сам затопил себя на рейде Монтевидео в декабре 1939 года, после того, как он героически защищался от превосходящего его по силе английского флота и получил серьезные повреждения. Срок, который установило уругвайское правительство – под английским давлением – его экипажу для ремонта, был слишком мал, чтобы привести корабль в состояние боевой готовности. Поэтому экипаж смог сойти на берег в Буэнос-Айресе, где был интернирован на протяжении войны, пока Аргентина совсем незадолго до немецкой капитуляции не объявила Германии войну. Когда капитан первого ранга Ганс Лангсдорфф знал, что его названный именем графа Шпее корабль лежит на дне реки Ла-Плата, а экипаж находится в безопасности, он написал свои прощальные письма, положил их на спасенный имперский флаг, и выстрелил себе в голову. На его похоронах на Немецком кладбище в Буэнос-Айресе присутствовала стотысячная толпа восхищенных немцев и аргентинцев. Моряки из экипажа Лангсдорффа, многие из которых после войны остались в Аргентине, стали олицетворением самых лучших качеств.

В соседнем Чили еще сегодня помнят о вице-адмирале графе фон Шпее, который в начале Первой мировой войны у Коронеля, на южном берегу Чили, вышел на бой с британской эскадрой и уничтожил ее. Эта первая победная морская битва 1914 года известна в Германии меньше, чем последовавшая вскоре за ней битва у аргентинских Мальвинских островов (англичане называют их Фолклендскими островами, после того, как в 1832 году украли их у Аргентины и сделали колонией своей короны). У Мальвинских островов немецкая эскадра погибла. Ее командир граф фон Шпее погиб при этом смертью моряка, вместе со своими двумя сыновьями. Почти все корабли немецкой эскадры утонули в ледяных водах Южной Атлантики. Но малый крейсер «Дрезден», который участвовал еще в сражении при Коронеле, смог спастись вместе с одним вспомогательным судном.

(В советской военно-морской терминологии малые крейсера называют легкими крейсерами, поэтому «Дрезден» в разных русскоязычных источниках называется то малым, как принято у немцев, то – более правильно – легким крейсером. – прим. перев.)

Когда флагман графа фон Шпее уже тонул, адмирал передал по радио свой последний приказ командиру «Дрездена», в котором было сказано, что он должен немедленно покинуть место битвы и вернуться в безопасные территориальные воды Чили. Граф фон Шпее повел себя при этом так же гуманно, руководствуясь заботой о жизни своих моряков, как в следующей мировой войне повел себя капитан Лангсдорфф на Рио-де-ла-Плата. Если бы тогда, почти сто лет назад, граф Шпее не отдал свой спасающий жизни приказ, или если бы ему не последовали, тогда эта книга не была бы написана. Потому что именно на борту крейсера «Дрезден» находился тогда двадцатисемилетний старший лейтенант военно-морского флота Вильгельм Канарис.

Человек, которому он был обязан своей жизнью и тем самым возможностью всей своей дальнейшей – роковой – деятельности, был бы предопределен для того, чтобы оспорить у британцев их завоеванное еще Нельсоном единоличное господство на морях. То, что он был способен на это, он доказал своей неожиданной победой при Коронеле. За то, что ему в этом помешали, Великобритания должна благодарить коварное и бессовестное осуществление своей империалистической великодержавной политики в девятнадцатом веке, когда она с помощью США отняла у Аргентины ее Мальвинские острова в Южной Атлантике и до сих пор защищает свою добычу зубами и когтями, вопреки всем международным протестам.

В этот момент на сцене мировой истории на короткое мгновение появилась одна фигура – граф Максимилиан фон Шпее, родившийся в старом дворянском роду

22 июня 1861 года, которому в 1912 году как вице-адмиралу молодого немецкого военно-морского флота поручили возглавить немецкую эскадру в Восточной Азии.

Когда после начала Первой мировой войны флоты стран Антанты и даже союзной Англии Японии напали на немецкие владения, протектораты и арендованные территории в Восточной Азии, Шпее собрал значительное боевое соединение из подчиненных ему крейсеров «Шарнхорст», «Гнайзенау», «Нюрнберг», «Лейпциг», включая «Эмден». Малый крейсер «Эмден» Шпее отправил в самостоятельную – и очень успешную – крейсерскую войну в Тихом океане, тогда как другой малый крейсер «Дрезден», которому предстоит сыграть важную роль в этой книге, он включил в свое соединение. Одним из самых важных офицеров «Дрездена» после самого капитана был Канарис.

В 1914 году до этого еще было далеко. Именно на море немецкие силы очень сильно уступали флотам Антанты. Военно-морское соглашение, которого Гитлер 18 июня 1935 года добился с Англией, молодой император Вильгельм II заключить не смог. Великобритания намного превосходила нас на море. Идея Шпее собрать свои слабые силы в Тихом океане и попытаться, обойдя Огненную землю, попасть в Атлантику, чтобы там или даже где-то в немецких водах соединиться с основными силами императорского флота, была совершенно правильной. Попытка эта началась успешно. Черчилль, который в начале Первой мировой войны был еще «первым лордом Адмиралтейства», т.е. военно-морским министром, приказал своему адмиралу Крэдоку собрать эскадру на британской военной базе на аргентинских Мальвинских островах, чтобы выследить крейсера Шпее, преследовать их, вызвать на бой и уничтожить. Но эту операцию было легче приказать, нежели исполнить. Она должна была провалиться так же, как и примерно в то же время приказанная Черчиллем, но так и не осуществленная операция по захвату Дарданелл, целью которой было установить связь между западными державами Антанты и их союзником на Востоке – Российской империей. Тогда Черчилль, как ответственный за Королевские ВМС министр, вынужден был уйти в отставку. Но он остался «на балу», чтобы во Второй мировой войне принести человечеству новое горе, от которого мы страдаем даже сегодня.

Одним из немцев, кто больше всего помог ему тогда, был казненный незадолго до конца Второй мировой войны (9 апреля 1945) в концлагере Флоссенбург вместе с пятью другими арестантами адмирал Вильгельм Канарис, о жизни и деятельности которого в современной литературе сообщали многие – не только немецкие – авторы. Все они были едины в том, что объект их исследования был незаурядной личностью. Но никто из них пока не указывал на то, что карьера

этого адмирала началась с первой морской битвы Первой мировой войны 1 сентября 1914 года у южного побережья Чили.

За это указание мы должны поблагодарить чилийскую коллегу, Марию Терезу Паркер де Басси, которая присоединила к своей фамилии также фамилию ее английского дедушки по отцовской линии, но скромно умалчивает о своем академическом звании в области газетного дела, которое она получила в одном из южноамериканских высших учебных заведений своей страны. Ее первая книга, которую она написала и уже в 1987 году издала в чилийском издательстве «Эдисьонес Туситалиа», тиражом всего 2000 экземпляров, несет удивительное название на испанском языке «Tras la estela del "Dresden"» («В кильватере «Дрездена»»). Эту примечательную книгу она посвятила не только этому крейсеру из эскадры графа фон Шпее в Первой мировой войне, но и своим умершим родителям, а также своему мужу, своим шести детям (в том числе одной живущей в Германии дочери) и всем морякам своей чилийской родины, которая протяженностью своего тихоокеанского побережья свыше 5000 км вполне может считаться настоящей страной мореходов. С этого первого появления старшего лейтенанта Вильгельма Канариса «в кильватере «Дрездена»» в начале Первой мировой войны началась трагедия, окончанием которой стал ужасный конец Второй мировой войны.

3. Морское сражение при Коронеле

Или Нельсон бы в гробу перевернулся.

В начале Первой мировой войны, которую я – как и Вторую – лично пережил с первого до последнего дня, мне не было и двух лет, но битва при Танненберге, с которой начались большие события той войны, конечно, навечно запечатлелась в моей памяти благодаря рассказам моей матери и старших братьев и сестер. Но о почти одновременной – и тоже разгромной, хотя и без таких больших человеческих потерь, морской битве при Коронеле у южного берега Чили я узнал только после Второй мировой войны, когда я вернулся на южноамериканский субконтинент, где я впервые увидел свет этого несправедливого мира. Это сражение произошло на следующий день после феноменальной победы военного «тандема» Гинденбурга и Людендорфа между эскадрами немецкого адмирала графа фон Шпее и британского адмирала Кристофера Крэдока и окончилось убедительной победой немцев, которой не ожидал никто – ни в Лондоне, ни в Берлине. То, что британцы не раструбили по миру о своем воспринятом ими как позор полном поражении, вполне понятно. С незапамятных времен их флот не переживал такого. Флагман с командующим эскадры и второй тяжелый крейсер были потоплены, только меньшие корабли смогли ускользнуть.

Средства коммуникаций в начале нашего столетия были еще очень далеки от их сегодняшнего совершенства. Южная Америка была для тогдашнего понимания настолько удалена, что даже события войны на этом субконтиненте едва ли воспринимались. Прежде всего, однако, немецкая морская победа при Коронеле через один день после уничтожения царской армии генерала Самсонова при Танненберге не привлекла внимания, так как Германия, для которой приближение «русского парового катка» было вызывающим ужас кошмаром, была вне себя от радости из-за неожиданной победы Гинденбурга и поэтому просто не обратила внимания на события у невообразимо далекого побережья Чили. Только сегодня, занимаясь такой загадочной фигурой как адмирал Вильгельм Канарис, его роль как молодого морского офицера на борту малого крейсера «Дрезден» следует точнее исследовать и выяснить. Битва при Коронеле была первым военным опытом, который получил Канарис в его поистине авантюрной карьере как офицер сначала императорского, после этого республиканского военно-морского флота и, наконец, флота Третьего Рейха. Ему скоро должно было исполниться 26 лет, когда «Дрезден», в экипаж которого он был включен в звании старшего лейтенанта на должности адъютанта командира, в военном порту Килия готовился к отплытию в Центральную Америку. Корабль был спущен на воду в 1907 году на верфи «Blohm & Voss» в Гамбурге и переживал свое первое военное использование с 1912 года, когда его отправили в Средиземное море для защиты немецких интересов во время беспорядков на Балканах (против турок). Теперь, после свержения диктатора Порфирио Диаса, опасная ситуация складывалась в Мексике, где жизнь и имущество проживавших там немцев могли оказаться под угрозой. И то, и другое должен был защитить военноморской флот родины. Во второй рождественский день 1913 года члены экипажа гордого корабля попрощались со своими родными – некоторые из них навсегда. Малый крейсер «Дрезден», который как раз прошел основательный ремонт и был в какой-то мере даже отполирован до блеска, больше не вернулся из этого похода в свой родной порт. Его обломки лежат на дне Тихого океана в чилийских территориальных водах у южной оконечности американского континента.

Но до этого момента должно было еще пройти определенное время. Враждебные эскадры должны были сначала сформироваться для их столкновения. Шпее делал это, собирая со своим флагманским кораблем «Шарнхорст» разбросанные по всем немецким владениям и зонам интересов в Восточной Азии корабли императорского военно-морского флота, причем он не оставлял без внимания охоту на вражеские грузовые суда с целью их потопления. Гражданский экипаж и возможные пассажиры собирались на одном из посыльных судов и высаживались в ближайшей нейтральной гавани. Если удавалось найти на захваченных судах уголь и запасы продовольствия, то их забирали как желанную добычу.

Так по пути через Тихий океан в юго-восточном направлении собрались такие значительные морские силы.

К Крэдоку, напротив, поступил приказ британского Адмиралтейства о сборе эскадры с целью устранения немецкого нарушителя спокойствия в Тихом океане на так называемых Фолклендских островах перед аргентинским побережьем в Южной Атлантике, которыми Великобритания завладела уже примерно два столетия назад, сначала силами британских пиратов в 1832 году, и защищала сегодня – в последний раз это делала «Железная леди» Маргарет Тэтчер – огнем и мечом, так как они стратегически важны для контроля не только Атлантического, но и Тихого океана.

Малый (легкий – прим. перев.) крейсер «Дрезден» был единственным кораблем формирующейся эскадры Шпее, который находился в начале войны не в Тихом океане, а на другой стороне Америки – в Атлантике. 29 декабря 1913 года он покинул немецкие территориальные воды по направлению к Мексиканскому заливу. Эта местность не была неизвестной для старшего лейтенанта Вильгельма Канариса. Уже осенью 1907 года он был с крейсером «Бремен» в Центральной Америке, где – как после этого в Мексике – произошли беспорядки, из-за которых нужно было защищать немецкие интересы. Тогда молодой лейтенант воспользовался этим случаем, чтобы усовершенствовать свои скудные знания испанского языка, о чем свидетельствует беседа с одним его товарищем по экипажу в Чили еще перед обеими морскими битвами у побережья Южной Америки, о чем пишет госпожа Паркер де Басси в своей уже упомянутой книге о «Дрездене». На вопрос товарища в том же звании с его корабля, откуда у него такие хорошие знания испанского языка, Канарис со всей скромностью ответил, что его знания пока еще вовсе не настолько хороши. Но он использовал каждый представляющийся случай, чтобы лучше познакомиться с языком и с политической ситуацией всех посещенных стран. И как раз испанский язык особенно нравился ему. Не была ли его семья испанского происхождения, спросил после этого его разговорчивый приятель. Судя по внешнему виду, у Канариса, пожалуй, могли бы быть предки-испанцы. Рост у него был скорее маленький, чем большой, волосы немного более темные, чем тогда было обычным в Германии, но с голубыми – и при этом очень выразительными – глазами он был также внешне – особенно для женщин – впечатляющим явлением. Тем не менее, на вопрос любознательного собеседника он ответил отрицательно и охотно дал ему такую информацию: в конце семнадцатого века один из его предков Канарис вместе с тремя его братьями иммигрировали из Сала на озере Комо в Италии в Бернкастель-Кюс на Мозеле. Итак, семья Канарис однозначно итальянского, а не греческого происхождения, как неоднократно предполагалось. Слух об его эллинском происхождении возник из-за одной выдающейся личности Греции в девятнадцатом столетии, которая незадолго до рождения Вильгельма Канариса

стала национальным героем молодого государства. Фамилия этого великого грека была Канарис – «Kanaris» с первой буквой «К», он был адмиралом и умер за шесть лет до того, как «наш» Канарис с первой буквой «С» узрел в Германии свет мира. Греческий Канарис выиграл различные морские битвы, он считается освободителем Греции от турецкого господства, стал в независимой Греции премьер-министром и умер на этом посту в 1877 году. Более новое исследование показало, что также его семья происходит с озера Комо, итак, возможно, что изначально у него было то же самое происхождение, что и у Канариса с первой буквой «С». Значит, нельзя обвинять адмирала с первой буквой «С» в неискренности или тем более в мошенничестве, когда он повесил большой написанный маслом портрет греческого адмирала Канариса в своем доме и только молча пожимал плечами, если посетители спрашивали его, был ли этот Канарис его предком. Вильгельм Канарис купил портрет героя во время своего пребывания в Греции в одной из бесчисленных поездок по огромным занятым немцами областям Европы.

Тогда, то есть перед Первой мировой войной и во время ее, он вел себя еще отлично и образцово. В Мексике «Дрезден» смог принять много немцев со всем их имуществом и доставить их на суда, на которых они уехали назад на родину. 14 июля 1914 года «Дрезден» получил приказ принять убежавшего президента Викторiano Уэрту и высадить его в Кингстоне на острове Ямайка. У мексиканского побережья «Дрезден» был сменен «Карлсруэ». Назад в Киль. Отданный об этом приказ заканчивался указанием максимально поторопиться. Пожалуй, редко приказ исполнялся так быстро и так охотно. Наконец-то вырваться из мексиканской военной толкотни! Экипаж был очень доволен. Он не знал, что предстояло ему через две недели: Мировая война номер 1. 26 июля 1914 года «Дрезден» покидает недружелюбные воды. Не только задания обоих крейсеров поменялись, но и их командиры. Командир «Карлсруэ», Фриц Эмиль Людеке, принимает «Дрезден», а прежний командир «Дрездена» Карл Кёлер пересаживается на «Карлсруэ». Второй командир и адъютант остаются теми же: Курт Ниден и Вильгельм Канарис. «Дрезден» держит курс на один из островов Малых Антильских островов, чтобы загрузиться там углем и продовольствием. Во второй половине дня по радио поступает тревожное сообщение: политическая напряженность между Германией и Российской империей обостряется. После убийства австрийского престолонаследника Франца Фердинанда в Сараево 28 июня немецко-русские отношения быстро ухудшились. Когда царь на несколько дней позже назначает мобилизацию, война уже становится неизбежной. В то время как немецкие и русские войска разворачиваются для битвы у Танненберга, война начинается также на Западе. Англия объявляет ее Германии 4 августа 1914. Тем самым будущий конец малого крейсера «Дрезден» уже оказывается предрешенным. В том, что Англия господствует в мировом океане, сомневаться не приходится. «Rule, Britannia, rule the waves...» Но также и тогда немцы не

хотели позволить превратить себя в рабов. На борту «Дрездена» начинают готовиться к войне. Пушки и боеприпасы проходят проверку, и экипаж из 370 человек регулярно проводит учения, чтобы быстро занимать свои места по боевому расписанию. Мечтам о возвращении домой пришел конец. Командование императорского военно-морского флота дало крейсеру «Дрезден» задание атаковать вражеские коммуникации в Атлантике методом решительного каперства и удерживать таким образом «Home Fleet» от того, чтобы применить всю свою наступательную силу против сконцентрированного в Киле германского флота. Несколько дней спустя поступает следующий – на этот раз сверхсекретный – приказ: «Дрезден» должен присоединиться к Восточно-Азиатской эскадре адмирала графа фон Шпее. И где это будет? Определенно в водах Чили, страны, которая не только нейтральна, но и традиционно дружелюбно настроена к немцам, не только благодаря немецким офицерам, которые действуют здесь как советники и инструкторы, но и благодаря многим немецким эмигрантам, которые живут и работают здесь, в особенности, на юге страны. Малому крейсеру теперь нужно готовиться к реальному бою. Все излишнее доверяется волнам..., к этому относятся также оба пианино, на которых до сих пор так много играли. Впредь на борту музицируют пушки.

С общим курсом на юго-запад «Дрезден» направляется к предполагаемому месту встречи с Восточно-Азиатской эскадрой графа фон Шпее. При этом ему нужно обойти Мальвинский архипелаг, к югу от 50-го градуса широты у крайнего конца американского континента, который был ключом британского контроля не только Атлантического, но и Тихого океана. «Дрезден» должен был избегать этого опасного угла Америки со всей осторожностью. Это удалось. Британские оккупанты островов в эти первые дни войны еще не были готовы к войне. Британский адмирал Крэдок только что получил приказ из Лондона сформировать здесь эскадру, чтобы уничтожить врага, который приближался с эскадрой «графа фон Шпее». Крэдок делал все, что мог. Но этого было недостаточно. В морской битве при Коронеле 1 ноября 1914 года его эскадра была разгромлена графом фон Шпее. Крэдок утонул со своим флагманским кораблем «Гуд Хоуп», потоплен был и другой тяжелый крейсер его эскадры, «Монмут». Оставшиеся английские корабли спаслись бегством. Такого краха Англия не испытывала уже больше двух веков. Ее бессмертный морской герой Горацио Нельсон, который в своих всегда победоносных битвах потерял глаз на Корсике, руку у Санта-Круса и в 1805 году, наконец, у Трафальгара, в выигранной битве жизнь – свое сердце он уже давно подарил леди Гамильтон (урожденная Эми Лайон) – узнай он об этом поражении британского флота, перевернулся бы в гробу. Британский флот в этой битве потерял 1700 человек. Потери немцев, причиненные двумя попаданиями в «Шарнхорст» и четырьмя в «Гнайзенау», – двое легкораненых и один мертвый попугай.

Убедительная победа немцев при Коронеле не просто так упала в руки графу фон Шпее. Он, родившийся 22 июня 1861 года, как второй командир SMS (Корабль его Величества) «Бранденбург», как это тогда называлось во Второй империи, принимал участие в подавлении китайского «Боксерского восстания» в 1900 и 1901 годах. С этим опытом в Восточной Азии он после различных мест службы на родине как командующий немецкой Восточно-Азиатской эскадры получил в 1912 году звание контр-адмирала, а в 1913 был произведен в вице-адмиралы. Когда затем в конце июля 1914 года темные тучи Первой мировой войны сгущались на европейском горизонте, он предоставил защиту немецкого владения Циндао в Китае капитану второго ранга Ф. К. фон Мюллеру с его малым крейсером «Эмден», кораблем-близнецом «Дрездена». Сам фон Шпее с его флагманским кораблем «Шарнхорст» и большей частью немецкой Восточно-Азиатской эскадры покинул базу, чтобы превосходящие силы противника не смогли его отрезать и уничтожить, как действительно планировали и готовились могущественные военно-морские силы Англии, Франции, Японии и Австралии.

Но также и дерзкий капитан фон Мюллер смог уже в первый день войны после полученной с родины команды вырваться из осажденного Циндао со своим крейсером «Эмден». Уже около острова Цусима в морском проливе между Кореей и Японией, где в мае 1905 года в Русско-японской войне японцы уничтожили царский флот, он перехватил ничего не подозревавший русский транспорт «Рязань», захватил его, и сделал из него немецкий вспомогательный крейсер «Корморан». 12 августа он у Марианских островов присоединился к эскадре фон Шпее, но уже через два дня вместе с кораблем «Принц Айтель Фридрих» был отправлен в самостоятельный каперский поход. Только между 10 и 15 сентября они могли резвиться в Тихом океане как щука в пруду для разведения карпов: их жертвой пали шесть больших британских транспортов. Только два из них с очень ценным грузом угля были захвачены, другие четыре были потоплены, после того как команда и пассажиры были взяты на борт, чтобы высадить их в ближайшем нейтральном порту. Похожие успехи принесли и следующие дни и недели. «Extremely shocking!» сетовали в британском Адмиралтействе, пишет Паркер де Басси в ее увлекательной книге. Очень раздраженный Лондон отправил пять крейсеров на охоту за «Эмденом». Успех? Нулевой! 28 октября 1914 года произошло сенсационное событие для международной прессы: капитан фон Мюллер проник ночью со своим крейсером во вражескую гавань Пенанг в Малаккском проливе и потопил там торпедами русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец «Муске». Только 9 ноября 1914 года судьба настигла его у утесов Килинга у австралийских Кокосовых островов в Индийском океане. Австралийские крейсера «Сидней» и «Бьюрерз» застали его врасплох, после того как он уже рассек вражеский подводный кабель и взорвал передающую станцию на острове. Мюллер не сдавался. Он оставался как единственный с его развевающимся имперским военным флагом на своем совершенно разрушенном

корабле. 10 офицеров и 200 матросов его экипажа были спасены из воды и с утесов. 7 офицеров и 108 матросов погибли. Только на следующий день капитан фон Мюллер тоже сдался. Его приняли на борту австралийского крейсера «Сидней» с воинскими почестями, и он до конца войны оставался на Мальте в британском плену, где ему передали врученный императором Железный крест первого класса. Тогда на войне еще было благородство!

6 августа 1914 года Граф фон Шпее вызвал для обсуждения командиров кораблей его эскадры на свой флагманский корабль около острова Понапе из группы Каролинских островов. Старшие морские офицеры собрались за овальным столом в каюте капитана. Слова, которые они слышали, были очень серьезными. Будет трудно добраться до Германии, сказал адмирал. Вражеские эскадры господствуют во всех морях. «Мы должны нанести противнику наибольший вред, пока у нас не закончатся боеприпасы, или пока нас не победят превосходящие силы врага». В короткой паузе, которую здесь сделал Шпее, царила гнетущая тишина. Затем он продолжил с тактическими подробностями излагать свой план действий. Приобретение необходимого продовольствия и угля будет трудным в районе Полинезийских островов, так как они все находятся в руках врага. Но почти абсолютно нейтральный субконтинент уже не слишком далек: Южная Америка. Одно из хорошо настроенных к нам южноамериканских государств – это Чили. Чили принадлежит Остров Пасхи в Тихом океане. Он должен стать нашей целью. Оттуда можно было бы дойти до Вальпараисо для получения провианта. И потом дальше на юг, вокруг Мыса Горн в Атлантику и дальше, с божьей помощью, назад на родину. При этих своих последних словах граф опустил голос. Он был верующим католиком. Вероятно, он посылал теперь тихую молитву к небесам. Никто не прерывал наступившую тишину. Граф фон Шпее и его офицеры знали масштаб своей ответственности. Но ответственность командира эскадры была самой тяжелой из всех. Оба его сына сопровождали его как молодые офицеры эскадры, лейтенант Отто на «Нюрнберге» и его брат Генрих, в том же звании, на флагманском корабле «Гнайзенау». Вероятно, он думал тогда не только об обоих, но и об их матери Маргарете, урожденной графине фон дер Остен-Закен, и единственной дочери дома в Киле. После короткой молчаливой паузы, когда все эти мужчины думали о своих близких на родине, началось обсуждение подробностей боевого плана, которые присутствующие затем передавали на их кораблях.

Упомянутый адмиралом фон Шпее на его оперативном совещании остров Пасхи, который находится на удалении не менее 3600 км от чилийского побережья, стал местом действия одного из немногих юмористических эпизодов в ходе морской войны в начале Первой мировой войны. Остров, находящийся примерно на полпути между Полинезией и Южной Америкой в Тихом океане, был открыт лишь в 1722 году (как раз в пасхальный день в этом году, отсюда его название)

и в 1800 году перешел под власть Чили. Он прославился своими огромными (высотой до 25 м) статуями из черного туфа, создатели которых еще сегодня точно не известны. Представленные гигантские фигуры людей имеют мало общего с сегодняшними полинезийцами. Уже умерший в 1991 году французский социолог и специалист по праистории профессор доктор Жак де Майё, который после Второй мировой войны продолжил свою научную работу в аргентинских институтах, и книги которого о деятельности викингов и еще более древних северных людей в Америке еще до ее предполагаемого открытия Колумбом выходили также в Германии и Франции, приписывает создание неповторимых художественных произведений седой доисторической старине на острове Пасхи, и уж во всяком случае, не предкам живущих сегодня там полинезийцев. Уже подготовленная исследовательская поездка на отдаленный остров, к сожалению, не состоялась из-за смерти французского ученого.

Для немецкого адмирала остров Пасхи был ожидаемой станцией получения продовольствия для предстоящей битвы со сформированной на Мальвинах (Фолкендские острова) британской эскадрой адмирала Крэдока. Для малого крейсера «Дрезден» он был местом так долго и так страстно ожидаемой встречи с эскадрой Шпее. На рассвете 12 октября 1914 года остров появился в поле зрения. Но капитан первого ранга Людеке еще вовсе не был уверен, встретит ли он здесь соединение своего флота или же вражеское. Он с мостика сказал несколько серьезных слов экипажу; рядом с ним стояли второй капитан Курт Ниден, штурман Виллек и адъютант Вильгельм Канарис. Командир закончил свое обращение со словами: «Мы все полны решимости сражаться за отечество. Да здравствует Германия! Да здравствует император!»

Все было подготовлено на случай боя. У пушек боевые расчеты приводили в исправность оружие и готовили снаряды. Офицер торпедной части, лейтенант Хартвиг, подготовил к использованию свои «сигары смерти». Двенадцать котлов корабля работали на полную силу и могли при необходимости дать кораблю его максимальную скорость. С рассветом можно было различить облака дыма. Враг ли это? Не станет ли сейчас жарко? Потом напряжение исчезает: это наши. Можно определить первый корабль – это флагман «Шарнхорст». За ним следуют «Гнайзенау», «Нюрнберг», транспорты «Крокодил» и «Титания» и почтовое судно «Йорк». Спустя два дня к эскадре присоединяются пришедшие с западного побережья Мексики «Кармак», «Гёттинген», «Лейпциг» и еще один маленький корабль, теперь эскадра полностью укомплектована. В целом на чилийском острове теперь находятся около 2500 немецких моряков: примерно в пять раз больше, чем всё местное население. Ни с кем не происходит ничего плохого. И все же на Острове Пасхи в те дни было пролито много крови. Поголовье коров на острове сильно сократилось. Самая большая ферма острова была во владении английской фирмы «Уильямсон Бэлфур», и мистер Эдмонд, ее управляю-

щий, тоже был англичанином. У него было больше коров, чем тогда было жителей на острове: примерно пятьсот. Госпожа Паркер де Басси узнала эти и другие подробности от адмирала чилийского военно-морского флота, немца по происхождению, Альфредо Хоффманна Ханзена, который несколько позже, но все еще во время Первой мировой войны, со своими курсантами военно-морского училища прибыл на Остров Пасхи для учебной экспедиции.

Мистер Эдмонд очень охотно выделил 120 животных, о которых он заботился, для убоя ради немецких гостей. Он был в восторге не только от оплаты. Она происходила в немецких золотых монетах. Эдмонд и немцы долго и сердечно пожимали друг другу руки. Общение, естественно, происходило на английском языке, которым также тогда уже свободно владели многие из немецких моряков. Наконец, немецкий казначей спросил предупредительного делового партнера о его гражданстве. «British subject» – последовал гордый ответ. Немец вздрогнул. Потом он спросил англичанина, почти заикаясь: – Неужели вы все же еще не знаете, что больше двух месяцев назад Англия объявила нам войну?

Англичанин ничего не знал. Тогда еще не было радио и телевидения. И почта на Остров Пасхи приходила с большим опозданием – а после начала войны уже и вовсе не приходила. Но так выгодно проданная английская говядина была теперь уже съедена, и хорошие немецкие золотые монеты наполнили английский сейф. Чувствовал ли британский бизнесмен угрызения совести, когда флот его страны несколько позже был потоплен при Коронеле немецкими моряками?

В момент этой сомнительной, уникальной в Первой мировой войне немецко-английской «коровьей сделки», командующий уничтоженной вскоре после этого британской эскадры контр-адмирал сэр Кристофер Крэдок, находился на Мальвинских островах. До сих пор в его распоряжении был только флагманский корабль «Гуд Хоуп» для эскадры, которую требовалось сформировать. Все прочее у него отсутствовало, прежде всего, однако, военная удача. Напрасно он до сих пор преследовал сначала немецкий крейсер «Карлсруэ», а после этого «Дрезден». Один ускользнул в Карибское море, другой на Остров Пасхи в Тихом океане. У «Гуд Хоупа» и его адмирала больше не было «доброй надежды». Крэдок со страхом смотрел на себя и доверенные ему силы. После своей безуспешной облавной охоты на оба корабля они находились в Порт-Стэнли, основной гавани Мальвинских островов. Тут от Адмиралтейства из Лондона пришел приказ разыскать и уничтожить немецкого адмирала и его эскадру. Такой приказ можно было легко отдать, но его трудно было выполнить. Крэдок не знал, как и где он должен был осуществить это.

Адъютант командира «Дрездена», в то время старший лейтенант Вильгельм Канарис, при первой морской битве Первой мировой войны мог представить себе

важность хорошо функционирующего шпионского аппарата. Беспроволочный телеграф находился тогда еще в зачаточном состоянии. Но как раз англосаксонский противник был уже в начале Первой мировой войны готов усердно перехватывать и расшифровывать радиogramмы наших военных кораблей. Адмиралтейство в Лондоне, благодаря агентам британской разведки во всех важных для судоходства в обоих океанах точках, довольно точно знало, когда, где и как немецкий адмирал собрал эскадру. Оно послало боевой приказ об уничтожении эскадры Шпее своему адмиралу Крэдоку уже 7 октября 1914 года. Там, среди прочего, было сказано: «Вы получите «Канопус» для усиления и вместе с «Глазго», «Монмутом» и «Отранто» обеспечите безопасность морского пути торгового судоходства. Если вы будете действовать с «Гуд Хоупом» в Тихом океане, оставьте «Монмут» у побережья Атлантики, чтобы так обеспечить безопасность морского пути, которому угрожает «Карлсруэ». «Невозможно», телеграфировал по кабелю беспомощный адмирал 8 октября назад в Лондон. «Это означает распылить силы». Он объяснял в своем протесте, что вся немецкая эскадра нападет на его корабли, некоторые из которых недостаточно быстры. Он просил об отправке «Корнуолла» и «Дефенса» к Мальвинским островам. Ответ был резок: «Просьба отклонена. Наличествующих сил достаточно». К этим силам принадлежал также «Канопус», малопригодный корабль британского военно-морского флота, который был замечен на бразильском побережье как плавающая батарея (броненосец береговой обороны – прим. перев.). Древняя лоханка со своими старыми машинами не могла развить скорости больше 12 узлов, т.е. немного больше чем 22 км/ч. Немецкие корабли были частично почти вдвое быстрее. Какую пользу могло бы принести озабоченному адмиралу Крэдоку такое усиление!

Но Крэдок, который считался прямо-таки научным стратегом британского военно-морского флота, все еще не сдавался. Он послал вечером 17 октября один из своих кораблей в Пуэрто-Монт на чилийском побережье, другой корабль отправил к Коронелю. Они все должны были попробовать связываться через Монтевидео, столицу традиционно дружественного Англии Уругвая на восточном берегу Южной Америки, с Лондоном, чтобы добиться изменения приказа Адмиралтейства об обороне от приближающейся немецкой эскадры. Он послал злощастный «Канопус» с двумя сопровождающими угольщиками в залив Валлемар. Он продолжал требовать, чтобы ему прислали еще один корабль, который мог бы справиться с немецким «Шарнхорстом». Ответ из Лондона снова был резок: «Наличествующих сил достаточно». Это был смертный приговор для Крэдока и его эскадры; вынес его Уинстон Черчилль, тогда еще Первый лорд, т.е. британский военно-морской министр. Немецкий адмирал граф фон Шпее должен был привести этот приговор в исполнение. Жертвой пали британский адмирал и его лучшие офицеры, в целом 1700 человек. Британские линкоры «Гуд Хоуп» и «Монмут» утонули. Немцы получили только два попадания. У молодого немец-

кого военно-морского флота еще не было более убедительной победы. С мужественным адмиралом Крэдоком (мужественным также по отношению к своему собственному начальству) погибли также два столетия старой саги о непобедимости британского военно-морского флота. Поэтому пропаганда союзников – по команде Черчилля – делала всё, чтобы утаить британское поражение при Коронеле. Черчилль должен был уйти в отставку с поста военно-морского министра только после того, как и следующая его операция (в Дарданеллах) потерпела неудачу.

Малый крейсер «Дрезден» со старшим лейтенантом Канарисом на мостике рядом с его командиром активно участвовал в битве при Коронеле, как это подробно изложил один из членов экипажа этого корабля Генрих Шнайдер в своей вышедшей в 1926 году книге «Малый крейсер «Дрезден»». «Дрезден» взял на прицел соответствующий ему по классу британский крейсер «Отранто» и смог приблизиться к нему до 9000 метров. Британец открыл огонь с этой дистанции, но промахнулся мимо цели, тем не менее, примерно на 100 метров. Немецкие артиллеристы целились лучше: часть мостика вражеского корабля взлетела в воздух. Следующий залп поразил корпус корабля. Опустошительное воздействие можно было отчетливо увидеть. «Отранто» поспешил спастись бегством. «Дрезден» не преследовал его, так как теперь нужно было прийти на помощь немецкому кораблю «Лейпциг», которого сильно теснил крейсер «Глазго». Тот направил залп также и на «Дрезден». К счастью, был недолет. Море бурлило; когда смеркалось, в 19.20, под попаданиями немецкой корабельной артиллерии «Гуд Хоуп» взлетел на воздух, когда «Дрезден» находился на удалении всего лишь 400 метров от него. Чуть позже флагманский корабль «Монмут» с адмиралом Крэдоком также затонул в волнах. Британский крейсер «Глазго» ускользнул. Позже ему было суждено стать причиной гибели малого крейсера «Дрезден», причем адъютант командира Канарис сыграл в этом важную роль.

Непосредственно после битвы при Коронеле, а именно утром 2 ноября 1914 года, старший лейтенант Вильгельм Канарис, у которого в носу еще сохранился запах пороха с прошлого вечера, сел за столик своей каюты, чтобы написать письмо матери (урожденной Попп). Он опасался, что она будет бояться за него, когда там на родине появятся первые сообщения о морских боях у побережья Чили. Это и еще другое его письмо, написанное всего десять дней спустя той же получательнице, принадлежат к совсем небольшому количеству сохранившихся рукописных признаний, которые оставил будущий шеф немецкого шпионажа. Его подробные дневники, которые он частично даже записывал собственной рукой, перед концом войны были полностью уничтожены, прежде чем они смогли попасть в руки правосудия. Поэтому тем большее внимание следует уделить этим двум его письмам матери из Чили. Их разыскал Карл Хайнц Абсхаген, журналист и сотрудник шефа шпионажа, который уже в 1949 году опубликовал в

Штутгарте одну из многих биографий Канариса, вероятно, ту, в которой с объектом исследования обошлись наиболее снисходительно. Он извиняет своего «героя» словами Талейрана, который как епископ служил кресту церкви так же, как гильотине французской революции и короне Бурбонов, и который якобы однажды (в беседе с поэтом Ламартемом) сказал: «Мои так называемые преступления — всего лишь фантазии глупцов. Нужно ли умному человеку преступать закон? Преступление — это вспомогательное средство политических простодель... У меня были слабости, быть может, даже пороки, но преступления?!» И к этой вышеупомянутой категории глупцов Канарис так же мало подходит, как Талейран. Талейрана история последних двух столетий однозначно осудила. По поводу Канариса пока еще продолжаются споры.

Оба письма, которые он отправил матери под впечатлением своего только что испытанного боевого крещения, выглядят чрезвычайно положительными. По деловому и без какого-либо хвастовства или даже ура-патриотизма он изображает ход битвы, как он испытал ее. Он говорит очень просто о «большом успехе». В этом он был прав, несомненно. Только ошибочной была его надежда на то, «что все и дальше будет продолжаться так». Несколько позже последовало уничтожение эскадры Шпее у Мальвинских островов, чем британское Адмиралтейство полагало стереть из памяти мира позор своего поражения при Коронеле, тем более, что среди оцениваемого четырехзначным числом погибших были также граф фон Шпее и оба его сына. Это произошло во второй половине дня 7 декабря 1914 года. В огненном граде четырехкратно превосходящей артиллерии британских броненосных крейсеров утонул флагманский корабль графа фон Шпее «Шарнхорст», причем из 795 членов экипажа не спасся ни один человек. Все же, прежде чем его корабль утонул в ледяных волнах приполярной Атлантики, адмирал приказал упаковать знамя императорского военно-морского флота в имперских черно-бело-красных цветах в медную гильзу, хорошо закрыть ее и бросить за борт. Это знамя — единственное, что сохранилось от его гордого корабля. Волны выбросили гильзу с флагом на побережье Аргентины, там ее нашли, и дружественная страна Аргентина, которая в отличие от Второй мировой войны оставалась нейтральной вплоть до немецкой капитуляции 1918 года, передала знамя немецкому правительству. Но капитан второго ранга и бывший первый офицер Корабля его Величества «Гнайзенау» Ганс Поххаммер, оставил нам в своей книге «Последний поход графа Шпее», Лейпциг, 1932, превосходные слова:

*«КОРОНЕЛЬ! Звезды нет ярче.
Фолклендская битва не затмит ее сияние».*

Непосредственно перед своей смертью фон Шпее отправил свою последнюю радиogramму малым крейсерам эскадры, у которых до сих пор не было сопри-

косновения с противником, и вместе с тем у них еще оставался шанс ускользнуть от уничтожения превосходящей английской эскадрой. Это особенно касалось «Дрездена», с 25 узлами (около 45 км/ч) самого быстрого корабля эскадры Шпее. Этим тщательно продуманным последним приказом адмирал граф фон Шпее спасал не только боевую мощь этих кораблей, но и жизнь сотен смелых немецких моряков.

Из так фатально закончившейся морской битвы при Мальвинах Канарис, во всяком случае, вернулся невредимым на юг Чили, где он, в конце концов, написал оба письма матери, которые дают нам одну из немногих точек опоры для трудного выяснения его характера. В письме от 12 января 1915 года он упоминает также политические проблемы, которые вызвала эта война. Командир его корабля капитан второго ранга Фриц Людеке, которому он был тогда подчинен как адъютант, часто советовался с ним для оценки политического положения, особенно относительно Латинской Америки. Всегда он вел себя по отношению к нему очень внимательно, часто говорил с ним обо всем возможном и в служебных делах предоставлял ему полную самостоятельность. Очевидно, этот начальник умел правильно оценивать интеллектуальные способности своего адъютанта. Знал ли он также его характер, остается открытым вопросом. Госпожа Паркер де Басси в своей книге о «Дрездене» упоминает в этой связи, что Канариса его товарищи-моряки фамильярно называли «Der Kieker». Так на языке моряков называется подзорная труба или морской бинокль, но также и человек, который употребляет этот прибор для наблюдения (впередсмотрящий – прим. перев.). Она, как коренная чилийка, частично английского происхождения, плохо знакома с немецким языком и поэтому передает прозвище Канариса в различных формах, таких как «Kicka» или «Kika» и даже «Der Kicker», что по-немецки означает футболиста, что уже точно никак не подходит к Канарису. Но качеством «впередсмотрящего» на корабле Канарис определенно обладал. И даже чуть больше: он наблюдал, сразу замечал и делал свои выводы из увиденного. В этом смысле «Der Kieker» был буквально предопределен для своей более поздней должности шефа могущественной немецкой шпионской организации. К этому добавляются его дипломатическая ловкость в обращении с людьми самых различных национальностей, его общественное положение и исключительный талант к изучению и употреблению иностранных языков. Эти и другие способности, прежде всего, способности дипломата, он должен был уже скоро доказать как адъютант своего командира при гибели «Дрездена».

4. Геройская смерть или самоубийство?

Благодаря своей паротурбинной силовой установке – малый крейсер «Дрезден» был единственным кораблем потопленной у Мальвинских островов немецкой

эскадры, который был оснащен этим новым достижением техники и поэтому был быстрее, чем все остальные корабли, он смог избежать уничтожения.

Адмирал Фредерик Чарльз Стэрди, командующий победоносной английской эскадры, приказал всем действующим между Мальвинскими островами и водами Тихого океана британским кораблям искать немецкого беглеца, чтобы они общались о его месте и подготовили «Дрездену» ту же самую судьбу, что и другим кораблям эскадры Шпее. Не очень приятное чувство для преследуемых, которые рано утром, в пять часов утра 9 декабря 1914 года достигли Огненной Земли. Теперь нужно было спрятаться в лабиринте частично еще неисследованных островов и проливов, которые еще не были надежно отмечены на морских картах. Настроение экипажа было гнетущим. Почему как раз они должны были остаться в живых, в то время как так много сотен их товарищей погибли в ледяных водах Южной Атлантики? Необходимо было соблюдать самую большую осторожность. Весь свет и огни на борту были потушены. Адъютанту командира было поставлено задание, которое позже во Второй мировой войне выполняли так называемые офицеры национал-социалистического руководства: укрепить моральный дух моряков. Старший лейтенант Канарис, похоже, выполнил с экипажем «Дрезден» это задание честно и успешно. Он объяснил экипажу план командира сохранить корабль от преследования врага. Капитан хотел попытаться войти в Пунта-Аренас, порт в Магеллановом проливе и одновременно столицу чилийской провинции Магелланес. Было известно, что чилийское правительство после битвы при Коронеле разрешило одному из убежавших британских кораблей, «Отранто», пробыть пятьдесят часов (а не только обычные двадцать четыре часа) в Пунта-Аренас, чтобы не только снабдить себя углем и продовольствием, но и устранить полученные в битве повреждения. Теперь это хотел попробовать также «Дрезден». 12 декабря 1914 года в девять часов корабль покинул прежнее убежище. Он обошел вокруг крайнего южного кончика американского континента, полуострова Брунsvик. Теперь путь продолжался в северном направлении. В 16 часов того же самого дня корабль бросил якорь в море у Пунта-Аренас, и капитан Людеке в сопровождении своего адъютанта Канариса сразу отправился к местному капитану порта, чтобы получить разрешение на пребывание в течение пятидесяти часов.

Разрешение было получено еще тем же вечером. Но в полной мере им нельзя было воспользоваться. Заказанный у американского транспорта груз угля не пришел. Американец, хотя его страна была нейтральна, очевидно, был подкуплен британцами, так что нужно было довольствоваться местным брикетированным углем. И необходимый ремонт из-за недостатка времени мог быть проведен только поверхностно, так как командир опасался, что враг сможет выследить корабль. Поэтому «Дрезден» покинул нейтральную гавань прежде времени. 13 декабря 1914 в 21.00 корабль с потушенными огнями снова был в открытом мо-

ре. Перехваченные радиogramмы врага говорили о том, что британские крейсера еще не взяли на прицел дичь, за которой охотились. Оба британских корабля «Бристоль» и «Глазго» пришли в порт Пунта-Аренас спустя всего несколько часов после того, как «Дрезден» покинул его. Так что у капитана Людеке и «Кикера» Канариса, очевидно, было правильное чутье с решением покинуть гостеприимный порт Пунта-Аренас как можно скорее.

Новое убежище нашли утром 14 декабря в труднодоступном заливе острова Гурдиан-Брито, где «Дрезден» в полном спокойствии сменил свой цвет. Для этого был выбран более темный серый цвет, как его использовал чилийский военно-морской флот для окраски своих кораблей. Несколько дней спустя состоялось посещение, более дружелюбное, чем вызывающее страх вражеское: Альберт Пагельс, чилиец немецкого происхождения, который со своей шхуной «Эльфриде» работал здесь как рыбак и лоцман и теперь стал оказывать услуги «Дрездену». Он привозил из Пунта-Аренас почту, продукты, новости и важную информацию о положении противника. Услуги, которые он оказывал экипажу и вместе с тем Германии, окупались плохо. В 1933 году он был приглашен тогдашним правительством Германии в страну, чтобы рассказать о пережитом и о судьбе «Дрездена». В Германии ему настолько понравилось, что в 1939 году начало Второй мировой войны застало его врасплох, и он не смог вернуться на свою чилийскую родину. В этой ситуации он обратился к «Кикеру»- Канарису, который тогда в Германии как адмирал у главнокомандующего военно-морским флотом занимал важную должность, хотя еще не должность начальника разведки. Тот использовал старого морского волка для поднятия боевого духа войск рассказами о своем опыте во время Первой мировой войны. Его возвращение в Чили стало возможным лишь позже, когда западные державы-победители создали Федеративную республику, и через пару лет она стала более или менее суверенной даже в области внешней политики. Но немецкая пенсия Альберта Пагельса, который и во Второй мировой войне, уже будучи стариком, тоже оказывал услуги своей родине, оказалась настолько маленькой, что он, возвратившись в 1951 на свою чилийскую родину, зависел от милости: судьба заграничного немца.

Немецко-британская игра крейсеров в прятки продолжалась еще несколько месяцев в морском лабиринте Огненной Земли. Снабжение было время от времени настолько затруднительным, что экипаж должен был жить за счет того, что он охотился, ловил рыбу или как-нибудь иначе мог раздобыть что-то на суше или на море. Чтобы красться от убежища к убежищу, командир Людеке вынужден был топить котел дровами, для чего нужно было рубить деревья на суше и обрабатывать полученную древесину. Это не могло так длиться вечно. Потому 10 февраля 1915 года он решил отправить по радио в Берлин сообщение, в котором сообщалось, что он как можно скорее выйдет в открытое море в Тихий

океан, чтобы встретить транспортное судно с грузом угля для «Дрездена» до 5 марта в географически точно указанном месте. Он ждал напрасно, но уже несколько дней спустя усердный капитан Пагельс прибыл с помощью и хорошими новостями. Одна из новостей была, что его дочь в Пунта-Аренас родила ребенка и сделала его дедушкой. Капитан Людеке охотно стал крестным отцом, и таким образом девочку окрестили именем Дрезден. Эта Дрезден Пагельс даже после гибели гордого корабля продолжила живую немецкую традицию.

Робко ожидаемый день 5 марта 1915 года прошел без запрашиваемого и очень нужного немецкого угольного транспорта. «Дрезден» еще несколько дней одиноко и покинуто качался на волнах на удалении примерно тысячи километров от чилийского побережья. Погода была скверной. Плотный туман лежал над волнами вовсе не такого мирного Тихого океана. Внезапно 8 марта туман рассеивается. Погода проясняется. «Все по местам!» приказывает командир Людеке, как всегда на мостике, его адъютант Канарис рядом с ним. «Дрезден» берет курс на близкие острова Хуан-Фернандес, принадлежащие Чили, один из которых стал известен как остров Робинзона больше двухсот лет назад благодаря английскому писателю Даниэлю Дефо. Именно здесь когда-то прозябал как единственное человеческое живое существо шотландский матрос Александр Селкирк, судьба которого стала прототипом для героя романа Дефо Робинзона Крузо. На этом острове еще сегодня лежат погребенными три матроса малого крейсера, который был тогда потоплен здесь. Все же, до этого пока еще не дошло. На малой тяге – из-за небольшого запаса угля – «Дрезден» пришел в движение. Но уже скоро поступила команда «Полный вперед»! Теперь «Kieker» увидел на ясном горизонте контуры военного корабля. Это мог быть только британский крейсер «Кент», одна из охотничьих собак, которых адмирал Стэрди спустил на затравленную дичь «Дрезден». Удобной возне пришел конец. И даже если при этом придется использовать последний уголь: «Дрезден» готовится к бою! Но враг, очевидно, не узнает находящийся в поиске объект для его тяжелой артиллерии. Эффект хорошей идеи с темной окраской, которая сделала «Дрезден» таким похожим на корабли чилийского военно-морского флота. Некоторое время противник, кажется, сомневается, стоит ли преследовать неопознанный пока корабль. «Дрезден» замечает оставшуюся стену облаков плотно над волнами, чтобы спрятаться за ней и исчезнуть в другом направлении. Но перехвачена британская радиограмма: «Обнаружили «Дрезден». Начали преследование». Эта встреча с врагом снова закончилась хорошо.

9 марта 1915 подошли к острову «Мас-а-Тьерра» («ближе всего к земле»), как сегодня официально называется сказочный остров Робинзона. Но в просьбе провести в гавани дольше, чем обыкновенные 24 часа, чтобы произвести необходимый ремонт машин, чилийские власти отказывают. Корабль, который до сих пор спасал себя и свой экипаж, очевидно, попал в ловушку. Его состояние –

это состояние затравленного дикого животного, который оказывается – не видя выхода – перед своими губителями. Машины разболтаны, котлы без угля. Только дух экипажа не сломлен. Но одного этого не хватит, чтобы пережить теперь очевидно предстоящий решающий бой. Командир приказывает экипажу собраться на верхней палубе. Этим утром в 8.50. можно отчетливо узнать британские крейсера «Глазго» и «Кент» на удалении в 9 и 4,5 км. «Дрезден» пытается, хотя и стоит на якоре без угля, сражаться против противника, обладающего огромным превосходством, без какой-либо надежды на то, чтобы победить или хотя бы просто спасти свою жизнь. Противник поднял военный флаг и открыл огонь. «Дрезден» ответил на это. Но уже после первых залпов превосходящего врага собственная артиллерия на кормовой палубе выбывает из строя. «Дрезден», самый быстрый корабль эскадры фон Шпее, который пережил битвы при Коронеле и Фолклендских островах (Мальвины), тем самым был обречен на смерть и полностью зависим от безжалостности врага. Враг, кажется, решительно настроен на то, чтобы не обращать внимание на международное право неприкосновенности нейтральных вод, подобно тому, как во время следующей мировой войны снова английские эскадры (на этот раз Королевских ВВС) уничтожили переполненный беженцами и ранеными город военных госпиталей Дрезден, имя, традицию и, очевидно, также трагическую судьбу которого разделил малый крейсер «Дрезден».

У командира Людеке была короткая беседа со своим адъютантом Канарисом. Потом он приказал взять белый флаг парламентаря и подготовить шлюпку для старшего лейтенанта Вильгельма Канариса. Матросов, которым в данный момент нечего было делать, одну из обеих чередующихся команд кочегаров, командир еще перед открытием огня отправил вплавь на близкую сушу. Все же среди 350 членов экипажа было десять погибших и сорок раненых, пятнадцать из них тяжело. Трех погибших похоронили на месте, т.е. на острове Робинзона, океан поглотил семерых других. В то время как Канарис греб на шлюпке на первые в его жизни дипломатическо-политические переговоры с командиром английского крейсера «Глазго», командир Людеке открыл кингстоны. В 11.34 «Дрезден» после того, как последний его моряк сошел с борта и был в безопасности, утонул с развевающимся флагом.

Госпожа Мария Тереза Паркер де Басси назвала в своей книге о «Дрездене» трагический конец этого необычного корабля смесью героической смерти и самоубийства. «Дрезден» не сдался. Ни корабль, ни город. Миссия, которую поручил командир Людеке своему адъютанту Канарису, была не только его первой миссией подобного рода, но и самой отчаянной: у нее не было шанса на успех. Командир хотел, подняв флаг парламентаря, лишь выиграть необходимое время, чтобы затопить корабль, после того как он знал, что его экипаж в безопасности. Также от Канариса это намерение не могло остаться скрытым. Он не ожидал

длинной международно-правовой дискуссии. Он старался лишь быть максимально корректным. Британский командир Льюс даже приказал своему крейсеру «Глазго» медленно двинуться навстречу лодке парламентаря. С борта был спущен веревочный трап для немецкого морского офицера. Проведенный к командиру на мостик, Канарис корректно поприветствовал его, назвал на английском языке свое звание и имя и сразу перешел к делу. У него есть приказ командира, сказал Канарис английскому командиру – так дословно передает Паркер де Басси в своей книжке о «Дрездене» – напомнить о том, что они находились в территориальных водах нейтрального государства Чили, неприкосновенность которого по действительным международным соглашениям следует соблюдать. Командир Льюс ответил энергично и коротко, но не недружелюбно: «У меня есть приказ моего начальника уничтожить «Дрезден», где и когда бы мы ни встретили его». Все остальное – будь то международно-правового или другого значения – пусть регулируют между собой Лондон и правительство Чили. Подобным образом мог бы ответить также «Бомбер»-Харрис, великолепный памятник которому сегодня стоит в Лондоне, если бы кто-то спросил его об этом, что он, мол, выполнял приказ того же самого Черчилля уничтожить 13 февраля 1945 года город военных госпиталей Дрезден с помощью американского союзника. В этом месте текущих событий у наблюдателя может возникнуть мысль: не мог ли тогдашний «Первый лорд Адмиралтейства» Уинстон Черчилль, вероятно, откомандировать на крейсер «Глазго» во время погони того за немецким крейсером «Дрезден» специалиста своей «Интеллидженс Сервис»? Вероятно, он ожидал, что во время этой операции в плен будут взяты немцы, которых потом можно будет использовать в британских интересах. Если это было так, тогда нельзя исключать, что старшего лейтенанта Вильгельма Канариса при выполнении его поручения на борту британского крейсера поставили перед возможностью его пленения, от чего он ускользнул только благодаря тому, что он, хотя и не отказался сразу от предложения без специальных обязательств, но также не взял на себя никаких обязательств. Таким образом он смог снова подняться на немецкую шлюпку самозатопившегося между тем крейсера «Дрезден» и отправиться на сушу, где его определенно ждало лишь очень свободное, прямо-таки товарищеское интернирование в дружественной немцам стране Чили и вместе с тем возвращение на родину. Этому возвращению он отныне посвящал всю свою энергию, которая была на самом деле весьма значительна.

Канарис возвратился из этой первой дипломатической миссии прямо на сушу острова Робинзона, где командир Людеке собирал оставшихся в живых членов экипажа затопленного им корабля. Это было не так просто, так как некоторые из них убежали в густой девственный лес острова, опасаясь пленения десантной командой с британских кораблей. Вражеская шлюпка действительно приплыла, но она привезла лишь врача крейсера «Орама», который прибыл для осмотра наших раненых и оказания им первой помощи. Он занялся этим и при

этом сказал тихим голосом: «Мне хотелось, чтобы я сегодня не был здесь. Мне стыдно за своих земляков». Своего собственного командира, капитана первого ранга Р. Сэгрейва следовало бы исключить из числа тех, за кого английскому доктору должно было быть стыдно. Сэгрейв не только временно разместил наших раненых на своем корабле, но и обязался доставить их в Немецкий госпиталь в Вальпараисо. И он сдержал слово...

Оставшиеся невредимыми члены экипажа выстроились и запели «Германия, Германия превыше всего» в честь их потопленного корабля и погибших.

Размещение и снабжение оставшегося экипажа «Дрездена» на только слабо заселенном острове Робинзона не было простым делом. Пустая бывшая фабрика дала хотя бы крышу над головой и один пожертвованный местным обитателем острова бык позволил накормить ныне интернированных. Два корабля чилийского военно-морского флота 18 марта привозят их на сушу. Чилийский экипаж принимает немцев по-товарищески, прямо-таки дружески. 23 марта 1915, наконец, они прибывают в портовый город Талькауано, примерно в 500 км к югу от Сантьяго, столицы Чили. На расположенном перед этой гаванью острове Кирикина интернированные немецкие моряки должны будут провести почти четыре с половиной года. В целом, из 350 матросов и 16 офицеров примерно 70 остались в Чили и создали там свои семьи. Бывший командир Людеке возвратился в конце войны в Германию и в Веймарской республике даже еще получил звание контр-адмирала, но умер до начала Второй мировой войны.

Канарис пробыл в статусе интернированного только несколько месяцев. Даже Абсхаген, один из первых биографов Канариса, не может указать точную дату бегства своего будущего начальника из чилийского интернирования. Он думает, что побег мог произойти в октябре или ноябре 1915 года. Октябрь – соответствующий марту в северном полушарии – вероятно, подходил бы для этого рискованного предприятия лучше, чем ноябрь 1915 года, первый летний месяц в южном полушарии, который как раз не подходил бы для утомительных маршей пешком или на лошади, как это планировал Канарис.

5. Путешественник по свету с мешком старьевщика

Если биограф и журналист Абсхаген не выяснил ничего о сенсационном побеге своего бывшего шефа, которое, все же, должно было стать определяющим событием для всей его будущей жизни и деятельности, то чилийская коллега Мария Тереза Паркер де Басси была успешнее, как она пишет в ее уже неоднократно процитированной книге «В кильватере «Дрездена»». Летом 1981 года она получила от одного чилийского коллеги поручение провести поиск инфор-

мации для телепрограммы о судьбе малого крейсера «Дрезден» в начале Первой мировой войны. Это не было совсем просто. Все-таки с событий, в которых тогда участвовал «Дрезден» со своим экипажем из более трехсот моряков, прошла почти целая человеческая жизнь. Из приблизительно 70 членов экипажа «Дрездена», которые остались после войны в Чили, уже все умерли. А их родственники и знакомые ничего уже не знали или не хотели больше что-то вспоминать. Новые поколения не имели никакого понятия о тогдашних событиях, а у еще живых стариков отказывала память. Но госпожа Мария Тереза не теряла духа. И, наконец, ей улыбнулась удача, которая помогает только настойчивому журналисту. Мария связалась с одной старой дамой, Ольгой Бёттигер, урожденной Беккер, дочерью агента судоходной компании, немца Георга Беккера из Висведеля в Нижней Саксонии. Госпожа Бёттигер сразу же сообщила Марии, что ее отец во время Первой мировой войны помог некоему немецкому старшему лейтенанту флота Вильгельму Канарису бежать в Германию. У самой дочери Беккера в ее доме еще сохранился чемодан этого немецкого морского офицера, который он оставил тогда перед своим побегом, так как он изменил свою внешность, так же как свое имя и прочие персональные данные. Впрочем, как говорила эта интересная старуха, она могла бы дать любознательной журналистке имя и адрес одной своей родственницы, которая знала больше об этом и жила в немецком доме престарелых чилийского города Концепсьона. Нужно было ехать туда! 1 сентября 1981 года усердная коллега, в сопровождении оператора чилийского государственного телевидения «TVN» («Televisión Nacional») и множества аппаратуры, отправилась в Концепсьон. Ранее они посетили остров Кирикина, на котором был интернирован экипаж «Дрезден» во время войны. Но никаких следов этого события там больше нельзя было найти.

Посещение немецкого дома престарелых в Концепсьоне принесло больше пользы. Там они встретились с рекомендованной им Софией Бёттигер-Краузе (в возрасте 83 лет), больной, но готовой рассказывать. Накануне любознательная журналистка с ее сопровождением прилетела из Сантьяго в Концепсьон. Когда самолет пролетал вдоль побережья не слишком высоко над морем мимо маленького порта Коронель и расположенного впереди него еще меньшего острова Санта-Мария, Мария Тереза вспомнила об изученной ею во всех деталях морской битве, которая здесь произошла. Было 18.45. Примерно в это время – между 18 и 19 часами – здесь и произошло боевое столкновение между немецкой и английской эскадрами. Когда же точно по времени это случилось? – спрашивала себя журналистка. Она знала это историческое событие во всех деталях. Но до сих пор она не думала об особенных подробностях. Это было в тот же самый час и в тот же день: 1 ноября – только на 67 лет позже. В 1981 вместо 1914, одно из тех совпадений, которые жизнь готовит для предпочитаемых людей. Под волнами, пенные гривы которых могли наблюдать пассажиры самолета, должны были лежать останки британских броненосных крейсеров «Гуд

Хоуп» и «Монмут», которые вместе с 1700 моряками на борту были потоплены здесь эскадрой немецкого адмирала графа фон Шпее. Случайно сделанная ре-минисценция позволила маленькой телевизионной экспедиции ожидать хоро-ший результат также в Консепсьоне. Им не пришлось разочаровываться.

Болезненная старая дама, у которой на следующий день взяли интервью для чилийского телевидения, с самого начала отрицала, что лично знала самого ин-тересного для современной истории участника битвы при Коронеле, тогдашнего старшего лейтенанта флота и будущего шефа шпионажа Третьего Рейха, адми-рала Вильгельма Канариса. Все же она могла сообщить подробности о дне его бегства из лагеря интернированных Кирикина. Софии Бёттигер было в то время 16 лет, и она жила, так как ее родители умерли, у родственников в маленьком поместье «Квинта-Ольга». С нею обращались довольно сурово – тогда это было обычным делом – и в один день, точную дату которого она уже не могла вспо-мнить («должно быть, где-то в конце 1915 года») она получила в какой-то мере домашний арест, так как ожидалось посещение лейтенанта. На самом деле она, скрывшись за занавеской ее комнаты, узнала все подробности этого интересно-го посещения. Она описывала немецкого морского лейтенанта Канариса таким образом: «Он, кажется, не был похож на немца. Он также не был тем, что мы называли бесшабашным парнем. Ростом скорее маленький, чем высокий, тонкие волосы, смуглая кожа и синие глаза, привлекательная личность». Среди офице-ров крейсера «Дрезден», которым не мешали покидать их место интернирова-ния на близком острове для посещений на материке, был также командир, ка-питан первого ранга (и позднее адмирал) Людеке. Однако самым частым посе-тителем был Канарис, как сообщала София. Он открыто говорил о том, что он хотел бы убежать как можно скорее. И деверь Софии, агент судоходной компа-нии из Висведеля, не только понимал его, но и помогал ему в этом, как мог. Он обеспечил ему для этого необходимые деньги, очень хорошо сделанный под-дельный паспорт и все, в чем нуждался Канарис для этого предприятия; помо-гала ли ему при этом британская разведка, осталось невыясненным до сего-дняшнего дня. Вся история, которая должна была замаскировать его бегство и вообще сделать его возможным, была хорошо выдумана, во всяком случае. Он хотел, переодетый как «falte», как в Чили называют идущих от дома к дому тор-говцев, пробраться через Анды в Аргентину, которая под управлением ее вели-кого президента Иполито Иригойена оставалась нейтральной во время всей войны, и оттуда так же нейтральным кораблем добраться назад на родину, ко-торой тогда срочно был нужен каждый солдат и особенно такой умелый как Ка-нарис. Паспорт, который достал для него немецкий агент судоходной компании с помощью своих разнообразных связей, был выписан на английское имя «Рид Розас» и идентифицировал его как одного из молодых чилийцев британского происхождения, который говорил на испанском языке без ошибки и акцента, но также и действительно хорошо владел английским языком его предков. Он яко-

бы недавно овдовел, и хотел урегулировать вопросы наследства в Европе. История была хорошо и убедительно продумана и уже выдавала способности будущего шефа шпионажа Третьего Рейха. Совершенство паспорта и легенды, как в терминологии секретных служб называют специально продуманную «маскировочную» историю тайного агента, было настолько превосходным, что знатоки уже задавались вопросом, не действовал ли уже родственник Софии, вероятно, даже сам того не зная, по поручению британской разведки. Такое предположение было бы настолько же вероятно, как только что высказанная версия, будто Канарис уже во время его переговоров в качестве парламентаря с командиром на борту британского военного корабля установил связь с агентом британской секретной службы.

Как бы то ни было, теперь лейтенант, за которым так внимательно следила София, должен был сначала переодеться, чтобы потом медленно вжиться в свою новую роль. Он удалился для этого во внутреннюю часть дома. Когда он появился снова, на нем вместо его обычно всегда ухоженной, почти элегантной одежды были жалкие лохмотья торговца вразнос. Прежнюю одежду упаковали в элегантный немецкий офицерский чемодан, который оставался в доме немецко-чилийской семьи Беккер.

Тогдашний владелец элегантного чемодана сложил свои немногочисленные пожитки в потрепанный мешок старьевщика, добавил еще кое-какое барахло, которое он якобы пытался продавать, забросил груз за спину, и исчез навсегда. Талькауано беглец покинул, во всяком случае, пешком. Позднее он уже ехал верхом. Он всю свою жизнь был увлеченным наездником. И еще сегодня верховая лошадь в Южной Америке не символ статуса, а необходимое в сельской местности средство передвижения. Я сам, когда я после Второй мировой войны в провинции Буэнос-Айрес хотел начать новую жизнь как сельскохозяйственный рабочий, купил для обоих моих сыновей и для самого себя славную старую лошадь, которая была существенно дешевле, и на еще преобладающих тогда грунтовых дорогах являлась более подходящим средством передвижения, чем велосипед.

Также Канарис во время своего нового начала в Южной Америке зависел от этого такого полезного животного. Его биограф Абсхаген позволяет ему во время своего бегства через Анды, вершины которых у Талькауано все-таки еще достигают высоты свыше 4000 метров, продвигаться так быстро, что он уже смог отпраздновать Рождество 1915 года у немецких поселенцев в Аргентине. Другой из многочисленных биографов Канариса переносит пребывание его героя в то же время также к немцам, но в Авелланеде, рабочем городе к югу от Буэнос-Айреса. Его все еще зовут – согласно его профессионально подделанному паспорту – Рид Розас, и он является чилийцем английского происхождения, охотя-

щимся за наследством британской родственницы. Так как он был снабжен, кроме того, достаточной суммой наличных денег, ему было нетрудно купить билет для путешествия через океан на голландском корабле «Фризия». Также это великодушное финансовое обеспечение намекает на секретную службу в роли спонсора. От своей маскировки и соответствующего переодевания в старьевщика Рид-Канарис давно отказался. Теперь он играл другую роль: роль приятного молодого англо-латиноса, которому его знания языков помогали быстро знакомиться с самыми различными людьми. И теперь среди них находились также сотрудники британской разведки, которых мы только предполагаем во время его выступления в роли парламентаря на крейсере «Глазго», но не можем доказать.

И это произошло так: «Фризия» еще не достигла своего порта назначения Роттердама. При приближении к европейским территориальным водам ее остановили британские органы безопасности, которые предписали изменить курс на Плимут для обыска корабля и пассажиров. Канарис не был единственным человеком на борту, кто путешествовал под чужим именем и с другими целями, нежели указанные. Но прибывшие на борт британские чиновники не арестовывают его и не подвергают тщательному допросу, а – благодаря его хорошим знаниям языков – просят его о сотрудничестве при идентификации его спутников. Был ли у них, вероятно, даже приказ обратиться именно к некоему Риду Розасу с целью сотрудничества? Такое предположение не кажется ошибочным. Молодой человек, к которому обратились с такой просьбой, отнюдь не отказался от этого, хотя его партнеры были чиновниками державы, которая объявила нам войну. В этом первом активном сотрудничестве с британской секретной службой не сомневается, во всяком случае, даже почитатель Канариса Абсхаген, который в предисловии к своей книге вынужден был признать, что «многие бывшие товарищи адмирала по военному сословию видели в нем предателя», который «нанес удар кинжалом в спину собственному Вермахту и немецкому народу».

К таковым принадлежал один из их наивысших и наилучших их представителей, гросс-адмирал Карл Дёниц, законный преемник Гитлера на должности главы немецкого государства. Он так же выразил свое представление, что у него не было доверия к шефу нашей разведывательной службы, даже перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, как и Эрнст Кальтенбруннер, который должен был реорганизовывать политическую и военную службу разведки Третьего Рейха после снятия адмирала Канариса. Кальтенбруннер на допросе 21 августа 1946 года дословно заявил: «Я вскоре установил чудовищный масштаб измены Канариса и его сообщников». Обоих повесили: одного в Нюрнберге, другого в концлагере Флоссенбюрг.

Мой последний непосредственный начальник, имперский министр народного просвещения и пропаганды, которого я оба последних года в этом учреждении сопровождал как личный референт по прессе, уделял Канарису мало внимания. В дневниках Геббельса, которые опубликовала Эльке Фрёлх в 1987 году в Мюнхене, прилежная супруга умершего руководителя печально известного Института современной истории, имя Канариса упоминается вообще только четыре раза, причем больше в связи с второстепенными событиями. В моих собственных дневниках за два последних года войны, которые были опубликованы сначала на немецком языке в 1949 году в издательстве «Дюрер-Ферлаг», Буэнос-Айрес, под заголовком «С Геббельсом до конца», шеф немецкого Абвера вообще упомянут только один единственный раз, а именно в связи со свержением Муссолини 25 июля 1943 года. Как дословно сказано в моей записи (на странице 74 первого тома), Геббельс относится к «адмиралу Канарису с очень большим недоверием... Он открыто говорит о нем как о предателе, он считает его одним из тех пронырливых и честолюбивых политиков в генеральских и адмиральских званиях, которые так распространены на родине Канариса». Это было почти точно за год до неудавшегося путча военных 20 июля 1944 года, который Геббельс, очевидно, уже предвидел, когда он закончил свое высказанное мне мнение о Канарисе со словами: «Так мы спокойным твердым шагом маршируем навстречу следующей катастрофе». Также в этом он оказался прав.

В процитированных словах отражается смелая, но вполне понятная критика его фюрера, для которого он 1 мая 1945 года пожертвовал свою жизнь, жизнь своей жены и их шести детей. Геббельс говорил мне дословно: «Снисходительность фюрера мне непонятна». Конечно, Канарис оказал ему и партии некоторые «ценные услуги». Но, продолжал Геббельс, приходя в возбуждение: «Если бы со мной, как вождем Германской империи случилось так, что от меня отступается наш самый близкий союзник (Италия), и при этом я не получаю даже намека о такой возможности от моих ответственных сотрудников, то я послал бы их к черту, если даже сразу не поставил бы их к стенке». Что с того, что Гитлер в своем завещании назначил Геббельса своим преемником на посту рейхсканцлера!

Значение того факта, что Гитлер не смог своевременно обезвредить Канариса, для поражения Германии во Второй мировой войне действительно нельзя недооценивать. Абсхаген в своей оде, которую он поет своему бывшему шефу в книге о Канарисе, открыто признает, кем был его герой: «Он был посвященным в так много клятв и заговоров, играя, по меньшей мере, косвенную роль в почти всех попытках освободить отечество и мир от тирании Гитлера и террора Гимmlера». В этом смысле подзаголовок его книги показался мне бессмысленным, даже абсурдным: «Патриот и гражданин мира». (Штутгарт, 1949).

«Патриотом» называет бывшего шефа Абвера в заголовке своей книги о Канарисе также Хайнц Хёне, но с превосходным дополнением словами «в полумраке» («Kanaris. Patriot im Zwielficht», Мюнхен 1976, английский перевод вышел в 1979 году в американском издательстве «Doubleday & Co., Inc.», Garden City, N.Y.). И он в 1997 году в интервью с «The Documedia Group» для документальной ленты «Secrets of War» («Секреты войны») превосходно разъяснил противоречивую позицию «супершпиона» между Гитлером и «сопротивлением»: «Он не хотел, чтобы Гитлер выиграл войну, но он также не хотел, чтобы Германская империя при этом погибла». В народе о таком подходе говорят: «И рыбку съесть, и в пруд не лезть». То, что Гитлер и Канарис были знакомы в течение долгих лет – и еще перед приходом Гитлера к власти – и находили обоюдное удовольствие от мыслей и представлений собеседника, является твердым фактом, и это не может отрицать никто из его биографов, самое большее лишь умалчивать об этом – как поступает Абсхаген. Хёне правильно понял, что Гитлер с момента своего личного знакомства с Канарисом был твердо убежден в образованности, светском опыте и дипломатической ловкости своего «супершпиона», он даже долгое время был в восторге от него, и что Канарис пусть даже не восхищался фюрером так сильно, как многие другие, однако, считал его политиком, с которым вполне можно беседовать. Оба были не только почти одного возраста – Канарис родился почти за два года до Гитлера, но и сформированы они оба тоже были большевистскими происками в конце Первой мировой войны в Германии и их подавлением; Гитлер с его национал-социалистическим движением в Баварии, а Канарис с гвардейской кавалерийской стрелковой дивизией на более высоком общественном уровне в Берлине. Когда здесь Роза Люксембург и Карл Либкнехт погибли в 1919 году при подавлении большевистского Восстания Спартака, и один молодой флотский лейтенант как их предполагаемый убийца предстал перед военным судом, это был тогдашний капитан Канарис, который сам взял на себя свою защиту и очень успешно ее осуществил.

После назначения адмирала шефом Абвера в 1935 году личные контакты Гитлера с ним прекратились. Серьезные сомнения по отношению к Гитлеру, вероятно, возникли у Канариса только со спровоцированной немецкой стороной «Аферой Тухачевского» в Советском Союзе в 1937 году. Они усилились из-за скандального кризиса Бломберга и Фрича в 1938 году и, как установил бывший профессор Еврейского университета в Иерусалиме Роберт Вистрих, привели к первому установлению контакта с начальником Генерального штаба сухопутных войск генералом Людвигом Беком и его враждебно настроенными к Гитлеру единомышленниками, которые начали организовывать так называемое «сопротивление» после отставки Бека в августе 1938. В этом «сопротивлении» участвовал отныне и на предпочтительной позиции также «правая рука» шефа Абвера, полковник Ганс Остер, офицер Генерального штаба Первой мировой войны,

который был исключен из Рейхсвера Веймарской республики из-за нарушения кодекса чести и, несмотря на это, был в 1933 году принят в Абвер сначала как служащий, а позже даже снова как офицер на важной должности. Он отблагодарил за эту реабилитацию тем, что в начале Второй мировой войны устроил передачу союзникам немецких планов операций на Западе. Только после длительной слежки Гестапо Остер в начале 1944 года был убран из этого учреждения и после неудачи генеральского путча 20 июля 1944 года был арестован, и перед концом войны вместе с Канарисом повешен в Флоссенбюрге.

Близость оппозиционеров к национал-социализму, которая первоначально была у Канариса и других, стала темой недавно появившейся книги американского профессора истории университета Висконсина / США, Теодора С. Хэмероу: «On the Road to the Wolfs Lair» («На пути к «Волчьему логову»»), «Belknap Press», США, апрель 1997. Хэмероу показывает, как сообщается в рецензии на его книгу в «Contemporary Review», что многие (и здесь называются наряду с Канарисом также бывший министр финансов Попиц, лютеранский епископ Теодор Вурм и Штауффенберг) оппозиционеры сначала приветствовали нацизм, так как они не могли терпеть Веймарскую республику. Почти одновременно также в США (в издательстве «Random House», Нью-Йорк) вышла еще одна книга на ту же тему автора Джона Х. Уоллера под заголовком «Невидимая война в Европе» («The Unseen War in Europe/Espionage and conspiracy in the Second World War»). Она, как говорится в опубликованной в Интернете подробной рецензии, является бесценным источником информации о немецком сопротивлении против Гитлера, и, в частности, о роли, которую играл при этом адмирал Вильгельм Канарис, шеф Абвера, немецкой военной разведки, и о его сознательной манипуляции своими собственными операциями для поддержки дела союзников. Успех при этом, пишет Уоллер, означал для Канариса смерть в нацистской тюрьме, всего лишь за несколько часов до того, как вооруженные силы союзников достигли этой местности.

(Книга Джона Уоллера «Невидимая война в Европе» была переведена на русский язык и издана издательством «Русич» в 2001 году. – прим. перев.)

Таким был конец человека, который в Первой мировой войне как офицер исполнял свой долг – да, даже больше этого, который после войны добровольно и с риском для жизни служил немецкому отечеству при гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии, после возникновения Третьего Рейха стал доверительным, даже почти предпочтительным собеседником или даже одним из немногих друзей Гитлера и злоупотребил этим положением, чтобы уже в 1940 году лишить нас казавшейся уже гарантированной победы.

Мы проследили его путь во время Первой мировой войны от его первых морских битв при Коронеле и Мальвинских (Фолклендских) островах до Буэнос-Айреса (Аргентина) и начала его поездки в Европу и узнали о его, вероятно, первой встрече с британской разведкой, которая стала фактом и сегодня однозначно признается стороной союзников, как открыто пишет Джон Х. Уоллер в его упомянутой книге.

Дальнейший путь будущего шефа Абвера в Третьем Рейхе начался авантюрно. Когда англичане позволили голландскому пассажирскому судну с Ридом Розасом на борту плыть дальше, Канарис с его фальшивым паспортом мог без последующих трудностей продолжить путешествие в Германию и там доложить своему командованию о прибытии. Его начальники предоставили отпуск достаточно намучившемуся беглецу. Если правильно предположение, что британская разведка уже положила глаз на Рида Розаса, он же Вильгельм Канарис, то теперь им заинтересовалась также другая, немецкая военная шпионская организация. Она находилась под руководством прусского полковника Вальтера Николаи, которого один из лучших биографов Канариса, французский журналист Андре Бриссо, получивший в Сорбонне докторскую степень по истории и философии, называет «легендарным». Тогда Канарис получил от Николаи очень солидную подготовку на учебном курсе тайной военной разведывательной службы тогдашней империи. С чутьем гениального разведчика-профессионала Николаи, который изложил опыт своей профессии в двух специальных книгах, обнаружил в Канарисе офицера, который – получивший в свои лейтенантские годы прозвище «Kieker» – демонстрировал все предпосылки для отличных результатов при его новом использовании.

Вооруженный знаниями, полученными у Николаи, Канарис уже в конце ноября 1916 года появился в посольстве Германии в Мадриде – сначала по-прежнему как Рид Розас, чилийский гражданин английского происхождения, под именем которого ему удалось бежать из Чили до Гамбурга. Затем он на короткое время превратился в старшего лейтенанта военно-морского флота Канариса, потом был повышен в звании до капитан-лейтенанта, а затем по секретному приказу снова вернулся к старой роли шпиона Рида Розаса. Как смог он под видом Рида Розаса преодолеть столь строго функционирующий британский барьер, выехать из Германии и попасть в Испанию, никто из его биографов до сих пор не разузнал. У меня возникает подозрение, что он при этом использовал свои, несомненно, установленные во время побега контакты с британской секретной службой, и уже тогда сидел на двух стульях разных разведок. Пока еще его не поймали на этой рискованной игре. Только гораздо позже Кальтенбруннер раскрыл его уловки.

Когда его непосредственный начальник при германском посольстве в Мадриде, военно-морской атташе капитан третьего ранга (корветтенкапитэн) Ганс фон Крон, неохотно, но с полным пониманием отпустил Канариса в Берлин, нужно поверить Канарису, что именно патриотические чувства определили его просьбу о перемещении по службе. Канарис, несомненно, успешно выполнял свои задания в Испании: контроль британской деятельности на Пиренейском полуострове (включая Гибралтар?), задания агентурной сети и сети сотрудников и установление лучших связей с правительством и армией принимающей страны. При этом он был принят в элитные круги общества, в руководивший тогда – и гораздо позже тоже все еще руководящий слой. То, что он тогда уже нашел контакт с Франсиско Франко, который был младше Канариса на четыре года, предполагается некоторыми летописцами, однако, это не доказано и в некоторой степени невероятно. Его короткая, но интенсивная тогдашняя деятельность была, без сомнения, решающей для его более поздней – перед Второй мировой войной и во время войны – деятельности в франкистской Испании, но следует поверить Бриссо и другим авторам в том, что Канарис тогда просил направить его в сражающиеся войска из действительно патриотических чувств. Он хотел и должен был получить достаточно много удобных случаев, чтобы во время Первой мировой войны и после нее подтвердить и доказать свой патриотизм.

Но до этого оставалось еще много времени. Рид Розас – под этим именем и с соответствующим поддельным чилийским паспортом начинающий шеф шпионов отправляется в большую поездку и приводит в качестве причины этого туберкулез, который представляется правдоподобным из-за его действительно пошатнувшегося во время побега здоровья. Целью поездки становится Швейцария благодаря своим легочным санаториям. В Эндае он спокойно переходит испанско-французскую границу. Не попросили ли заранее англичане французских пограничников не беспокоить некоего «чилийца Рида Розаса», так как он – тайный друг британцев? Этот вопрос нужно задать, даже если положительный ответ на него еще не был возможен тогда с уверенностью. Безмятежно он едет через Францию и северную часть Италии. Но в Домодосоле на Симплонском перевале у чиновника итальянской контрразведки паспорт Канариса вызывает подозрение, и он требует ареста человека, выдающего себя за Рида Розаса. Канарис впервые в своей жизни по-настоящему сидит за решеткой. С ним обращаются довольно неделикатно, однако, ему разрешают сообщить влиятельным друзьям в Мадриде о его опасениях за свою судьбу. Он сам пробует доказать в тюрьме правдивость утверждения, что у него туберкулез, для этого он кусает себе губу и потом роняет кровавую слюну в плевательницу. Но в нейтральную Швейцарию его не пускают даже после этого трюка. Его депортируют морем. Его должны отправить из Генуи в Картахену в Испании. Но на этом пути также лежит Марсель во враждебной Франции, в который кораблю нужно зайти. Канарис обладает везением, без которого не смог бы выжить ни один начинающий

супершпион. Он обращается к капитану корабля и говорит ему правду. Ему удается вызвать у него симпатии к себе своим хорошим испанским языком и голубыми глазами. Корабль не заходит в Марсель, и в один прекрасный день еще раз выпутавшийся супершпион снова стучит в дверь посольства Германии в Мадриде. Военно-морской атташе фон Крон с радостным удивлением принимает исхудавшего за это время до состояния скелета товарища и обещает ему, что найдет другой выход для его возвращения на родину.

Такая возможность представляется, когда фон Крон устанавливает радиосвязь с одной из немецких подлодок, о которых он заботится и снабжает, и договаривается о том, что она возьмет на борт товарища по оружию Канариса и доставит его по назначению. Для этого весьма рискованного маневра она должна провести все подготовительные мероприятия. Это должно произойти 30 сентября 1917 года на Средиземном море, где господствует английский флот. Канарис получил еще двух провожатых, которые, как и он, должны беспрепятственно попасть из Испании в Германию. Они арендовали испанскую весельную лодку, которая привозит их в открытое море на условленное место, примерно в двух морских милях от побережья у Картахены. Но они ждут напрасно. Только 2 октября – после мучительного ожидания – желанная немецкая подводная лодка появляется в условленном месте. Спустя пять минут три немецких пассажира исчезли в рубке подводной лодки. Это U-35, под командой капитана Арно де ла Пьера. Сын когда-то французской семьи по-товарищески пожимает руку потомку выходцев из Италии.

В своем докладе об удачном бегстве Канарис с военной точностью сообщал, что весь маневр посадки на подлодку продолжался с 6.32 до 6.40. U-35 заметила французскую подводную лодку, которая якобы имела приказ помешать этому процессу, однако, она ничего не делала. Беспрепятственно немецкая подводная лодка 9 октября причалила к берегу в Каттаро (Котор), идеальной природной гавани Черногории на Адриатическом море, военно-морской базе австро-венгерской монархии. После короткого отдыха от больших нагрузок Канарис прибыл к своему командованию в Берлине, которому он подробно сообщил о своем авантюрном бегстве из интернирования. Его начальники внимательно выслушали его, и пришли к вполне естественному решению использовать его в будущем. Для этого у него также, кажется, были способности и необходимый опыт. Его фальшивый паспорт вместе с таким же фальшивым именем с соответствующей легендой честного англо-чилийца уже имелся в наличии и практически доказал свою надежность. С обеих сторон, немецкой и английской. Нужно поставить вопрос и попробовать ответить на него так или иначе.

6. С «Легионом Кондор» в Испании

До конца Первой мировой войны жизнь Вильгельма Канариса едва ли можно было отличить от жизни любого другого столь же умелого, как и смелого офицера немецкого военно-морского флота. Он происходил из семьи верхнего слоя среднего класса, обладал первоклассным воспитанием и образцовым патриотическим образом мыслей. Начальники всегда оценивали его хорошо или очень хорошо. То, что он из-за своего предпринятого им по патриотическим причинам бегства из совсем не строгого, и уж точно не жестокого интернирования в Чили попал на тайные пути разведывательных служб, было уже не устранимой реальностью, которую фон Испанской гражданской войны тридцатых годов должен был иметь для него и Германии. Эту прелюдию ко Второй мировой войне, которая с обеих сторон велась с большим ожесточением с 1936 по 1939 год на испанской сцене, я испытал лично как молодой доброволец немецкого «Легиона Кондор» на испанском театре военных действий в последней фазе конфликта до мая 1939 года на позиции, которой, пожалуй, не имел тогда ни один из моих военных товарищей или коллег-журналистов. Я был в конце 1938 года прикомандирован к последнему командиру «Легиона Кондор», будущему генерал-фельдмаршалу барону Вольфраму фон Рихтхофену, в качестве советника-журналиста для так называемой «демаскировки» немецкого добровольческого легиона к моменту окончания боевых действий. Европейские великие державы в специальном «соглашении о невмешательстве» взаимно обязались не посылать свои войска в район боевых действий. Ни одна из них не выполняла это обещание, и Германия тоже, о чем мы подробно узнаем на следующих страницах.

То, что я испытал и узнал на этой позиции, я описал в большой книге (557 страниц, много иллюстраций), которая в 1978 году вышла в издательстве «Граберт-Ферлаг» в Тюбингене, права публикации на которую за прошедшее время снова вернулись ко мне. Я опираюсь в этой книге на описанные тогда и частично лично пережитые факты, которые за прошедшее время были дополнены материалами более поздних исторических исследований в то время враждебной стороны и, во всяком случае, не были опровергнуты. Один из самых важных среди этих материалов – это книга, которую издал в октябре 1997 года профессор Эдинбургского университета Дэвид Стаффорд под названием «Черчилль и Секретная служба» («Churchill and the Secret Service»), о чем сообщила важная консервативная ежедневная газета Аргентины, страны, где я живу. Газета «La Nación» подробно цитирует слова британского ученого, который подкрепляет свои сенсационные разоблачения подкупа важнейших испанских генералов на стороне Франко документами, которые он обнаружил в Лондоне. Это были официальные копии сохраненных в Лондоне меморандумов британского посольства в США! Из них в однозначно убедительной форме следует, что Черчилль опа-

сался тогда чрезвычайно логичного вступления Испании в войну на стороне Германии после немецкой победы во Французской кампании 22 июня 1940 года, после того, как Франко вопреки своей военной неспособности смог одержать победу над большевистским врагом благодаря интенсивной немецкой и итальянской помощи. Тогда Черчилль приказал агентам Секретной службы в Испании распределить среди продажных испанских генералов огромную для того времени сумму в два с половиной миллиона фунтов стерлингов, что соответствовало тогда примерно двадцати миллионам долларов, причем и сам Франко – как вполне можно предположить – тоже не был обделен. Эта ужасная, но хорошо просчитанная и поэтому успешная акция должна была воспрепятствовать тому, чтобы Франко осуществил ожидаемое Черчиллем с паническим страхом вступление Испании в войну на стороне Германии.

Профессор Стаффорд называет также имя британского военно-морского офицера, которому Черчилль доверил проведение этого гигантского массового подкупа. Два с половиной миллиона фунтов британских взяток были депонированы в швейцарской банковской корпорации в Нью-Йорке и распределены среди получателей по указанию связного Черчилля при Франко капитана Алана Хиллгарта в Мадриде. То, что Канарис был замешан в этом неповторимом во всей мировой истории скандале с подкупом, и основательно продумывал и обсуждал его со своим другом Франко в ходе своих пяти в общем счете визитов, которые он нанес тому в течение Гражданской войны в Испании, можно посчитать само собой разумеющимся, даже если для этого нет доказательств, тщательное уничтожение которых после применения является одним из самых важных заповедей любой разведки. Черчилль познакомился с Хиллгартом еще до войны во время посещения Майорки, где Хиллгарт служил вице-консулом своей страны. Оба были превосходно изображены в упомянутой книге Стаффорда: оба они с очень похожим характером, а именно «немного похожие на пиратов».

Как именно были распределены эти двадцать миллионов долларов среди Франко и его генералов, Стаффорд не рассказывает. Высказываемое некоторыми читателями книги Стаффорда предположение, будто бы и сам Канарис получил долю от денег пирата Черчилля, нужно решительно отвергнуть. Из всех упреков, которые можно сделать этой темной фигуре нашей недавней истории, материальная продажность является самой последней. Сам Франко мог получить значительную долю от золотого дождя, который пролился на генералов национальной стороны. Один из его самых способных полководцев, генерал Антонио Аранду Мата, который к концу боевых действий добился прорыва национальных войск к побережью Средиземного моря и тем самым практически принес окончательную победу Франко, с помощью полумиллиона долларов – согласно Стаффорду – был привлечен на сторону дела Черчилля (и Канариса).

То, чего достигли Черчилль и его доверенный соучастник Канарис с помощью этого неизвестного до недавнего времени приема, было, во всяком случае, внезапным изменением военной ситуации, которая до измены Франко в Эндае 23 октября 1940 года достигла своего апогея в пользу Германии. Никто тогда не смог бы подвергнуть сомнению, что Гитлер овладел Европой от Буга до Средиземного моря. Если бы теперь также и Франко объявил себя союзником немецкого победителя, ничто больше нельзя было бы изменить в окончательной победе немцев. Это нужно было – даже обязательно требовалось, по взглядам британцев, предотвратить. Распределенные Секретной службой двадцать миллионов – по приказу Черчилля и с консультациями Канариса – достигли этой цели. Они оба могли довольно потирать руки и поздравлять друг друга.

Зная все эти до сегодняшнего дня еще неизвестные, даже сознательно утаенные детали, мы не можем не упрекнуть Гитлера как тогдашнего законного политического и военного руководителя Рейха в тяжелой ошибке: как это уже было под Дюнкерком, его благородство вытеснило крайне необходимую политическую прозорливость. Его надежда на то, что если уж Вермахт по его приказу пощадил окруженную под Дюнкерком британскую армию, то и противник оплатит ему той же монетой, явно не оправдалась. Кроме того, он в своем военном мышлении оставался – вопреки всем его бесспорным ослепительным военным успехам – вплоть до последней фазы Второй мировой войны тем же пехотинцем, которым он с ефрейторской нашивкой на рукаве его защитной формы во время Первой мировой войны получил Железный крест первого класса и поистине заслужил его. В прежних кампаниях Второй мировой войны сухопутные армии врага были побеждены и сделаны неспособными сопротивляться. Теперь нужно было добиться окончательной победы решающим ударом. С формирующимся Африканским корпусом генерала Эрвина Роммеля ее нужно было добиться в до сих пор пощаженом неистовством войны пространстве – в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Роммель, без сомнения самый успешный и самый популярный немецкий полководец, который еще в Первой мировой войне как 26-летний старший лейтенант батальона горных стрелков в Двенадцатой битве у Изонцо заслужил тогда наивысший немецкий орден «Pour le Mérite», кажется, был гарантией успеха запланированных боевых действий в Северной Африке. Слабым пунктом в планировании похода было снабжение. Тогда Средиземным морем владели вовсе не наш военно-морской флот и Люфтваффе и уж точно не флот и авиация одного из наших «братьев по Оси», а, несомненно, Англия, хозяйка Гибралтара. Также Суэц, другой вход и выход из Средиземного моря, твердо находился в английских руках. Даже наши военно-воздушные силы, от которых Геринг нам так много обещал (и так мало выполнил), ничего не могли изменить в этом. Но Гитлер, так утешали себя (и утешали нас) наши профессиональные стратеги, якобы уже во Французской кампании нашел ключ к успеху и умел его правильно использовать. Тогда этим ключом был считавший-

ся неприступным форт Эбен-Эмаэль у бельгийско-немецкой границы. И он был захвачен новым оружием, революционной тактикой и воодушевлением наших привычных к победе молодых войск в течение нескольких часов, так что доказавшая свои способности еще в Польской кампании немецкая армия смогла продолжить свое триумфальное шествие до Дюнкерка и за несколько недель принудить Францию к капитуляции. (Форт Эбен-Эмаэль был захвачен отрядом немецких десантников, неожиданно для бельгийцев высадившихся на планерах. – прим. перев.)

Захват Гибралтара и тем самым взятие под контроль сначала одних из обоих ворот к Средиземному морю как предпосылка для успеха формирующегося Африканского корпуса казался вместе с тем практически гарантированным. Мысль о том, что Франко мог бы не позволить нам отобрать Гибралтар, который был когда-то захвачен немецкими наемниками для Англии, кажется, тогда вообще не приходила в голову Гитлеру и его советникам. Его ярость к человеку, которого он в своих «застольных беседах» называл «марокканским продавцом ковров», и которого он благодаря использованию нашего «Легиона Кондор» в Испанской гражданской войне сделал «каудильо» (вождем) Испании, кажется понятной. Теперь, после того, как Франко под прозрачными предложениями отклонил выдвинутое Гитлером предложение, все запланированное путем формирования Африканского корпуса обеспечение столь ощутимо близкой победы разбилось вдребезги.

Канарис благоразумно не сопровождал Гитлера в Эндай. Поэтому никто также не мог бы увидеть, как он мог потирать руки, узнав об успехе придуманного им, подготовленного Черчиллем с помощью гигантского маневра подкупа и даже начатого самим Канарисом плана. Последним ходом придуманного им приема было то, что он послал к Франко своего тогдашнего представителя при Ватикане, также после войны еще участвовавшего в политике в качестве баварского министра Йозефа Мюллера (по прозвищу «Ochsensepp»), чтобы заклинить его (с авторитетом «Святого отца» на заднем плане) окончательно отвергнуть просьбу Гитлера о разрешении на взятие Гибралтара. Канарис даже дал этому своему надежному союзнику подробности, с помощью которых Франко мог бы отговориться: страх потери испанских зарубежных владений, трудности с поставками продовольствия, особенно зерна, и сырья для промышленности, прежде всего, также нефти. Франко мог при этом инсценированным Канарисом и Черчиллем театре в Эндае полностью рассчитывать на «подмазанных» Лондоном испанских генералов. Мы не ошибемся также, пожалуй, предположив, что несколько внешних сопутствующих обстоятельств при встрече Гитлера с Франко были вызваны с полным сознанием и в твердом намерении для достижения желаемой цели. Многочасовое опоздание и его сопровождение на открытом всем сквознякам перроне Эндай входили в эту программу, вероятно, так же как заржавевшие

винтовки конвоя и глупое поведение и речи самого «каудильо», которые больше подходили к образу скромного и посвятившего себя Богу священника, чем к диктатору гордого и только что одержавшего победу народа. Эндай стал, таким образом, одним из наихудших поражений Гитлера, хотя при этом не прозвучало ни единого выстрела.

Оперативный план Гитлера для Роммеля выглядел примерно так: захват Гибралтара и таким образом временное обеспечение снабжения для первой фазы похода в Северную Африку. Затем самый быстрый марш с уничтожением захваченных врасплох британских защитников. Захват другого доступа к Средиземному морю: Суэцкого канала. Палестина, которая тогда еще не была в еврейских руках, а являлась британской колонией, едва ли воспрепятствовала бы продвижению Роммеля через пространство, находящееся преимущественно во владении симпатизирующих Германии мусульманских государств. Богатство этого региона нефтью нельзя было не учитывать. Конечной целью был Персидский залив, через который позже происходило снабжение большевистского всемирного врага тогда еще нейтральными США военной техникой, оружием и продуктами. Тем самым была бы своевременно предотвращена угроза возможного советского нападения, которое вообще стало возможным только благодаря Западу, как это позже произошло под Сталинградом.

Я как военный корреспондент при главнокомандующем сухопутными войсками был тогда прикомандирован к штабу 1-й танковой армии генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста и испытал, как его испытанные в бою и надежные, но завязшие в девственных лесах Кавказа танковые части напряженно следили за успехами Роммеля в Северной Африке и ожидали скорого появления его в тылу Красной армии. Все эти желания растаяли, когда Гитлер 23 октября 1940 года на вокзале Эндай попал в поставленную Канарисом в столь же прилежном, как и коварном сотрудничестве с Черчиллем сеть, и Франко со своими фальшивыми отговорками отказал требованию Гитлера и таким образом не позволил тому захватить оккупированный англичанами Гибралтар на единственном западном проходе из Атлантики в Средиземное море. Мы уже осенью 1940 года потеряли казавшуюся нам уже гарантированной победу, а не только в 1942 в Сталинграде, как пропаганда держав-победительниц на Востоке и Западе пытается вдолбить немцам в голову – победа была утрачена еще на два года раньше, благодаря трюку, так умело тайно подготовленному Канарисом и осуществленному его сообщниками в Испании.

Генерал-фельдмаршал фон Рихтхофен знал Канариса только бегло по неизбежным служебным контактам. Он разгадал его и его роковую деятельность только после того, как он в начале 1937 года занял свою новую должность начальника штаба «Легиона Кондор» в Испании и позже (в сентябре 1938 года), произве-

денный в генералы Люфтваффе, возглавил Легион и, наконец, после достигнутой победы в мае 1939 года вернул его назад на немецкую родину.

Во время моих почти ежедневных контактов с Рихтхофеном, который 1 ноября 1938 года принял командование «Легионом Кондор» от генерала Фолькмана, разговор случайно зашел об адмирале Канарисе, который в то время уже посетил сделанного нами «каудильо» Франко в пятый раз за время Испанской кампании. Рихтхофен, который со всей открытостью говорил со мной также о политических вопросах в его области, так как я должен был по официальному поручению подготавливать «демаскировку» Легиона к моменту приближающегося окончания Гражданской войны в Испании. Мне очень хотелось узнать именно от него, кого я ценил за его взвешенную оценку национал-социалистического руководства Рейха, что он лично думал об уже тогда овеянном тайнами адмирале и шефе немецкой военной разведки и контрразведки. Его ответ был немногим больше чем уклончивое пожимание плечами. То, что он уже тогда относился к адмиралу шпионажа с определенным недоверием, не должно было удивлять. Но у него были другие заботы в те дни. Наступление националистов на реке Эбро было в самом разгаре и принесло первые ободряющие успехи, которые должны были через несколько недель привести к окончательной победе националистов в Испанской гражданской войне (в феврале 1939 года).

Канарис и Франко на протяжении их тесного сотрудничества встречались на все более интенсивных тайных совещаниях в Испании, подробности которых неизвестны до сегодняшнего дня и, пожалуй, также никогда не будут известны общественности. Первая из этих встреч произошла 6 августа 1936 года в Севилье, когда в Берлине шли Олимпийские игры на блистательной арене нового Олимпийского стадиона. Там немецкими самолетами на испанскую сушу уже были доставлены первые «Mogor» (цветные солдаты замечательной испанской национальной армии), которые должны были образовать ядро национально-революционной армии Франко. К осуществлению этого первого немецкого оказания помощи национальному восстанию в Испании Канарис не имел ни малейшего отношения. Да, он даже не привлекался к этому, когда Гитлер 25 июля 1936 года был доставлен с Байройтского фестиваля, чтобы принять отправленную наудачу и без долгой подготовки Франко в Берлин вовсе не представительную делегацию, которая просила помощи против красных в недавно спровоцированной Советами Испанской гражданской войне – и действительно сразу же ее получила.

Этот невероятный фокус осуществил шеф этой маленькой делегации, немецкий купец Йоханнес Бернхардт, который во время Первой мировой войны прервал учебу, чтобы стать солдатом императорской армии, в которой он сделался офицером и кавалером Железного креста. После левого бунта 1918 года он не толь-

ко служил в одном из многочисленных тогда добровольческих корпусов, но и занимался коммерческими делами, из которых некоторые, пожалуй, были, по меньшей мере, сомнительны, и закончились, наконец, банкротством и распродажей имущества с аукциона. Он тогда перенес свою коммерческую деятельность в Тетуан, тогдашнюю столицу Испанского Марокко. Там он завел знакомство с настолько же незначительным в своей профессии испанским офицером невысокого звания, который был впутан тогда в заговор испанских националистов, которые хотели спасти свою страну от большевизации со стороны поддержанных Москвой испанских коммунистов и других международных марксистов.

Нового знакомого Бернхардта звали Франсиско Франко, это был хорошо проявивший себя в испанских колониальных войнах и отличный подчиненный офицер марранского происхождения. Марраны (как сказано в четвертом томе «Малого энциклопедического словаря» Майера 1909 года) это «в четырнадцатом и пятнадцатом веках в Испании и Португалии принудительно крещеные, но оставшиеся верными своей вере евреи». Также Бернхардт, судя по его внешнему виду, мог быть такого же происхождения, тем не менее, он получил невысокое звание в СС. Его новый марранский друг родился в 1892 году в Эль-Ферроле и больше всего сам хотел (как хотели и его родители) стать офицером военно-морского флота (как его будущий друг Канарис). Но он не сдал вступительный экзамен в испанское военно-морское училище, поэтому выбрал карьеру офицера испанских колониальных войск, в которых он дослужился до капитана и коменданта Канарских островов, когда внутривойсковые противоречия в Испании в результате жестокого убийства 17 июля 1936 депутата-монархиста Кортесов (испанского парламента) и бывшего министра Хосе Кальво Сотело группой большевистских убийц в Мадриде переросли в Испанскую гражданскую войну, длившуюся с 1936 по 1939 год.

В моих записях о миссии и судьбе «Легиона Кондор», которые я опубликовал в 1978 году в издательстве «Граберт» в Тюбингене, я подробно представил предысторию возникновения этой элитной воинской части. Там сообщается, среди прочего: «Когда нерасторопный Франко в феврале 1936 года садился на судно, идущее на Канарские острова, генерал Хосе Санхурхо Саканель (1872-1936) неожиданно появился в Берлине. Старый путчист, который был сначала приговорен к смерти в 1932 году, после чего казнь заменили пожизненным заключением, был амнистирован в 1934 и с тех пор в соседней Португалии продолжал плести заговоры, использовал посещение Зимних Олимпийских игр в качестве предлога для своего путешествия в Германию. Его настоящей целью было приобретение оружия для его следующего восстания, которое он на этот раз готовил долго, тщательно и на широкую ногу. Человеком, который должен был достать ему оружие, был никто иной как адмирал Канарис. Полковник Хуан Бейгбедер Атенса (1890-1954), военный атташе в испанском (республиканском,

большевистском) посольстве в Берлине, старый вояка, ветеран войн в Марокко, был соучастником заговора и взял на себя задачу заново связать старые нити из разведывательной деятельности немецкого адмирала. Об этом руководителе испанского военного заговора с могущественным шефом немецкого Абвера известно мало. Но еще меньше вышло из этого тогда. Во всяком случае, заговорщики не получили оружия. В лучшем случае неопределенное и даже половинчатое согласие «подумать об этом».

Как можно объяснить то, что Канарис, который все-таки позже так энергично выступал за Франко и его движение, едва Гитлер решился поддержать его уже считавшийся неудавшимся путч в Марокко, не схватился за этот подвернувшийся ему случай уже в феврале 1936 года? Немецкий агент Ино фон Ролланд помог ответить на этот вопрос, когда он во время нашей беседы в Буэнос-Айресе при обсуждении Канариса отчетливо дистанцировался от бывшего шефа Абвера, хотя он в свое время тесно сотрудничал с ним и не хотел отрицать определенной взаимной симпатии и даже политически-мировоззренческого соответствия. Но Ролланд больше не мог следовать за ним, когда у него возникло впечатление, что Канарис сменил свое первоначально открытое, и даже восторженное одобрение наступивших в 1933 году в Германии перемен на все более критическую, даже враждебную позицию. Как далеко заходило такое его отношение, и не носило ли оно где-то уже в 1934-1935 годах, когда Ролланд заметил его, заговорщичий характер, Ролланд не мог утверждать с уверенностью. Однако он не допускал сомнения в том, что Канарис двадцатых годов был другим, чем в тот момент, когда в Испании вспыхнула Гражданская война.

Теперь возникает вопрос, почему Канарис сделал так, что заговорщик Санхурхо вернулся домой с пустыми руками. На этот вопрос ответить можно относительно легко. Естественно, Канарис точно так же четко, как и испанские патриоты, видел, что процессы в Испании развиваются в направлении захвата власти коммунистами. Естественно, он в душе по-прежнему был на стороне испанских националистов. Но поддерживать их дело так продолжительно, как было бы необходимо для предотвращения осознанной опасности (и как действовал Гитлер 25 июля, приняв неожиданное собственное решение и обойдя при этом своего шефа Абвера и находящееся под влиянием последнего министерство иностранных дел), означало бы укрепление режима Гитлера. А Канарис уже тогда, очевидно, был решительно настроен свергнуть этот режим, даже если он при этом ставил на карту существование Рейха, даже всей Европы. Между отказом Санхурхо и Бейгбедеру в феврале 1936 года и выступлением в пользу Франко и его дела спустя только несколько месяцев, как мы видим, больше нет никакого противоречия. Было ли только случайностью, что за военно-политической смертью Санхурхо и Мола вследствие отказа или, во всяком случае, только символического предоставления им немецкой поддержки последовала также физиче-

ская смерть обоих этих генералов? В случае генерала Мола вопрос, как мы увидели, остается, по меньшей мере, открытым. Существующие свидетельства о смерти генерала делают невероятным предположение, будто бы в этом были замешаны Канарис или Франко. Самое важное свидетельство исходит от убежденного монархиста и близкого знакомого как Санхурхо, так и Мола, уже упомянутого майора ВВС Хуана Антонио Ансальдо. Он дал в своей книге точное описание своей самой важной, и в то же время самой трагической миссии. Мола поручил ему, едва национальное восстание, прежде времени вызванное убийством Кальво Сотело, началось 18 июля, доставить руководителя движения, генерала Санхурхо, как главу государства новой Испании из его эмиграции в Португалии в Бургос. 20 июля Ансальдо смог вылететь на небольшом маломощном самолете. Он встретил Санхурхо посреди возбужденного собрания единомышленников, которое пришло в настоящий экстаз, когда он доложил о своем прибытии генералу как новому главе государства.

Португальское правительство, которое относилось к заговорщикам отнюдь не враждебно, хотело избежать дипломатических осложнений, и поэтому не разрешило Ансальдо и его важному пассажиру взлететь с португальского военного аэродрома. Вместо этого оно предоставило им для взлета маленький примитивный полевой аэродром Маринья, условия которого еще более ухудшились из-за разросшегося по его краям хвойного леса. Ансальдо сообщил о своих сомнениях «шефу» и просил, даже заклинал его, оставить хотя бы один из его двух больших и тяжелых чемоданов. 64-летний генерал, уже воображавший себя у цели своей карьеры, отказался с той гордостью, которой славятся настоящие испанцы. Мол, в чемоданах лежат его парадные мундиры и прочие принадлежности, которые необходимы для предстоящего торжественного акта получения власти. Ансальдо смирился и стартовал с выдвинутым, но еще не действующим главой государства и его чемоданами. Машина, как и опасался летчик, плохо оторвалась от земли и задела верхушки близких деревьев. Ансальдо выбросило из кабины. Самолет упал и сгорел с его единственным пассажиром вместе с его чемоданами.

Первое национальное правительство без Франко

Спустя четыре дня национальная хунта, назначенная генералом Молой как заместителем погибшего вождя революции, собралась в Бургосе. Она первоначально должна была состоять – также согласно воле Санхурхо – из офицеров и гражданских лиц. Но руководитель монархистов Кальво Сотело был уже убит, и удерживаемого красными в тюрьме в качестве заложника вождя Фаланги, Хосе Антонино Примо де Ривера вскоре должна была ожидать такая же участь. Поэтому Мола довольствовался только военными. В это первое де-факто прави-

тельство национальной Испании входили самые важные (в этом порядке) генералы заговора: Мола, Саликет, Понте и Давила. Председательство хунты вместо погибшего в авиакатастрофе Санхурхо Мола передал тогда 74-летнему генералу (и масону) Мигелю Кабанельясу-и-Ферреру (1862-1938). Франко, который в этот день еще ничего не знал об отправленной им в Берлин и, по всем расчетам вероятности, абсолютно безнадежной миссии, само собой разумеется, не принадлежал к хунте. Он вошел в нее только в августе, после того, как его достигнутые с немецкой помощью быстрые и сенсационные первые успехи придали ему уже заметный политический и военный вес.

Двумя месяцами позже, 1 октября 1936 года, Франсиско Франко стал «генералиссимусом и главой государства». Это был «настоящий государственный переворот», не без причины писал Хью Томас, пусть даже национальная Испания в опьянении своих первых военных успехов, в том числе особенно ужаса героически оборонявшегося Алькасара в Толедо, не поняла этого. До сих пор в занятых мятежниками областях не было правительства в строгом смысле этого слова. Хунта в Бургосе хоть и была признана державами «Оси» как правительство, однако как таковое она исполняла свои обязанности лишь в очень скромном объеме. Военные операции пока были приоритетом. На севере полуострова ими командовал Эмилио Мола, на юге Кейпо де Льяно. Франко, который закончил переброску своих африканских войск на сушу с быстрой и эффективной немецкой помощью, устроил свой штаб в Касересе в средней части фронта. В тройке военных руководителей он был, в лучшем случае, «primus inter pares», и даже это только потому, что Гитлер связал продолжение немецкой помощи оружием с условием, что генерал Франко должен быть единственным получателем и партнером.

Мола и Кейпо де Льяно знали, особенно после того, как наступление на Мадрид завязло и вместе с тем разрушило все надежды на быстрое окончание войны, что продолжительная немецкая помощь была необходима для победы. Они думали о победе. Этой мысли о победе они подчинили свои вполне оправданные сомнения относительно фактического захвата Франко в свои руки главного командования. В интересах общего дела они согласились с тем, что Франко позволял своим льстецам – при случае даже публично – называть его «генералиссимусом». Превратить это состояние де-факто в состояние де-юре было целью прилежной подготовки, которую Франко поручил группе его советников и сотрудников в Касересе. При этом его брат Николас Франко (он был старше Франсиско на один год) играл самую важную роль. Он взял на себя политическую и пропагандистскую часть запланированного государственного переворота, в то время как полковник (позже генерал) Альфредо Кинделан-и-Дуани, главнокомандующий национальных военно-воздушных сил, возглавил военную часть

операции. Мы обязаны ему также изображением последовательности событий между 29 сентября и 1 октября 1936 года.

Планирование переворота

Какую роль сыграл в этом Канарис, Кинделан, к сожалению, не рассказал. Тем не менее, точно известно, что руководитель Абвера очень точно и во всех деталях следил за процессами в Испании через свою созданную там и надежно работающую агентурную сеть, и снова и снова дополнял свои подробные знания в ходе внезапных поездок в Испанию. Первая такая поездка после начала боевых действий, во время которой произошло первое установление личного контакта между ним и Франко, состоялась в августе 1936 года. Похоже, что впечатление, которое сложилось у Франко о Канарисе еще до того, как он познакомился с ним лично, при этом случае у него не только подтвердилось, но и превзошло ожидания. Здесь встретились два конгениальных духа. Канарис был не единственным, которому импонировал Франко своей политической сноровкой, которую нельзя было назвать иначе чем гениальной, своим искусством лавирования, умением держать все двери открытыми, что он доказал уже при подготовке июльского путча. С другой стороны, Канарис также знал, что противники Франко в хунте, не говоря уже о ее президенте, действительно дряхлом склеротике генерале Мигеле Кабанельясе-и-Феррере, безнадежно уступали ему. У нас нет доказательств для предположения, что на этой первой встрече Канариса и Франко говорили о предстоящем государственном перевороте, но оно прямо-таки навязывается. Канарис не был бы Канарисом, если бы он не дал своему испанскому партнеру нескольких полезных указаний, а Франко не был бы Франко, если бы он не принял их с благодарностью. Мы знаем от Ролланда (а также из обширной литературы о Канарисе), что Канарис к этому моменту уже принадлежал к «сопротивлению», что он ненавидел Гитлера и его режим и решительно был настроен сделать все, чтобы свергнуть и то, и другое. Он со своим тонким чутьем «супершпиона» мог быть убежден в том, что в этом он найдет у Франко понимание, если даже не просто согласие, и что их намерения совершенно совпадали, по меньшей мере, на обозримое будущее: Франко должен стать сильным человеком новой Испании, а Испания тогда станет язычком на европейских весах, который оба могли бы двигать в том или в другом направлении.

29 сентября Франко со своим штабом вылетел в Саламанку, чтобы предложить заседающей там хунте реорганизацию и реактивацию, в чем она поистине крайне нуждалась. Дата была избрана благоприятно, так как точно за день до того претендент на престол Дон Альфонсо Карлос умер в Вене. Мануэль Фаль Конде, вождь карлистов, вместе с другими влиятельными монархистами выехал

в Австрию на похороны несостоявшегося короля. Франко определенно не имел бы ничего против того, если бы он так и остался там. Он боялся откровенного роялиста из Наварры, который как гражданское лицо на стороне Мола играл политически влиятельную роль, как брат Николас у самого Франко, и который имел также определенное военное значение, так как только к этому моменту 40 000 его приверженцев (в возрасте от 15 до 65 лет) собрались под знаменами «Requetes», находившегося под командованием Мола карлистского ополчения Наварры.

Так их застали врасплох

Франко приказал подготовить проект декрета, который должен был быть представлен хунте, одобрен ею и воплощен в жизнь. Проект, кроме обычных цветистых пустых фраз на старомодном испанском канцелярском языке, не содержал ничего кроме утверждения Франко на должности «генералиссимуса и главы правительства». Кинделан зачитал его. Однако если снаружи во время прибытия Франко в Саламанку мобилизованные Николасом группы хором приветствовали «каудильо» и «генералиссимуса» как такового, то теперь генералы хунты ответили ледяным молчанием. Они явно были не в восторге, да и вообще не были готовы проглотить эту горькую пилюлю. Это было больше, чем только обычная среди военных ревность. Кто такой был, все же, этот Франко, что он дерзнул так возвысить самого себя? Определенно: смелый солдат (хотя дон Хосе Антонио в одном из своих последних писем из тюрьмы, прежде чем он был расстрелян там 19 ноября 1936 года, назвал его «трусом»). Все его повышения в звании от 22-летнего капитана до генерала (самого молодого в армии) происходили из-за его смелости перед лицом врага. Но как полководец он не справился, особенно при первом наступлении на Мадрид, который мог бы уже давно быть в руках националистов. И о том, что он своими прежними успехами в Гражданской войне был обязан только поддержке иностранной державы, вообще предпочитали не говорить в этом кругу гордых испанцев. Политически, наконец, он – во всяком случае, тогда еще – вообще ничего собой не представлял. Фаланга, которая ориентировалась на примеры больших современных движений в Италии и Германии с их социальными компонентами, не считала Франко своим представителем. И роялисты не доверяли ему. Кто вообще доверял ему? Президент хунты Кабанельяс обобщил чувства присутствующих, прервав наступившее неловкое молчание замечанием, что нужно время, чтобы основательно обдумать это предложение. Это время ему было предоставлено. Франко, его брат и Кинделан воспользовались расслабляющим настроением на последующем банкете, чтобы обработать неприступных господ из хунты в своем духе. Особенно Николас Франко, кажется, полностью вошел в роль брата Наполеона Люсьена 18 брюмера (09.11.1799), когда Бонапарту удалось переиграть

революционную Директорию и с помощью своего брата – как Франко теперь, на 137 лет позже – стать первым человеком Республики. Спустя два дня Николас мог сообщить своему брату, что последнее сопротивление было преодолено. Принятие, подписание и введение в действие декрета о назначениях стало тогда немного большим, чем просто формальностью. Ниже мы расскажем об одной пикантной детали этого «выбора».

Совершенно обычное мошенничество

Не доставало только одной мелочи. Нужно было изменить всего одно маленькое словечко. Готовый декрет говорил о Франко – как и было предусмотрено – как о «генералиссимусе и главе правительства». Однако Франко хотел быть больше: «генералиссимус и глава государства». Выбрали более скромную формулировку, чтобы не сделать хунту еще упрямее. Нужно ли было беспокоить этих господ еще раз из-за этого необходимого изменения? Существовал более простой путь. Французский автор Жан Креаш напал на след этого пути, и англичанин Хью Томас подтвердил эти его сведения в ходе своих частных исследований: незадолго до печатания декрета в типографии появился курьер Николаса Франко с письменным указанием заменить слово «глава правительства» на «главу государства». Так это и произошло. В таком виде декрет был опубликован в официальном вестнике законов, после чего он считался утвержденным. Так он был зачитан 1 октября в Бургосе при торжественном вступлении Франко в должность как «генералиссимуса и главы государства». Не милостью Божьей (как в почитаемой им монархии), и не народной волей (как в презираемой им демократии) Франко стал главой государства, а путем совершенно обычного мошенничества, вроде того, которое делают школьники, исправляя оценки в дневнике. Вот так просто делается мировая история. Всего за десять недель маленький неудавшийся путчист в богом забытом углу Северной Африки превратился в «генералиссимуса и главу государства». Хотя он держал под своей властью еще лишь только половину (и отнюдь не лучшую половину) страны, однако уже пользовался неофициальным признанием и долговременной военной поддержкой двух великих держав Европы, Германии и Италии. Это нужно было отпраздновать.

Для сенсационного вступления в должность в Бургосе 1 октября 1936 года Николас Франко снова мобилизовал свои ликующие хоры, которые на этот раз переутомляли свои голосовые связки, громко скандируя: «Франко, Франко!». Это было подслушано у итальянских фашистов и их клича «Дуче, дуче, дуче!». Другая пропагандистская идея придерживалась немецкого образца. Плакаты с надписью «Un estado – un pais – un jefe» («Одно государство – одна страна – один шеф») были напечатаны большим тиражом и подготовлены для распреде-

ления по всей стране. Сходство с немецким боевым призывом «Один народ – один Рейх – один фюрер» было очевидным, почти неловким. Насколько отчетливо ни демонстрировалось наружу мнимое родство с народными движениями в Италии и Германии, настолько же неопределенной, расплывчатой оставалась программа его правительства, которую Франко провозгласил по этому поводу. Она в своих ни к чему не обязывающих формулировках опиралась на программу Фаланги, не переняв при этом ни одного из ее принципиальных требований. Более отчетливо это новое правительство определялось как официальная свита «генералиссимуса». Военные осознанно держались в стороне. Рясы и сутаны владели картиной. Начал проявляться клерикально-фашистский режим, вроде того, который создал Энгельберт Дольфус в 1932 году в Австрии.

Сомнения в искренности Франко

Гитлер, проинформированный Канарисом, очевидно, не разгадал этот процесс. Он послал своего дипломатического представителя в Лиссабоне (собственный представитель при правительстве Франко был назначен только в ноябре), графа Дю Мулен-Экхарта, в Бургос, чтобы передать свои личные поздравления новому главе государства. На государственном приеме, который дал ему Франко в Саламанке, «каудильо» прямо-таки рассыпался в хвалебных речах Гитлеру и новой Германии, как граф Дю Мулен сообщал конфиденциально министерству иностранных дел. Он надеялся, говорил Франко, что скоро сможет поднять свой флаг рядом со знаменем цивилизации, которое уже поднял фюрер. На последующем обеде Франко ни на мгновение не вызвал «сомнений в искренности его отношения к нам». Самое замечательное в этом дипломатическом сообщении, без сомнения, то, что Дю Мулен вообще упоминает о таком «сомнении в искренности» Франко. Если бы он это сделал, не возникли ли бы сомнения у него самого? У Канариса не было никаких таких сомнений. Он знал Франко и знал, что мог полагаться на него.

Если Николас Франко думал, что брат поистине «по-царски» вознаградит его за оказанные тому услуги – как Наполеон Люсьена Бонапарта, и что он, как и тот, станет принцем и министром внутренних дел, то он ошибался. Хотя он еще короткое время мог играть в новом правительстве Франко роль генерального секретаря, носившую чисто административный характер и не имевшую политического значения, но как только его брат нашел в своем сбежавшем из-под ареста красных свояке Рамоне Серрано Суньере (1901-2003) подходящего главного советника, он отослал Николаса послом в Лиссабон. Это был лишь очень скромный утешительный приз. Ведь благодарность за оказанные услуги и полученную помощь никогда не была сильной стороной Франко. Но в случае с его братом Николасом мог быть важен также другой фактор для такого жалкого обра-

щения: Николас Франко считался германофилом – также об этом сообщает Дю Мулен. Если это было правдой, он больше не должен был в будущем, во всяком случае, иметь возможность воплотить эту свою склонность в реальную политику. Николас Франко никогда больше не играл политической роли в Испании.

Всемирно известный брат

Судьба другого брата Франко Рамона была более трагичной. Он добился всемирной славы гораздо раньше, чем его брат, который был старше его на пять лет. В то время как Франсиско еще как офицер невысокого звания собирал награды и повышения по службе в марокканском Рифе, Рамон за штурвалом исторического самолета «Plus Ultra» вместе с тремя другими военными летчиками в январе 1926 года первым пересек Атлантику из Испании в Аргентину, за год до того, как Чарльз Линдберг пересек этот же океан в противоположном направлении, и за два года до немецких летчиков Кёля, Хюнефельда и Фицмориса на значительно более коротком северном маршруте. Испанских летчиков в Буэнос-Айресе встречали с восторгом как героев. Это был первый раз, когда имя Франко было у всех на устах. Но это было имя не более позднего генералиссимуса, а его младшего брата. Рамон – в отличие от брата – принимал в политической жизни своей страны активное участие. Когда король Альфонс XIII в 1930 году пытался править без своего ушедшего в отставку диктатора Примо де Ривера (с весьма отрицательным результатом), начались беспорядки. Первый военный путч 12.12.1930 в Хаке окончился провалом. Король приказал расстрелять подстрекателей. Но когда несколько позже восстал гарнизон ВВС на «Cuatro Vientos» около Мадрида, и среди молодых мятежников находился народный герой Рамон Франко, тогда монарх больше не решился на кровавые репрессии, а прибег – как нынешний испанский король – к мероприятиям по «демократизации», которые в течение короткого времени вызвали его свержение. Он уехал в эмиграцию (не отрекшись при этом от престола). 14 апреля 1931 года была провозглашена республика. Подписанты революционного призыва, листовки с которым Рамон Франко сбрасывал над Мадридом (вместо предназначенных для королевского дворца бомб, от чего его удалось отговорить только с большим трудом), все (от социалистов Ларго Кабальеро и Прието до более поздних премьер-министров Асаньи и Лерру) играли ключевую роль в республике, которую пять с половиной лет спустя собрался устранить брат Рамона Франсиско. То, что Рамон Франко существенно способствовал ликвидации монархии в Испании, которую Франсиско Франко за неимением лучшей идеи эксгумировал для решения вопроса о своем преемнике, является фактом, на который в современной историографии до сих пор едва ли указывали, а если и указывали, то только вскользь. Тем не менее, эту деталь стоит подчеркнуть, чтобы завершить портрет характера «каудильо». Если он уже отнюдь не вели-

кодушно вел себя по отношению к своему старшему брату, то его поведение по отношению к младшему может вызвать только отвращение. Хотя Рамон и был ярким республиканцем – как, впрочем, также его товарищ по путчу 1930 года, будущий генерал Кейпо де Льяно-и-Серра (1875-1951), вместе с которым он убежал тогда, чтобы ускользнуть от ареста и возможного расстрела – он представил себя в распоряжение национальному восстанию, несомненно, не для того, чтобы реставрировать монархию и влияние церкви в его отечестве, а так как он осознал опасность, которой угрожал Испании мировой большевизм.

Эта его позиция совпадала с той позицией, которую занимали многие из нас, легионеров, и которая выражалась в снова и снова задаваемом нами вопросе «Не сражаемся ли мы на неправильной стороне?». Ставший крылатым словом вопрос овладевал любой политической дискуссией, которую вели в «Легионе Кондор» о развитии ситуации в Испании. Радиогенерал Кейпо де Льяно еще в первые месяцы войны заканчивал каждое из своих зажигательных обращений по радио призывом «Viva la Republica!» – «Да здравствует республика!» – пока ему это определено не запретил Франко. Он имел в виду национальную и социальную республику, в которой у марксизма нет шансов, так как там отсутствуют предпосылки для него – социальная несправедливость, эксплуатация и прочие злоупотребления капитализма, как произошло в вызывающем его восхищение Третьем Рейхе. Посещение столицы Германии, которое определено не было утверждено Франко, и которое Кейпо де Льяно использовал, чтобы уверить немецкий народ и его руководство в своей откровенной дружбе и восхищении, было поводом к тому, что Франко окончательно лишил его влияния, после того, как он уже при преобразовании своего кабинета в январе 1938 года провокационно пропустил его, так что Кейпо де Льяно тогда прекратил выступать по радио. В том же году также его старый друг и соратник Рамон Франко «погиб в аварии во время службы». Он был бы, несомненно, более дельным, более толковым, более увлекающим за собой главнокомандующим национально-испанских военно-воздушных сил, чем тогда уже почти шестидесятилетний Кинделан, у которого, тем не менее, в глазах Франко было то преимущество, что он был убежденный монархист, верный служитель церкви и, кроме того, еще и англофил. Поэтому Франко не нашел для своего брата, слава которого тогда еще затмевала славу его самого, никакой другой должности, кроме поста скромного командира авиационной базы на Балеарских островах. Рамон Франко был – после Санхурхо и Мола – третьей значительной личностью национальной Испании, кто мешал «каудильо», и – какое счастливое стечение обстоятельств! – погиб в авиакатастрофе. Тот, кто знает о доверительных отношениях получившего такую выгоду от этого события «каудильо» с шефом, как признано, одной из самых эффективных разведок, вовсе не должен быть патологически подозрительным, чтобы у него возникло недоверие.

Тренога власти

С 1 октября 1936 года Франко объединял военное руководство и власть национальной Испании в своих руках. Это было много, но еще не все. Авторитарное государство нуждается в массовом политическом движении, руководить которым точно так же должен сильный человек. Только на этой треноге власти он может удержаться. Гитлер обладал такой опорой, и поэтому свергнуть его можно было только внешней силой. Тренога Муссолини была шатка, так как он – в противоположность Гитлеру и Франко – оставил в иерархии государства кого-то выше себя – короля, который при первом же тяжелом кризисе фашистского государства вытаскил из-под него одну из трех опор. Короля, который приготовил бы Франко ту же судьбу, что Муссолини, в Испании не было, и он так и не появился за все годы жизни Франко вопреки всем монархическим лицемерным признаниям «каудильо», хотя в 1947 году он формально снова ввел монархию. Все же сиденье оставалось шатким, пока он не получил также третью опору, массовое политическое движение. Он сам не располагал таким движением, так же, как не располагал он и конкретной политической программой, по меньшей мере, такой, которая встретила бы сочувствие у испанского народа. Что делать? Не должно ли было удастся ему и в этом отношении то, чего он уже достиг узурпацией военного и государственного руководства? Самыми важными политическими группировками, на которые опиралось национальное восстание, были католическая партия CEDA (Confederacion Española de Derechas Autonomas = Испанское объединение автономных правых), руководитель которой Кальво Сотело был убит красными, Фаланга Хосе Антонио, которому предстояла та же судьба, и который пребывал тогда в тюрьме Аликанте, во всяком случае, ничего не мог делать, и карлисты, руководитель которых Мануэль Фаль Конде был отправлен Франко в португальскую ссылку. Было ли действительно настолько трудно привести эти три оставшиеся без вождей толпы, молодые активисты которых, кроме того, воевали как солдаты на фронте, привести их всех под одну шляпу, шляпу «каудильо»?

Канарис должен был быть очень заинтересован в том, чтобы тотальная власть, которую Франко уже на две трети оторвал себе, была бы также хорошо и долговечно обеспечена в ее последней трети. Ино фон Ролланд, с которым я говорил в Буэнос-Айресе об этом, придерживался взгляда, что Канарис вовсе не мог бы действовать иначе, если он хотел привлечь Франко и вместе с тем Испанию на службу его долговременных планов, направленных на свержение Гитлера. Верный, надежный и хорошо настроенный к Третьему Рейху союзник на Иберийском полуострове удивительно сильно укрепил бы положение Гитлера в Европе, над которой уже собирались темные тучи войны. И после того, как Гитлер – не спрашивая Канариса – 25 июля 1936 года своим мгновенным решением о предоставлении быстрой и продолжительной помощи национальным мятежни-

кам сделал первый шаг в этом направлении, не было никакого другого пути, чтобы предотвратить ожидаемый успех, кроме как передать всю власть в Испании такому человеку как Франко. Ролланд для обоснования своего тезиса указал мне на одну фразу в книге Фабиана фон Шлабрендорфа «Офицеры против Гитлера», которая в то время вызвала сенсацию. Этот летописец сопротивления признает, хотя и не относительно Испании, а в другой связи, дословно, что «предотвратить успехи Гитлера при любых обстоятельствах и любыми средствами, также за счет тяжелого поражения Рейха, было нашим самым срочным заданием». Я не мог вспомнить, что прочитал у Шлабрендорфа такой потрясающий основной принцип этого так называемого «немецкого» сопротивления. Но Ролланд показал мне это место. Оно было в цюрихском первом издании книги (1946) на странице 38. У меня было издание 1951 года. Там этого места больше не было. Его вычеркнули – по вполне понятной причине.

«Денди» появляется

Франко после своей важной октябрьской беседы с Канарисом должен был интенсивно заниматься вопросом, как заполучить для гарантирования своей власти собственное политическое движение. Он нашел решение этой проблемы только когда его свояк Рамон Серрано Суньер, только что убежавший из красной тюрьмы, 20 февраля 1937 года явился к нему в Саламанку. Адвокат, младше Франко на девять лет, был женат на Зите Поле, сестре жены Франко Кармен. У сестер, как и у их мужей, были между собой очень сердечные семейные отношения. Рамон, элегантный и хорошо знающий свет, блистательно выглядевший, с рано поседевшими волосами и лучезарными голубыми глазами, был популярен как в семейном кругу, так и в обществе. Он сразу был принят в доме свояка, поднявшегося к тому времени до поста главы государства. И после первых возбужденных рассказов о пережитом – беглец прошел через ужасы – началась подготовка планов. Серрано Суньер после его произвольного ареста попал в пользующуюся дурной славой мадридскую тюрьму «Карсель Модело», где ему пришлось стать свидетелем убийства его друзей Фернандо Примо де Ривера и Руиса де Альды, после того, как уже два его брата были убиты красными. Достаточно, чтобы на всю жизнь сделать его заклятым врагом коммунизма и распространяющим его по всему миру Советов. Но также и к Франции у него не было никаких симпатий, так как именно французское посольство в Мадриде с учетом хороших отношений между режимами Народных фронтов в обеих соседних странах отказалось принять на свою экстерриториальную территорию и защитить братьев Серрано Суньера, и тем самым частично несло ответственность за их смерть. Теперь этот эмоциональный момент еще больше усилил ту глубокую франкофобию, которая укоренилась у многих испанцев, с

тех пор как их страна была оккупирована Наполеоном и добилась своего освобождения только после длительной и ожесточенной партизанской войны.

* * *

На праздновании четырехлетия Национального восстания 18 июля 1940 года в Мадриде существовало полное взаимное согласие о вступлении Испании в войну против Англии и намерении захватить Гибралтар с немецкой помощью. Франко недвусмысленно повторил это свое предложение в своей произнесенной по этому поводу речи. Оно должно было быть принято 23 октября в Эндае и сформулировано с обязательствами для обеих сторон. Приготовления к этому делались на немецкой стороне вплоть до самых мелких деталей. Однако Франко твердо решил не выполнять данное тогда обещание, но не доводя при этом до разрыва отношений, так как такой разрыв он пока еще не мог себе позволить. После победы над Францией Германия достигла абсолютного апогея своих успехов, и если Франко хотел осуществить тогда еще лелеемые им имперские планы, то это было возможно, только прицепив свою повозку к повозке немецкого победителя. Как же так произошло, что он изменил свой образ мыслей?

Вскоре после того как Канарис подробно обсудил с Франко немецко-испанский план захвата Гибралтара вплоть до всех (даже тактических) подробностей, он должен был опять вместе с другими выслушать еще одну речь. Гитлер произнес ее 19 июля 1940 года перед Немецким Рейхстагом: «Депутаты! Мужчины Немецкого Рейхстага!». Это мероприятие было так организовано с окружающим его церемониалом пропаганды, что оно обещало нечто совершенно необычное. Посвященные, вроде переводчика фюрера Пауля Шмидта, знали, что гвоздем программы речи будет новое мирное предложение Англии. Тремя днями раньше Гитлер продиктовал свою директиву номер 16 о знаменитой (и никогда не состоявшейся) операции «Морской лев» (план захвата Британских островов), после того, как он уже 15 июля написал письмо своему другу Муссолини с уведомлением об этом плане.

В Кроль-опере собрались не только депутаты (на шести сиденьях вместо погибших коллег лежали лавровые венки), но и «сливки» национал-социалистического руководства. Геринг, который по этому поводу получил звание рейхсмаршала, открыл заседание. Гитлер начал, как обычно, с Версальского договора и через Польшу и Норвегию подошел к недавнему Французскому походу, о ходе и результате которого он сделал впечатляющий отчет.

Затем поток благодарностей, повышений по службе и наград пролился на значительную часть присутствующего военного и политического руководства. Появилось одиннадцать новых фельдмаршалов (фон Браухич, Риттер фон Лееб,

фон Бок, Лист, фон Клюге, фон Вицлебен, фон Райхенау, Мильх, Шперле, Кесельринг и Кейтель) – двоих из них позже повесили: Вицлебена Гитлер, Кейтеля союзники, один новый генерал-адмирал (Карлс) и 19 генерал-полковников. Также немецкий народ в его совокупности по праву заслуживал похвалы, причем Гитлер сделал только одно ограничение: «Тут я немедленно соглашусь, что также в Германии, само собой разумеется, имелись и, пожалуй, также и сейчас имеются отдельные субъекты, которые почти с сожалением следят за триумфальным шествием Третьего Рейха, неисправимые реакционеры или слепые нигилисты, которые, наверное, могут быть очень печальны в душе из-за того, что все пошло не так, как они ожидали, только число их смешно, а их значение еще меньше».

Когда прозвучали эти слова, Канарис не подал виду. Он – как всегда – держал себя в руках. Пока Гитлер не знал, что отдельные субъекты, о которых он только что говорил, находились в самом близком его окружении на важных постах, как предполагал Канарис, он должен будет недооценивать их значение. Он, Канарис, уже показал бы ему, какое значение он имел. В связи с Испанией, которую Гитлер также во внешнеполитической части своей речи (в отличие от Италии) не упомянул ни единым словом, хотя ведь «каудильо» только что публично сообщил о своем военном участии.

Наконец, Гитлер подошел к основному месту и апогею своей речи. Он напоминает о мирном предложении, которое он после победоносного Польского похода 6 октября 1939 года направил Франции и Англии, и которое было встречено адресатами с презрением и насмешками. Его предположение, что в лежащей сегодня на земле побежденной Франции «по-иному будут думать» о тогдашнем мирном предложении, после предшествующего сообщения о «самой большой и самой славной победе всех времен» прозвучало убедительно. «Всего этого могло бы и не быть», воскликнул он, «так как я еще в октябре не требовал ни от Франции, ни от Англии ничего иного кроме мира».

И теперь, направив слова только по адресу политиков в Лондоне: «Поверьте мне, депутаты, я чувствую в себе внутреннее отвращение к этому сорту бессовестных парламентских губителей народов и государств. У меня почти вызывает боль то, что судьба избрала меня подтолкнуть то, что эти люди привели к падению: так как моим намерением было не вести войны, а строить новое социальное государство самой высокой культуры». Домарус напоминает в этой связи об удивительно похожих звучащих фразах Наполеона, которые тот записывал весной 1821 года: «Меня вынудили усмирять Европу оружием. Я привил Франции и Европе новые идеи, которые никогда не будут забыты».

Теперь Гитлер обращается к «мистеру Черчиллю», который только что заявил, что он, в крайнем случае, продолжит вести войну «из Канады». На это Гитлер ответил: «Народ тогда будет смотреть на войну в Лондоне, несомненно, совсем другими глазами, чем его так называемые руководители в Канаде». Черчилль «примерно шесть недель назад начал воздушную войну против гражданского населения». Последовало знаменитое пророчество Гитлера: «Великая мировая империя будет разрушена. Мировая империя, уничтожить которую или даже только навредить ей, никогда не входило в мои намерения». Это пророчество исполнилось быстрее, чем он думал. Сегодня Англия – больше не мировая империя, а должна была радоваться тому, что ее приняли в лоно маленькой западноевропейской семьи народов, да еще и как одного из ее нуждающихся в помощи членов, которому срочно понадобились субсидии состоятельных родственников. То, что этот процесс начался сразу после того, как также Германская империя была уничтожена, разбита, разделена и оккупирована, делает исполнение этого пророчества ничуть не менее трагическим. Гитлер закончил словами: «В этот час я чувствую себя обязанным перед своей совестью еще раз направить воззвание к разуму также в Англии. Я полагаю, что могу делать это, так как я говорю не как побежденный, который о чем-то просит, а как победитель только ради разума. Я не вижу причину, которая могла бы заставить продолжать эту борьбу».

В это время колебаний и сомнений после отклонения его мирного предложения, в серьезности которого он только медленно позволил убедить себя, маленький Канарис с его планом захвата Гибралтара представился ему как ангел-спаситель. Конечно, об этом уже давно говорили, эту тему даже разрабатывали в Генеральном штабе. Но потом отставили и сначала возложили все надежды на мирную речь 19 июля. Теперь, так как они растаяли, воинственная речь, которую Франко произнес за день до того и на которую тогда по понятным соображениям едва ли обратили внимание в Берлине, внезапно приобрела самое большое значение, так как Канарис мог сообщить конкретные подробности об этом из своих как всегда конфиденциальных переговоров с «каудильо». Гитлер был в восторге. Здесь ему представлялась альтернатива нелюбимой операции «Морской лев». Из Франции в Испанию, из Испании в Северную Африку, через Египет и Суэцкий канал на Ближний Восток с его беспредельными нефтяными месторождениями и дальше к Кавказу в тыл Красной армии. И все это по суше, а это значит, что не потребуется сражаться с британским военно-морским флотом, только у Гибралтара маленький прыжок через морской пролив. Уже при обсуждении с генералами 21 июля, т.е. еще перед окончательным отказом Галифакса, Гитлер, судя по записям Гальдера, пусть даже только и мимоходом, произнес слово «Испания». Она была упомянута среди держав, которые нужно было попытаться «запрячь против Англии», если та действительно захочет и дальше продолжать войну. Уже спустя три дня, 24 июля, Гитлер в беседе с по-

следним командиром «Легиона Кондор», генералом ВВС бароном Вольфрамом фон Рихтхофеном (1895-1945), высказался существенно более отчетливо. Британское правительство не согласилось с мирным предложением (в действительности оно окончательно его отвергло), узнал очень интересовавшийся Испанией авиационный генерал (в 1943 ему еще присвоили звание фельдмаршала, прежде чем он в Бад-Иши в 1945 году умер от опухоли мозга). Теперь война против Англии должна была вестись со всей строгостью. Дональд С. Детвилер дальше дословно так пишет в своей книге: «Запланировано было захватить Гибралтар во взаимном согласии с Франко. Если Испания захочет участвовать, это приветствовалось бы, но он не хотел бы просить Испанию об этом. Во всяком случае, при нападении на Гибралтар принималось бы в расчет участие Испании только с сухопутными войсками. Для этого Испания должна была получить все необходимое, прежде всего, тяжелую артиллерию, зенитные пушки, боеприпасы и горючее. После захвата испанцы могли бы забрать себе скалу, и Германия поддерживала бы также их желания в Марокко. Если Англия попытается высадиться и закрепиться где-нибудь на Иберийском полуострове, Германия пообещает испанцам сильную поддержку». Все-таки это было уже действительно конкретно. Гитлер уже твердо включил Испанию в свои последующие военные планы. В его беседах и скоро уже также и в официальных заявлениях также часто начали появляться слова о «фронте против Англии, который нужно создать от мыса Нордкап до Северной Африки». Идея захвата Гибралтара и последующего прыжка в Африку овладевала им тем больше, чем меньше воздушная битва за Англию вела к обещанным Герингом результатам. Действительно в эти августовские дни 1940 года возник «окончательный немецко-испанский план захвата Гибралтара», как констатирует вдова Риббентропа Аннелиз, урожденная Хенкель, на основе тщательного изучения источников. Чем дольше британские ВВС держались в ожесточенной и с обеих сторон ведущейся с бесподобным героизмом битве, не будучи при этом подавленными «морально и материально», тем сомнительнее становилась вся операция «Морской лев», самой важной предпосылкой которой как раз и было уничтожение Королевских ВВС.

Геббельс тогда посетил нового генерал-фельдмаршала Хуго Шперле (1885-1953) в его штаб-квартире в Довиле в устье Сены и сообщил мне о своей беседе с командующим используемого здесь воздушного флота, который с не допускающей возражений уверенностью уверял его, что через четырнадцать дней все будет сделано. И он обещал лондонцам, что они задохнутся «в собственном дерьме». Они не задохнулись, и через четырнадцать дней совсем ничего не было сделано. Наоборот немецкие ВВС, согласно сообщению Верховного главнокомандования Вермахта (ОКВ), понесли ужасные потери – 407 самолетов с экипажами. С 4 по 15 сентября 1940 потери составили еще 182 самолета, из них 43 – в единственный день, последний в этом промежутке времени. Как раз в этот самый день операция «Морской лев» была окончательно отменена.

«Феликс» – «счастливый»

Ее место заняла операция «Феликс» (на латыни: «счастливый»). Немецко-испанский план захвата Гибралтара между тем официально получил это название. Ей суждено было закончиться не более счастливо, нежели предыдущей. К операции «Морской лев», судя по книге Шлабрендорфа, был на «важной должности» подключен участник сопротивления полковник, а позднее генерал-майор Хеннинг фон Тресков. Операция «Феликс» была целиком и полностью в руках оппозиционера, адмирала Канариса. Он, а не Гитлер решал, будет она проведена или нет. И он как раз в тот момент, когда он сам еще активнее всего работал над разработкой и осуществлением плана, уже должен был прийти к решению предотвратить его реализацию. Если «Морской лев» был операцией, которая, если она вообще обещала успех, то этот успех – как позже должен был показать пример Крита – мог бы быть достигнут только с огромным кровопролитием и решающим, вероятно смертельным ослаблением немецкой военной силы, то «Феликс» представлял собой вполне выполнимый план с относительно незначительными потерями, низким коэффициентом риска и почти стопроцентным шансом на успех. Канарис никогда не отговаривал Гитлера от «Морского льва». Он знал, что осуществление этого плана приведет Гитлера к гибели. То, к чему не привели бы объективно неблагоприятные обстоятельства, тем должны были бы заняться «подключенные оппозиционеры». С «Феликсом» дело обстояло несколько иначе. «Феликс» в том виде, в каком он был подготовлен и разработан при его участии, не мог окончиться иначе, чем успешно. И это нужно было предотвратить. Теперь должно было окупиться то доверие, которое он в многолетней кропотливой работе сумел приобрести к себе не только у Гитлера, но и у Франко.

Гитлер в последний момент едва ли не перечеркнул его расчет. Когда план операций был уже готов во всех подробностях (включая дату нападения: 10 января 1941), Гитлер, как сообщает генерал-майор Вальтер Варлимонт, бывший начальник главного (оперативного) штаба Вермахта в ОКВ, решил отправить лично начальника своего оперативного отдела генерал-полковника Йодля в Мадрид, чтобы согласовать этот план с Франко и подробно обсудить все частные вопросы с его начальником Генерального штаба, генералом Хуаном Вигонем Суэродиасом (1880-1955). Уже из одного этого можно понять, какой серьезной и важной считал Гитлер операцию «Феликс». Йодль, верность и надежность которого были вне всяких подозрений, был, к тому же, весьма способным офицером Генерального штаба и, несомненно, осуществил бы операцию. Это, по вполне обоснованному мнению испанского министра иностранных дел (а тогда еще самого близкого доверенного лица Франко) Серрано Суньера, «означало бы в один момент конец войны», причем счастливый для Германии конец.

Также Черчилль, похоже, разделял это представление. Так как он хвалит в одном из томов своих мемуаров Франко за его «обман и неблагодарность по отношению к Гитлеру и Муссолини» с тем обоснованием, что «Испания держала в руках ключ, при помощи которого она могла бы положить конец» всем английским действиям в Средиземном море. Этот конец и должен был предотвратить Канарис. Поэтому он заклинал Гитлера доверить эту миссию ему вместо Йодля. Он ни в коем случае не сомневался в способностях Йодля, наоборот, он признавал правоту Гитлера, что тот не смог бы найти для этого лучшего человека. Но, он указывал на то, насколько щекотливо все это дело, и что общаться с испанцем вообще и с Франко в особенности настолько трудно, что для того, кто не владеет испанским языком и не знаком с испанским менталитетом, слишком легко случайно задеть собеседника и тем самым поставить под угрозу все предприятие, успех которого был уже практически гарантирован. Гитлер позволил себя убедить, так что Канарис 7 сентября 1940 года снова (в последний раз перед Эндаем) был у Франко. Официальные сообщения об этой, пожалуй, решающей беседе скудны. Существует телеграмма посла Шторера с трезвой констатацией факта, что Канарис передал Франко желание Гитлера «предпринять нападение на Гибралтар в течение короткого времени». Дата нападения (10.01.1941) была подтверждена. Одновременно с немецким транзитным маршем через Испанию Испании должна была поступить экономическая помощь. Канарис поостерегся сообщать послу подробности о настоящем содержании его беседы с Франко. Так как намерением немецкого шефа Абвера и тайного союзника британцев, как его называет Колвин, который должен был это знать, было «во что бы то ни стало, удержать Испанию от перехода на сторону держав «Оси»». Представление, которое получила Аннелиз фон Риббентроп в результате тщательного изучения многих труднодоступных (в большинстве случаев английских) источников, целиком и полностью совпадает с благодарностью Черчилля за неблагодарность Франко по отношению к Гитлеру и Муссолини. Испания владела ключом, писал Черчилль, «но даже в самые мрачные часы она никогда не преграждала нам ворота» (Гибралтар).

Самый мрачный час Англии

«Самый мрачный час» пробил для Англии, когда она, уже шатаясь от молниеносного удара по Лондону, хотя еще и не добитая им, должна была ожидать новый удар, на этот раз по ее жизненно важной артерии в Средиземном море. Блокирование Средиземного моря у Гибралтара и после этого потеря Северной Африки, Суэцкого канала и Ближнего Востока лишили бы Англию и стоящие за ними США их последней возможности действий против Рейха. Более позднее триумфальное шествие Роммеля через пустыню нельзя было бы остановить без возможности перерезать его линии снабжения по Средиземному морю.

Египет и другие арабские народы только и ждали того, чтобы сбросить с себя британское колониальное иго. Тогда английскому руководству, которое отвергло немецкое мирное предложение, не оставалось бы ничего другого, кроме как закончить эту ставшую безнадежной войну. Тогда Россия была еще связана с Рейхом Пактом Молотова-Риббентропа. США находились в состоянии недееспособности, как правильно констатирует Серрано Суньер. Американское население в преобладающем большинстве было против участия в войне, оно еще далеко не было достаточно обработано Рузвельтом и его пропагандистским аппаратом, а сам Рузвельт был реалистом и понимал, что в случае такого резкого изменения ему придется изменить свою непопулярную пробританскую политику. Конгресс принял закон о воинской повинности с перевесом всего в один голос. Франция, «сухопутная шпага» Англии, была разбита, и Испания вопреки англофильской позиции Франко и многих его соратников собиралась открыть свои границы немецкой армии.

Где был спаситель от этой беды? Он сидел напротив «каудильо» 7 сентября 1940 в Мадриде. В соответствии со своим поручением он доложил ему об операции «Феликс» во всех подробностях, не забыв и о немецких вознаграждениях. Вероятно, его рассуждения оказались короче и менее убедительны, чем если бы их произносил Йодль. Существующие об этой беседе документы скудны, как уже говорилось. Но есть другой надежный источник об истинном содержании решающей беседы Канариса и Франко, тогдашний государственный секретарь в министерстве иностранных дел барон Эрнст фон Вайцзеккер. Он заявлял: «Но я договорился с ним (Канарисом), что он должен был вместо этого сказать испанцам чистую правду и объяснить им ту гарантированную катастрофу, в которую они попали бы неизбежно и неумолимо». Эти слова Вайцзеккер произнес во второй половине дня 9 июня 1948 года, когда его заслушивали на так называемом Процессе Вильгельмштрассе перед Военным трибуналом номер 6 по делу № 11 о запланированном захвате Гибралтара. (Этим доказательством своей деятельности в сопротивлении – наряду с другими – он хотя и смог спасти свою голову – в отличие от его шефа Риббентропа – однако, позже все же был осужден на семь лет тюрьмы, но уже в 1950 году был освобожден. Годом позже он умер в возрасте 69 лет, после того как издал свои мемуары в Лондоне).

Вместо того, чтобы использовать весь свой дар убеждения (которым Канарис, без сомнения, владел), чтобы, например, избавить Франко от еще наличествующих сомнений относительно операции, на которой он сам настаивал неоднократно, вместо того, чтобы подчеркнуть немецкие шансы на победу, которые даже не нужно было преувеличивать, потому что в этот момент войны они на самом деле были оптимальны, Канарис нарисовал своему испанскому другу такую черную картину положения, что тот действительно начал бояться исполнения искреннего желания своего народа, возврата Гибралтара.

Если Канарис не работал при этом осознанно с ложью и дезинформацией, которые хитрый и политически очень трезвомыслящий Франко легко разгадал бы, то он мог бы поколебать его в первоначальной готовности вступить в войну на немецкой стороне с помощью одного аргумента, который Канарис определенно не использовал, но который не мог, однако, ускользнуть от пронизательности Франко. Франко должен был спросить себя в этот день 7 сентября 1940 года: так ли уж надежен и сплочен режим, чтобы доверить ему собственную судьбу, если в его рядах, причем на таких решающих должностях, как те, которые занимали Канарис, Вайцеккер и другие, находятся его противники? Было ли возможно, что немцы на таких ключевых позициях добивались «собственного поражения», как признал Шлабрендорф в неисправленном первом издании своей книги? В этом Франко должен был точно убедиться после этой беседы. Он еще не сказал «нет» (испанцы вообще не любят говорить «нет»). Он сказал: вероятно. Он делал определенные оговорки. Он ставил новые условия. Это могло только улучшить его переговорную позицию. Он просил себе время на размышление. Аннелиз фон Риббентроп правильно отмечает: «Полгода, с июня по декабрь 1940 года, ключ к мировой истории находился в руке Франко». В тот день 7 сентября 1940 года он твердо зажал его между пальцами, чтобы в нужный момент дать защелкнуться замку, который окончательно закрыл Германии доступ к победе, казавшейся в это мгновение почти гарантированной.

Гитлер и коварный иезуит

Доклад, который сделал Гитлеру Канарис об «успехе» (для него это было настоящим успехом) своей миссии в Мадриде, был сформулирован настолько ловко, что Гитлер оставался в неведении о в действительности уже принципиально отрицательной позиции Франко и полагал, что теперь нужно только лишь немного поднажать, чтобы прийти к желанной цели. Он хотел сам взяться за это и полностью положился на свою доказанную (также по отношению к иностранным государственным деятелям и политикам) силу убеждения. Франко послал к нему не отвечающего за эту сферу министра иностранных дел, генерала графа Хордана-и-Соусу (1876-1944), либерального монархиста старой школы с замечательными манерами, но заурядного человека, с которым Гитлеру, весьма вероятно, легко было бы иметь дело (у него была слабость к аристократическим старым господам вроде Гинденбурга и Петэна), а своего молодого свояка Серрано Суньера, который как министр внутренних дел не имел никакого отношения ко всему этому комплексу обсуждаемых вопросов, но имел то преимущество, что он «терпеть не мог немцев» (если можно верить графу Чиано и его дневникам). 17 сентября 1940 и на 8 дней позже еще раз Гитлер принимал «ку-ньядисимо», и при этом столь интенсивно обрабатываемый им Серрано Суньер не продемонстрировал никакого эффекта. В этом не было ничего удивительно-

го. С одной стороны, Франко дал своему свояку указание затягивать переговоры и избегать любой конкретной формулировки, которая хотя бы частично могла бы звучать как согласие, с другой стороны, Серрано Суньер принадлежал к маленькому кругу людей, которые были невосприимчивы к силе воздействия Гитлера, к тем, на кого он просто не производил впечатления (ни положительного, ни отрицательного), которые были, скажем так, настроены на другую длину волны. У Гитлера, со своей стороны, с первого мгновения его знакомства с седым «денди» сложилось о нем самое плохое мнение, и он даже назвал его (по словам Чиано) «упрямым», (по словам Шмидта) «коварным иезуитом». Эта с самого начала присутствовавшая антипатия могла привести к тому, что длинные военно-политические рассуждения Гитлера, пожалуй, действительно оказались не очень убедительными. Он должен был заметить это сам, иначе он не отправил бы впоследствии личное письмо Франко, «убедительную логику» которого Чиано с похвалой отмечает в своих дневниках.

Обратный путь из Берлина проходил для Серрано Суньера через Рим, где он, как мы знаем, как монархист, католик и фашист (и все это только малодушно, без настоящих убеждений) чувствовал себя лучше всего. Он встречался с Муссолини и Чиано, которые узнали от него о встрече с Гитлером немного больше, чем несколько насмешливых замечаний о длинных тирадах и плохом поведении того. Самым важным событием его пребывания в Риме, однако, было то, что здесь к нему тайным путем поступило столь же важное, сколь и конфиденциальное сообщение доктора Йозефа Мюллера. Во время войны (до его отправки в концентрационный лагерь) Мюллер был ключевым членом сопротивления, и именно как таковому ему из-за его хороших связей в Риме часто и охотно поручали деликатные особые поручения как генерал-полковник Бек (1880-1944), так и адмирал Канарис.

Удивительный документ

Содержание этого сообщения должно было, однако, возбудить свояка Франко. Оно полностью противоречило всему тому, что Гитлер только что объяснил ему с таким трудом. Однако оно противоречило и его собственным размышлениям, которые значительно совпадали с мыслями Гитлера (из-за чего те и показались ему столь скучными). Серрано Суньер передал их еще через три года после конца войны в своих мемуарах, что он определенно не сделал бы, если бы они были компрометирующей его ошибкой (авторы мемуаров все поступают одинаково). Серрано Суньер не только считал, что Гитлер этим бабьим летом 1940 года находился в апогее своих успехов, но и что он в этот момент также был так близок к счастливому для Германии концу войны как никогда. Однако Йозеф Мюллер дословно писал ему: «Адмирал Канарис просит вас, чтобы вы сказали

Франко, что он, во что бы то ни стало, должен удержать Испанию от этой игры. Наше положение может показаться вам более сильным. В действительности оно отчаянное, и у нас есть лишь небольшая надежда выиграть эту войну. Франко может быть уверен, что Гитлер никогда не вторгнется в Испанию силой оружия».

Серрано Суньер должен был снова и снова перечитывать эти краткие 54 слова (вам тоже стоит это сделать). Мы обязаны их передачей уже процитированному Яну Колвину, у которого в Англии был доступ к находящимся там копиям сообщений Канариса, с которыми шеф немецкого Абвера во время войны постоянно информировал британское правительство. В письме Мюллера все было перевернуто с ног на голову, только не последнее предложение. И как раз оно должно было иметь решающее значение для окончательного решения Франко против операции «Феликс».

То, что положение Германии тогда вовсе не было «отчаянным», Франко знал. Оно стало таким только тогда, когда Франко отказал своему немецкому другу и помощнику в транзитном марше, и поэтому тот решился на только неопределенно обдумываемый до сих пор план «Барбаросса» (превентивное нападение на Советский Союз). Но пока еще Франко заставляло медлить опасение того, что союзник после отклонения его просьбы мог бы добиться доступа к Гибралтару насильственным путем. Если Мюллер прав, и он мог бы точно подтвердить это от Канариса, тогда последний риск для него также был бы устранен. Он был прав, как показало дальнейшее развитие. Так Франко решился на измену столетия. Весы военной удачи начинали склоняться не в пользу Германии. Франко, крохотная стрелочка на этих весах, сыграл в этом решающую роль. А тем, кто побудил его к этому, был адмирал Вильгельм Канарис.

Он по распоряжению Риббентропа не принимал участие во встрече в Эндае. О ходе этой конференции после ее мрачной предыстории и ее несчастного начала можно рассказать быстро. Переводчик Пауль Шмидт кратко и достаточно точно передал переговоры Франко с Гитлером и Риббентропа с Серрано Суньером (который, очевидно, чтобы еще больше расстроить Гитлера, был за несколько дней до этого, 20 октября 1940 года, назначен министром иностранных дел). Гитлер знал от Канариса и Серрано Суньера, что Франко не хотел связывать себя согласием ни относительно указанного срока нападения, ни относительно масштаба немецкого участия в захвате Гибралтара. Новым было то, что он теперь внезапно заговорил о том, что гордость его страны, мол, не допускает того, чтобы кусок испанской земли был бы отвоеван назад для Испании руками чужих солдат. Гитлеру пришлось воздержаться от замечания, что он заметил мало этой гордости немногим более четырех лет назад, когда Франко в июле 1936 года умолял Гитлера о помощи оружием, чтобы отвоевать обратно не только какой-

то один кусочек испанской земли, а всю страну. Участие же одних только испанских войск в отнятии Гибралтара, продолжал Франко, потребует, естественно, значительно более высоких немецких поставок. Он называл цифры, особенно тяжелой артиллерии, зенитных пушек и снарядов к ним, о чем он, несомненно, знал, что Гитлер не мог обещать их, даже если бы он хотел. К тому же он изобразил положение Испании с продовольствием в совершенно черном цвете, и потребовал поставок зерна, предоставить которое Гитлер не хотел и не мог. Все же, даже если его тактика отговорок и была слишком очевидной, он все еще не произнес окончательное «нет». То, что привело Гитлера в возбуждение, даже ярость, так что он даже однажды прервал беседу с замечанием, что, мол, бессмысленно говорить дальше, было очевидное невежество Франко в военных делах, о котором Гитлеру, конечно, было известно уже из Гражданской войны. Так Франко, все же, на широко задуманную Гитлером и представленную со всем его красноречием концепцию операций, которые должны были последовать после взятия Гибралтара, совершенно серьезно ответил, что при помощи танков ничего нельзя сделать в пустыне. В этом Гитлер теперь уж точно разбирался лучше. И Роммель, и Монтгомери несколько позже доказали это на практике. Особенно вызывающе должно было воздействовать то, что Франко, явно намекая на недавно отмененную операцию «Морской лев», сравнивал пустыню с морем, окружающим остров. Однако самым невыносимым было для Гитлера то, что Франко высказывал все это «в такой несолдатской, медлительно приглушенной манере и с такой мягкой однообразной певучей дикцией», что Гитлер позже говорил своей застольной компании, как записал это Генри Пикер, что «он ожидал генерала и нашел марокканского продавца ковров».

Ни последующие переговоры обоих министров иностранных дел, ни банкет и уж вовсе не два последующих, не предусмотренных первоначально часа диалога Франко и Гитлера не помогли конференции перейти мертвую точку. «Феликс» не появился на свет, хотя Гитлер носился с этой идеей еще до декабря. 07.12.1940 он послал Канариса еще раз к Франко, который на этот раз ответил четким «нет». 11 декабря Кейтель издал тайное распоряжение: «Операция «Феликс» не будет проводиться». 7-я армия, к которой я был тогда прикомандирован как военный корреспондент, двинулась обратно из ее исходного района в Южной Франции. Я прибыл на противоположный конец европейского театра военных действий, в Бреслау. Направление указывало на Балканы, где Муссолини 28 октября напал на Грецию, не спросив и даже вообще не уведомив своего немецкого союзника, и теперь терпел одно поражение за другим. Мы провели рождество без «Куантро», без омаров и без «Мадам Элен». Вместо этого я смог покачать на коленях моего второго сына, который родился за прошедшее время.

16 декабря Гитлер издал свою Директиву номер 21: «Немецкий Вермахт должен быть подготовлен к тому, чтобы даже перед окончанием войны против Англии разгромить Советскую Россию в быстрой кампании (План «Барбаросса»)». Поход, предусмотренный на начало мая 1941 года, был отложен на решающие шесть недель из-за неожиданно ставшего необходимым немецкого вмешательства на Балканах (06.04.1941). Жребий был брошен. Немецкая судьба решена. Мы, немецкие легионеры, воевавшие в Испании, которые, как оказалось, боролись не «Por Dios y España» («За Бога и Испанию»), как написано на памятниках нашим погибшим товарищам между Андалузией и Бискайским заливом, а за тотальный захват власти Франко и вместе с тем за его положение маленького язычка на весах соотношения сил Второй мировой войны, как мы знали теперь, несколько приблизились к ответу на вопрос, который мы так часто задавали себе на аэродромах и огневых позициях зенитной артиллерии «Легиона Кондор», в стрелковом окопе или при быстром продвижении рядом с нашими храбрыми товарищами, в одинокой кабине самолета или в башне танка: «Не сражаемся ли мы на неправильной стороне?»»

Как в Испании вспыхнула Гражданская война

Это был не молочник, который в три часа ночи позвонил в ворота современного дома в одном из самых элегантных жилых кварталов Мадрида. Швейцар спросонья открыл дверь. На улице остановилась машина выездной полицейской команды. Несколько человек в форме и вооруженных гражданских лиц вышли из нее. Их предводитель представился как капитан Фернандо Кондес из Гражданской гвардии. Он потребовал впустить его в квартиру депутата Кортесов монархиста Хосе Кальво Сотело. Это были смутные времена в Испании, а начальство есть начальство. У домоправителя не было повода возражать против его желания. Капитан поднялся по лестнице, за ним его «асальтос», как назывались члены специальных ударных подразделений, которые молодая республика создала в 1931 году для своей защиты. Члены «Guardia de Asalto» (штурмовых частей) отбирались из числа особенно надежных республиканцев и обычно уже тогда на публичных выступлениях приветствовали со сжатым кулаком. Их сопровождал некий индивидуум, не в форме, но сильно вооруженный, по имени Витториано Куэнка, темного происхождения, последующие следы которого теряются в той же неопределенности. Швейцару бросилось в глаза, что он шел странно с широко расставленными ногами, что было связано с венерической болезнью. Коммунистический студент-медик, который лечил его, сидел внизу в машине выездной полицейской команды. До 1933 года Куэнка был телохранителем у кубинского диктатора Херардо Мачадо, пока того с лозунгом «Abajo el imperialismo yanqui!» («Долой империализм янки») не свергли предшественники Кастро. Затем он нашел в образовавшейся несколькими годами ранее испан-

ской республике новую область деятельности как «Pistolero», в качестве которого он и был выделен капитану Кондесу, который в свое время был выделен для особенного применения в распоряжение либеральному премьер-министру Сантьяго Касаресу Кироге (1884-1950). За четыре месяца, которые прошли после победы на выборах Народного фронта в феврале 1936 года, как заявил Хиль-Роблес в Кортесах, произошло 269 политических убийств (наряду с 1287 другими актами насилия, 160 поджогами церквей, покушениями с взрывами бомб и нападениями на оппозиционные газеты и партийные кафе). Кондес, Куэнка и другие оплаченные террористы республики знали свое ремесло.

Семью Кальво Сотело вырвали из самого глубокого сна. 43-летний депутат быстро смог кое-как одеться. Брать с собой пижаму или что-то подобное не нужно, сказал капитан, когда он потребовал от Кальво Сотело проследовать с ним в полицейское управление. Парламентская неприкосновенность для депутатов тогда, 13 июля 1936 года, еще была полностью в силе. Кондес корректно представился своей жертве и предъявил свое удостоверение, как положено, но, естественно, не мог предъявить ордер на арест или какой-то другой подобный документ. Взгляд протестующего депутата на возможно спасительный телефон вызвал у Кондеса только насмешливую улыбку. Телефонная линия была давно разрезана его людьми. «Vamos», сказал он сухо, «пойдемте». Кальво Сотело попрощался со своей отчаявшейся молодой женой: «Я сразу позвоню тебе, как только эта ошибка прояснится», сказал он с подчеркнутой уверенностью и даже попробовал пошутить: «Если эти кабальеро не застрелят меня».

Они застрелили его. Едва они сели в машину выездной полицейской команды – Кальво Сотело на одном из задних сидений между двумя «асальтос» – и с визгом шин проехали пару сотен метров, прозвучали два выстрела. Сидящий за Кальво Сотело Куэнка приставил к его затылку ствол одного из своих пистолетов в затылок и дважды нажал на крючок. Кальво Сотела был сразу же мертв. То, что кричала ему «Пассионария» (Долорес Ибаррури – прим. перев.) почти четыре недели назад в Кортесах: «Это была твоя последняя речь», стало реальностью. Члены социалистическо-коммунистической молодежи, которые пополнили республиканские штурмовые части, вытащили труп из машины, когда они проходили мимо восточного кладбища Мадрида. Они передали его кладбищенскому смотрителю с замечанием, что они, мол, нашли его по дороге и сейчас еще доведут документы. Добрый человек равнодушно принял еще теплый труп. В эти июльские дни 1936 года в этом для него не было ничего необычного.

Оружие для народа

Убийство Кальво Сотело было запланированным и умышленным. Это доказано и так основательно документировано в тщательных и обширных расследованиях, которые национальное правительство провело после окончания Гражданской войны, чтобы выяснить все об этом убийстве как моменте, который спровоцировал эту войну, что даже Хью Томас в своем основательном анализе обширного материала должен был признать, что нет «сомнений» в том, что премьер-министр Касарес Кирога знал о спецоперации той ночи и одобрил ее, если даже не приказал. Это не значит, что он приказал совершить убийство. Он не мог быть заинтересован в результате, к которому привело убийство. Это следует уже из того, что он стойко, прямо-таки свирепо целую неделю противостоял становящимся все более нетерпеливыми требованиям марксистских профсоюзов, полностью попавшей под руководство коммунистов молодежной организации и ее прессы о «вооружении народа», и предпочел уйти в отставку вместо того, чтобы выдачей оружия пролетарским массовым организациям дать зеленый свет для всеобщей бойни, как это действительно произошло, когда президент Асанья вечером 18 июля сменил его руководителем партии Республиканский союз Диего Мартинесом Баррио, масоном 33-го градуса. Ранним утром 19 июля первые грузовики с винтовками, боеприпасами и ручными гранатами из арсеналов армии поехали по улицам Мадрида к профсоюзным кафе. Во второй половине этого горячего в любом отношении летнего воскресенья официально было отказано в проведении привычных корридов в Мадриде. Массы должны были пережить другой кровавый спектакль, нежели привычный. Испанская гражданская война, самая ужасная, которую знала история Европы после большевистской Октябрьской революции 1917 года, началась.

Это факт. Начался процесс, которому суждено было не только принести безграничное горе миллионам людей, но и оказать решающее влияние на последующий ход мировой истории. Это началось. Тот, кто начал эту войну, менее важен, и здесь этот вопрос нам не нужно исследовать. Вина была – как и во всех войнах – не на одной только стороне. Вопрос о виновности почти никогда не ставят и не отвечают на него с целью объективного нахождения правды, а в большинстве случаев в политическом намерении, причем у соответствующего победителя есть более сильные аргументы, а именно власть, чтобы придать этим аргументам значение.

Здесь не нужно снимать вину с Касареса Кироги. Только нужно констатировать, что убийство Кальво Сотело, т.е. выбивание той искры, от которой вспыхнула Гражданская война в Испании, не могло быть его намерением. У позорного кровавого злодеяния была своя предыстория. Некому лейтенанту «асальтос» Хосе Кастильосу, на счету которого был, среди прочего, расстрел выдающегося фа-

лангиста маркиза Эредии, двоюродного брата дона Хосе Антонио, неоднократно угрожали смертью мстители за дону Эредию. 12 июля 1936 года они исполнили свою угрозу. Его застрелили на улице посреди центра Мадрида. Преступники ускользнули. Они запустили роковую эскалацию насилия. «Асальтос» больше всего хотели бы сразу же устроить кровавую расправу над противниками режима.

Умеренные, среди них сам премьер-министр, пытались еще тем же вечером успокоить страсти. Но Касарес все равно не мог игнорировать требования, что нужно было предпринять что-то суровое, наглядное, показать пример. Ему предложили арестовать самых важных лидеров оппозиции, христианского демократа Хиль-Роблеса и монархиста Кальво Сотело, чтобы вместе с уже заключенным в тюрьму в Аликанте под лживым предлогом вождем Фаланги Примо де Ривера, иметь в своих руках залог для политического лояльного отношения их соратников. Это было однозначно незаконно, так как оба политика – в противоположность дону Хосе Антонио, который потерял свое место в Кортесах на последних выборах – были парламентариями и находились под защитой депутатской неприкосновенности. Касарес Кирога, все же, чтобы предотвратить еще худшее, дал свое согласие.

Еще той же самой ночью две спецгруппы «асальтос» выехали из своей казармы Понтехос в Мадриде. Одну из них мы проследили за ее преступлением. Другая, которая должна была найти Хиль-Роблеса, наткнулась на пустое гнездо. Католический политик предпочел на выходных сменить жаркую столицу на теплый бриз Атлантики на французском курорте Биарриц. Он вернулся назад после первых новостей о событиях в Мадриде и произнес в Кортесах речь в память об убитом коллеге, судьба которого была уготована также ему, и от которой он ускользнул только чудом.

Это была его последняя, да и вообще на долгое время последняя речь, которая была произнесена здесь. В будущем говорило уже оружие. Хиль-Роблес бросал самые сильные обвинения в адрес правительства республики. Оно, по его словам, заменило право насилием и сделало демократию фарсом. Он называл его правление режимом «крови, грязи и стыда». Хиль-Роблес не принадлежал к заговору, но он доказывал его оправданность своей мужественной речью. Он огласил новый список актов насилия. С оглашения его последнего перечня в том же месте почти месяц назад в «демократической» Испании произошло десять осквернений церковей и 61 политическое убийство. Он указывал пальцем на обвиняемых: правительство республики. Потом он уехал в Биарриц, а когда разразилась война – дальше в эмиграцию в Португалию. Он никогда больше не принимал участия в политике своей страны.

Хиль-Роблес публично обвинил преступников за письменным столом. Фактических исполнителей убийства Кальво Сотело так никогда и не поймали. Кондес, Куэнка и все члены их команды нырнули в волны революционных масс, которые они сами подстегнули. Чтобы сохранить, по крайней мере, видимость правового государства, были изданы приказы об их аресте. Предводителя безуспешного предприятия (против Хиль-Роблеса), капитана Морено, и некоторых из его «асальтос» даже поймали – и скоро снова отпустили. Он и Кондес затем погибли при обороне Мадрида в горах Гуадаррама. «Пистолеро» Куэнка исчез бесследно.

Кондес, который уже участвовал в кроваво подавленном республикой анархистском восстании 1934 года в Астурии, был приговорен к длительному тюремному заключению, амнистирован, освобожден, и поставлен правительством на службу для особого применения. Вопреки своему званию, похожему на военное, он был на самом деле активным членом социалистическо-коммунистической молодежной организации, которая уже тогда взяла на себя роль авангарда пролетарской революции в республике. Нет доказательств этого, но логика и все признаки позволяют прийти к выводу, что он осуществил убийство Кальво Сотело по поручению коммунистического центра с сознательной целью, чтобы этим опередить военный путч, о котором говорили уже во всех кафе Мадрида. В этот день 12 июля 1936 года, когда премьер-министр Касарес Кирога поддался требованиям своих «асальтос» и выдал им приказ для их чреватой тяжелыми последствиями операции, был брошен жребий, еще до того, как заговорщико-националисты приступили к своим действиям или вообще установили дату для своего путча.

Cafe... cafe

В тот день 12 июля 1936 года заканчивались летние маневры в Испанском Марокко. С тех пор как этот крохотный северный кончик Марокко (с площадью в 20 000 квадратных километров едва ли больше, чем немецкая федеральная земля Рейнланд-Пфальц) был в 1860 году после победоносной войны объявлен испанским протекторатом, Испания всегда с особенной любовью и привязанностью относилась к этому маленькому пятнышку скалистой, бесплодной, пусть даже и богатой минералами африканской земли. У этой привязанности были не только исторические и военно-политические причины. Это последнее воспоминание о прежнем имперском величии с контролем как минимум одного берега Гибралтарского пролива было чем-то вроде возмещения за то, что контролирующая морской пролив скала была испанцами потеряна и перешла к Англии. Но эта земля была ценна для Испании также потому, что здесь пролилось так много испанской крови. В первых десятилетиях двадцатого столетия поколения ис-

панских солдат должны были здесь зарекомендовать себя. Элита армии обучалась в Марокко. Не было случайностью, что в критические мгновения как, например, во время восстания в Астурии в 1934 году, также республика хваталась за африканские части армии – «регулярные» и Иностраннный легион. Они славились особенной твердостью и умениями. В 1936 году они стояли на национальной стороне, они были острием копья национального восстания.

Военные маневры в Марокко завершились 12 июля 1936 года с торжеством и расточительством, которые соответствовали этому самому значительному событию в годовом цикле этого самого важного учреждения протектората. После большого парада офицерский корпус собрался на традиционный банкет. Во главе стола сидели командующий Африканской армии генерал Агустин Гомес Морато, командир восточной зоны Марроко генерал Кинтеро Ромералес, и верховный комиссар Артуро Альварес Буилья. Процессы в метрополии отчетливо ощущались также в этом отдаленном углу. Царило наэлектризованное напряжение как незадолго до начала грозы, сгущающиеся тучи которой уже можно было увидеть вдали. Господа во главе стола были верными слугами республики, из которых никто не стал бы участвовать в национальном заговоре, даже если бы их призвали к этому. Наиболее непопулярным, даже ненавистным для более молодых офицеров был генерал Гомес, так как он слишком рьяно выполнял полученное от президента Асаньи указание заменить на важных командных постах «ненадежных» офицеров на людей, абсолютно верных республике. Его сосед по столу, генерал Ромералес, принимался всерьез меньше. Он считался самым толстым и самым наивным среди всех двухсот генералов испанской армии. Мишенью насмешек на нижнем конце стола был также верховный комиссар Альварес, господин неустановленного возраста, который в своей туго сидящей форме капитана выглядел достаточно гротескно. Он ради этого торжественного повода вытащил свой мундир из шкафа, где тот висел с тех пор, как Альварес больше двадцати лет назад в своей военной карьере так и не смог получить майорское звание.

Дальше за столом сидел полковник Хуан де Ягуэ Бланко (1891-1952), элегантный командир Иностранного легиона и связной между заговорщиками и Фалангой, мировоззрение которой он разделял. Ему суждено было начать национальное восстание из Марокко, сыграть решающую роль в битвах Гражданской войны, стать министром авиации национального правительства и, наконец, получив звание генерала, вернуться в Марокко на должности верховного комиссара. Чем дальше сидели офицеры от главы стола, тем более оживленным было их настроение. Почти все эти загорелые, мускулистые военные были членами заговора. Они даже едва ли делали из этого тайну между собой. Их паролем было слово CAFE. Это были начальные буквы призыва: «Camaradas! Arriba Falange Española!» («Товарищи, да здравствует испанская Фаланга!»). Сначала они

только нашептывали это слово. Но чем выше поднималось настроение, и чем чаще ординарцы наполняли бокалы между различными блюдами, тем чаще звучало: «Safe, safe, safe». Верховный комиссар Альварес удивлялся: Чего, собственно, хотели эти молодые люди? Кофе, кофе? Однако они даже не дошли до десерта. Ему уже скоро пришлось заметить, чего они хотели. Вечером этого памятного для Африканской армии дня генералы Гомес и Ромералес послали такую же памятную телеграмму в военное министерство в Мадриде: «В Африканской армии все в порядке».

Быстрый дракон Франко

В тот же день 12 июля 1936 таинственный самолет приземлился в Лиссабоне. У него было французское название «Dragon Rapide» («Быстрый дракон»), он прилетел из Англии и был зафрахтован испанским журналистом Луисом Болином, лондонским корреспондентом монархической ежедневной газеты «АВС». Пилот, англичанин Бебб, опубликовал несколько месяцев спустя в «Ньюс Кроникл» (Лондон, 07.11.1936) рассказ об этом своем авантюрном полете. Кроме Болина, его сопровождали при этом отставной английский майор Хью Поллард и его две белокурых и очень привлекательных дочери. Самолет был предназначен для того, чтобы доставить генерала Франко с Канарских островов в Северную Африку, откуда он должен был начать национальное восстание.

Это поручение дал знакомый Франко полковник ВВС Альфредо Кинделан через владельца газеты «АВС» маркиза Торкато Луку де Тена-и-Альварес Осорио. В Англии католический издатель Дуглас Джеррольд был подключен как посредник. И он, в свою очередь, присоединил таинственного майора Полларда и его симпатичных дочерей к экспедиции, когда та стартовала с Кройдона. Для маскировки, как он утверждал. Но он должен был признать, что у этого майора был некоторый «революционный опыт». И могли ли британское правительство или его разведка действительно ничего не знать об этом таинственном полете? Могло ли быть британскому правительству безразлично, попадет ли Испания – что при тогдашнем состоянии вещей должно было учитываться, по меньшей мере, как возможность – под коммунистическое управление, т.е. под господство Кремля? Такая Испания едва ли согласилась бы с продолжением английской оккупации Гибралтара. Скала не должна была попасть ни под немецкий – как мы видели – ни под русский контроль. Не был ли Франко тем человеком, который мог спасти Гибралтар для Англии? Он сделал это – в глубочайшем сотрудничестве с английским «супершпионом» Канарисом – как сегодня известно. Но не был ли он, вероятно, еще с самого начала выбран для этого?

В Лиссабоне Болин обсудил ситуацию с революционным вождем генералом Санхурхо. Мы не знаем результат этих бесед, но мы знаем, как невысоко ценил Санхурхо «маленького Франко», «Франкито», как он называл его, который не был тогда включен в его планы (и уж точно не на ведущих позициях). Что делал между тем теперь взятый ради маскировки майор Поллард? Также об этом ничего не известно. Твердо установлено только то, что Санхурхо погиб спустя всего восемь дней и поэтому также больше не мог помешать «маленькому Франко» при выполнении им своего задания спасти отечество (или Гибралтар для Англии?).

17 июля 1936 года, в семнадцать часов

Когда «Быстрый дракон» 15 июля продолжил полет в направлении Лас-Пальмаса, генерал Мола в Памплоне уже установил дату и время для восстания: пятница, 17 июля, 17.00. В этот момент оно должно было начаться в Марокко, но человек, который якобы должен был руководить им из Тетуана, Франсиско Франко, сидел совершенно спокойно на Тенерифе. При этом предназначенный для него самолет стоял готовый к старту на расстоянии менее пятидесяти километров от него, в Лас-Пальмаса. Там пилоту Беббу приходилось с трудом объяснять местным испанским властям, что он, собственно, там делал, и он должен был ожидать, что его либо заставят улететь дальше или же вообще конфискуют самолет.

Между тем, непосредственная близость предстоящего путча больше не была тайной. 16 июля произошли массовые аресты фалангистов в Барселоне. В Кадисе местный руководитель путча генерал Варела был задержан и арестован. Молу вызвали к командиру шестой дивизии в Бургосе, республиканскому генералу Доминго Батету Местре. Он не ожидал ничего хорошего и попросил сопроводить себя несколькими офицерами, которые в карманах своих брюк несли готовые к использованию ручные гранаты. Однако Батет хотел только дать ему «товарищеский» совет. Он якобы узнал, что некая группа отправилась сюда, чтобы убить его, Молу. Лучше всего было бы, если бы Мола незаметно исчез. Когда Мола заверил его, что он определенно останется на своем посту и уж точно сумеет защитить себя и свою жизнь, Батет потребовал от него поклясться, что он не участвует в путче. Он получил классический ответ: «Я даю вам мое слово, что я не пущусь ни на какую авантюру». Он сдержал свое слово. Так как для него национальное восстание не было авантюрой. Оно стало авантюрой только тогда, когда вместо него «генералиссимус» взял его узды в свои руки. Тот пока не торопился с этим.

Тут произошло нечто очень странное, что снова подозрительно пахло заранее продуманной работой опытной и очень искусной секретной службы. Военный губернатор Лас-Пальмаса, где «Быстрый дракон» день ото дня все более нетерпеливо ждал Франко, погиб из-за «несчастливого случая» на стрельбище. Такая смерть генерала была и – до сегодняшнего дня является – чем-то абсолютно уникальным. Для Франко это было поводом сразу же позвонить в военное министерство в Мадриде – за двадцать четыре часа до восстания – и попросить помощника государственного секретаря выдать ему разрешение покинуть свое месторасположение в Тенерифе, чтобы принять участие в похоронах погибшего товарища в Лас-Пальмаса. Он получил разрешение. Франко взял с собой в Лас-Пальмас свою жену и дочь и все, в чем еще срочно нуждался генерал-путчист.

В первый утренний час 17 июля они на регулярном пассажирском катере покинули Тенерифе. Но Франко все еще не торопился. В полном спокойствии он присутствовал на похоронных церемониях. И в то время как точно так же отправленный на Канарские острова во что-то вроде ссылки генерал Луис Оргаси-Йольди (1881-1946) принимал командование вместо только что похороненного (естественно, не будучи при этом назначенным на эту должность Мадридом) и вместе с тем брал в свои руки весь архипелаг без сопротивления или тем более кровопролития, Франко писал «революционный манифест», полный патристических слов, с которым он лично брал на себя предназначенную ему часть руководства национального восстания Испанского Марокко. Этот манифест был еще в тот же день зачитан по радио, разумеется, только через радиостанции Канарских островов и протектората, которые уже находились под контролем мятежников.

Затем он, пока его первые товарищи погибали в Марокко в иногда ожесточенных боях, устроился для ночлега в Лас-Пальмаса, чтобы следующим утром подняться на «Быстрый дракон», который еще в тот же день 18 июля смог бы удобным беспосадочным перелетом доставить его в Тетуан. Там между тем уже пролилось много крови. Особенно аэродром Тетуана, Сан-Рамиэль, упорно защищался верными республике силами. Во главе их стоял майор Лапуэнте-и-Баамонде, двоюродный брат Франко. Только когда он сдался (и был застрелен), Франко, который намеренно так долго задерживал свою поездку промежуточными посадками в Агадире и Касабланке, продолжил полет на «Быстром драконе». Наконец, 19 июля он прибыл в Тетуан.

Непредвиденное начало

К этой дате город вместе с аэродромом, так же, как и весь протекторат, твердо находился в руках национальных мятежников. Восстание началось непредвиденно и преждевременно в Мелилье на восточном краю протектората. Здесь правил толстый генерал Ромералес, который еще предыдущим вечером – как после памятного «банкета CAFE» – отправил одно из своих успокоительных сообщений в Мадрид. Во время обхода города он по обыкновению побывал также в «Casa del Pueblo» («Народный дом»), чтобы там, по-простому, каким он был, обменяться парой товарищеских слов с марксистскими функционерами. Он заметил определенную нервозность. Там обсуждались процессы в метрополии – в Мадриде во время похорон Кальво Сотело дошло до столкновений, в которых погибли четыре человека – и проклинали фашистских нарушителей порядка. «No pasaran» («Они не пройдут»), кричали приветливому генералу. Он был того же мнения, похлопал одного из озабоченных функционеров по плечу и сказал: «Я вижу, что массы бдят». Когда он отправил свою радиogramму в Мадрид, он лег в кровать и спал так же спокойно, как Франко в Лас-Пальмесе.

О том, что у него началось восстание, Ромералес узнал на следующий день, в пятницу 17 июля 1936 года – из Мадрида. Эту тревожную весть ему сообщил никто иной, как сам премьер-министр Касарес Кирога. Того об этом предупредили через партию «Union Republicana», местный функционер которой, со своей стороны, получил надежную информацию о непосредственной близости бунта в Мелилье от предателя среди гражданских соучастников офицеров-заговорщиков. Информация была правдива. В эту первую половину дня мятежники под руководством полковников Сеги Альмусары и Гасапо Вальдеса собрались в картографическом отделе штаба, чтобы, как при любой военной операции, получить подробные приказы и пароли, прояснить сомнительные вопросы и сверить часы. Затем участвующим частям должно было быть выдано оружие и боевые патроны. Также гражданские конспираторы были уведомлены и проинструктированы о самом необходимом. Один из них проболтался.

Ромералес получил от Касареса Кироги приказ задушить бунт в зародыше и арестовать подстрекателей. Он поручил это одному лейтенанту, отряд которого был усилен имеющейся в распоряжении в городе полицией. Они окружили здание, в котором заговорщики после обеда собрались снова. Бедняге маленькому лейтенанту, вероятно, было не позавидовать, когда он теперь подошел к полковнику Гасапо. «Ну, лейтенант, что вам угодно?», спросил тот его любезно и спокойно выслушал отданный Ромералесом приказ, выполнить который должен был лейтенант. Полковник вел себя почти по-товарищески: «Давайте мы сначала позвоним генералу». Сказано, сделано. Ромералес хоть и увивал, однако, принципиально настаивал на своем приказе. Затем полковник позвонил в бли-

жайшее подразделение Иностранного легиона и получил оттуда обещание сразу же прийти ему на помощь. Что другого оставалось бедному лейтенанту, кроме как удалиться со своими несколькими солдатами и полицейскими, не сделав дело? Иностраный легион был известен тем, что обычно расправлялся без церемоний.

Пока Ромералес в своем служебном кабинете, который он больше не покидал после тревожного звонка из Мадрида, с нетерпением ждал отправленного лейтенанта и его доклада об исполнении приказа, дверь открылась, и вошел не лейтенант, а полковник Сеги с пистолетом в руке: «Сдавайтесь!» Ромералес не оказывал сопротивления и был выведен прочь. Он не пережил этот день. Вместе с другими офицерами, которые не присоединились к движению, функционерами марксистских партий и профсоюзов и другими, кто, по крайней мере, попытался сопротивляться, он был застрелен, после того как было введено осадное положение, заняты общественные здания, а системы коммуникаций и учреждения снабжения надежно находились в руках восставших. Перестрелки произошли только в «Народном доме» и в нескольких рабочих кварталах. Все это произошло молниеносно. Через несколько часов Мелилья была в руках мятежников.

Из-за счастливого случая в руки повстанцев попал и командующий Африканской армии генерал Гомес. Доля вины в этом лежала на премьер-министре Касаресе Кирогге с его попыткой подавить бунт в Марокко по телефону. Он ожидал в Мадриде доклад генерала Ромералеса об исполнении приказа так же нетерпеливо, как сам Ромералес в Мелилье ожидал доклада своего лейтенанта. Когда сообщение не поступило, он сам стал звонить Ромералесу по телефону. До Ромералеса он, само собой разумеется, не дозвонился. Но также и с Гомесом, который как командующий Африканской армии должен был, собственно, находиться в столице протектората Тетуане, он не мог сначала связаться. Он разыскал его, наконец, в Лараше, городке на крайнем западном конце протектората, причем в казино. Гомес перенес начало своих выходных уже на пятницу, чтобы в казино Лараша предаться одному из своих любимых занятий. Когда он, наконец, ответил на другом конце провода, глава правительства довольно недружелюбно спросил его: «Что происходит в Мелилье, генерал?» «В Мелилье? Ничего. А что такое?». Мы обязаны этим классическим диалогом националистическому историку Мануэлю Аснару. Разъяснение с наивысшей должности могло прозвучать еще более немилостиво, чем первый вопрос.

Касарес Кирогга, во всяком случае, поторопил своего образцового генерала. Тот оставил карты и ставки на игровом столе в Лараше и на первом попавшемся под руку самолете перелетел над поднимающимися до 2400 метров Рифскими горами через протекторат в Мелилью. Когда он, жаждущий действий, покинул само-

лет, один молодой офицер мятежников, который незадолго до этого занял аэродром, встретил его там и арестовал. Вместе с тем путч удался во всем Марокко. Полковник Сеги уведомил об этом соратников по заговору полковников Саенса де Буруагу и Ягуэ в Тетуане и Сеуте соответственно. Ягуэ со своей стороны передал в центр заранее условленный для сообщения об успехе в Марокко пароль: «Sin novedad» («Ничего нового»).

Пожар охватывает Испанию

Серьезные бои, в которых погибли два офицера мятежников, были только в Лараше, после того как генерал Гомес покинул город. Сеута (она так же, как и Мелилья, принадлежит к метрополии и образует испанский анклав в протекторате, хотя марокканский король Хасан II сегодня претендует также на эти оба города) попала в руки иностранным легионерам Ягуэ без боя. Также в столице Тетуане мятежники столкнулись с примечательно небольшим сопротивлением. Только за аэродром, который защищал двоюродный брат Франко Лапуэнте-и-Баамонде, пришлось серьезно сражаться. Остальное произошло по классической манере путча, причем также телефон снова играл решающую роль. Саенс де Бураага, один из трех полковников, которые возглавляли здесь восстание (наряду с Карлосом Асенсио Кабанильясом и Хуаном Бейгбедером Атенсой), позвонил верховному комиссару Альваресу Буилье. При этом он точно вспомнил о парадном банкете прошлого воскресенья, где Альварес в своем капитанском мундире, который шел ему как корове седло, производил настолько смешное впечатление, что стал предметом не прекращающихся шуток более молодых (однако более высоких по званию) офицеров. Так как он обратился к нему не как «Ваше превосходительство» (на что тот имел бы право), и не как «верховный комиссар» (Alto Comisario), а с его военным званием: «Уходите в отставку, капитан!» Это было приказом. Альварес не выполнил его, а сначала позвонил в Мадрид премьер-министру, телефон которого в этот вечер пятницы осаждался из Марокко, как здесь правительственные здания осаждались повстанцами. «Держитесь, держитесь!» таков был ответ Касареса Кирогги, который обещал, что пошлет военно-воздушные силы и военно-морские силы на помощь. Действительно эсминец «Чуррука» уже накануне был предусмотрительно отправлен из Картахены в Альхесирас, чтобы находиться в непосредственной близости от правильно предполагаемого центра восстания в Северной Африке. Он зашел в субботу в Сеуту, которую Ягуэ уже взял. Командир корабля предоставил себя в распоряжение повстанцам и в воскресенье привез 200 «Moros» (марокканских «регулярных» солдат) в Кадис. Это было первое (и пока последнее) подразделение Африканской армии, которое мятежники своими силами смогли перебросить на территорию метрополии, чтобы вмешаться в также и там вспыхнувшую между тем борьбу.

Обещанная Альваресу помощь военно-морского флота прибыла слишком поздно (более поздние обстрелы Сеуты и Мелильи с моря были в военном отношении столь же незначительны и безрезультатны, как и несколько сброшенных с республиканских самолетов бомб). Но его военное честолюбие было разбужено, вероятно, как раз пренебрежительным обращением «капитан». Он собрал немногих верных республике людей вокруг себя и просил их, чтобы они держались до последнего. Обещание, что помощь уже на подходе, мало могло скомпенсировать то впечатление, которое получили присутствующие, когда они смотрели через окна здания верховного комиссара: 5-я «бандера» (отдельная воинская часть со штатным составом 600 человек) Иностранного легиона занимала боевые позиции. В то время как Асенсьо без трудностей овладевал оставшейся частью города и, наконец, также аэродромом, а Бейгбедер вел успешные переговоры с калифом (наместником султана в протекторате, который не обладал настоящей властью, зато оказывал большое моральное влияние на мусульманскую часть населения – примерно 90%), «капитан Альварес» понял бессмысленность дальнейшего сопротивления и передал свой пост Саенсу, как ему было приказано с самого начала.

Утром 18 июля все республиканское сопротивление в Марокко затихло. Касарес Кирога все еще считал, что бунт ограничен исключительно протекторатом, в то время как в действительности он теперь уже по-настоящему начинался в метрополии. Поэтому он также в этот день еще сопротивлялся становившемуся все сильнее давлению ультралевых открыть арсеналы для их массовых организаций, и (тщетно) пытался первым официальным сообщением о событиях в Марокко успокоить общественное мнение. Радио Мадрида заявило, что в Марокко произошел «бессмысленный путч», который будет очень быстро подавлен. «В материковой части Испании», сообщалось дальше, «никто, абсолютно никто не принимал в нем участие». Тем же вечером в 19.20 та же радиостанция говорила уже несколько иначе: бунт подавлен «всюду, также в Севилье». Также это, естественно, не соответствовало истине, так как этим вечером генерал Кейпо де Льяно уже из Севильи произнес первое из своих ставших известными радиообращений, даже если он в этот момент контролировал в Севилье еще немного больше, чем радиостанцию и аэродром.

Следующим утром, наконец, 19 июля, официальное республиканское радио («Radio Union») должно было признать «преступный удар по республике», который, тем не менее, удалось сорвать. Якобы восстала часть испанских войск в Марокко. В самой Испании армия сохранила лояльность к законному правительству. Правительство же, так было обещано, делает все, «чтобы с непреклонной энергией покончить с этим как позорным, так и бессмысленным движением». Сообщение заканчивалось словами: «Правительство республики контролирует

ситуацию и вскоре сообщит общественности о полном восстановлении спокойствия и порядка».

Когда транслировалась эта декларация, национальные заговорщики восстали во всех гарнизонах страны (с разным успехом), они уже контролировали большие сплошные территории (пусть даже еще ни один из самых важных крупных городов), полностью и надежно держали Марокко в своих руках и оттуда собирались освободить всю Испанию от кровавого террора и политической смуты, которые характеризовали конец республики. Касарес Кирога к этому моменту уже ушел в отставку, после того как он еще несколькими часами раньше пригрозил, что прикажет расстрелять каждого, кто выдаст оружие людям, не имеющим на это права. И Франко, который до сих пор не сделал для восстания ничего, кроме пламенного воззвания, ждал с воскресного утра (когда он не забыл посетить мессу) в Тетуане тех вещей, что должны были туда прибыть.

«Трупы торжественно сбросить за борт!»

Спустя три дня, в среду 22 июля, «каудильо» снова можно было увидеть на мессе. Из Тетуана, где ему нечего было делать, кроме как ожидать (скудные) сообщения об успехах товарищей, сражающихся в континентальной части Испании, он переместился в близкую Сеуту, чтобы присутствовать там при погрузке нескольких десятков пехотинцев на рыболовецкое судно, которое должно было доставить их через Гибралтарский пролив в метрополию, как уже попал туда Ягуэ со своими 200 «Moros» (дословно: маврами) на эсминце «Чуррука». Но теперь ни этот эсминец, ни какой-нибудь другой военный корабль больше не находился в распоряжении у националистов. Так как за это время произошла трагедия испанского военно-морского флота. Она началась на борту эсминца «Санчес Баркаистеги», направленного 18 июля вместе с эсминцами «Лепанто» и «Альмиранте Вальдес» из Картахены в Мелилью, чтобы со своими экипажами подавить там бунт. У них был приказ безжалостно обстреливать город.

По пути офицеры услышали воззвание Франко, переданное марокканскими радиостанциями. Они решили со своими кораблями присоединиться к национальному восстанию. Командир «Санчеса Баркаистеги» считал правильным сообщить об этом своем решении в кратком обращении к выстроенному экипажу. Это обращение было встречено с ледяным молчанием. Затем некоторые, а вскоре все набросились на него и других офицеров, схватили их и заперли. Солдатский совет взял на себя командование и поднял красный флаг. Подобное повторилось также на других эсминцах. Арестованные офицеры, если они остались живы, были сданы в портах приписки республиканским властям. На следующий день более энергично действовавшее после отставки Касареса Кироги прави-

тельство направило практически весь флот к Гибралтарскому проливу. Из Эль-Ферроля вышли крейсера «Либертад» и «Сервантес», из Виго единственный оставшийся на ходу линкор «Хайме Примеро». Командование в Мадриде не было абсолютно уверенным в лояльности командиров кораблей и их офицеров. Поэтому оно обратилось непосредственно к экипажам с призывами «к революционной бдительности». Это, очевидно, было понято неверно, так как на всех находящихся в открытом море кораблях взбунтовались матросы. Они всюду смогли одолеть своих командиров. На линкоре «Хайме Примеро» они должны были бороться ожесточенно, пока никто из офицеров больше не остался в живых. Тогда солдатский совет сделал запрос в Мадрид, что делать с трупами. Ответ прибыл немедленно: «Торжественно сбросить за борт». Национальный военный историк Лохенди считает, что 98% служивших в это время испанских военно-морских офицеров умерли так. Доставленные матросами на сушу пленники были все расстреляны. Это были печальные вести для Франко, который теперь не видел никакой возможности перебросить его победоносную и стремящуюся к борьбе африканскую армию на континентальную часть Испании, чтобы нанести там решающий удар по республике. Вечером 19 июля канонерская лодка «Дато» еще доставила последнее маленькое подразделение «Mogos» в Кадис. Затем все закончилось. Из собственных самолетов для возможной переброски по воздуху в распоряжении националистов находились только три старых дряхлых «Бреге», грузоподъемность которых и летные качества при сильной обороне с земли и моря были совершенно недостаточны. То же самое касалось и трех «Фоккеров» авиакомпании «British Airway Ltd.», которые совсем просто были захвачены для этой цели. Гибралтарский пролив был непреодолим для мятежников.

Помощь из-за границы?

Если сама эта ситуация уже достаточно удручала, то другие заботы тоже ухудшали настроение маленького генерала. Естественно, он в своей нужде подумал о получении помощи за границей. Во Франции, судя по первым поступившим оттуда реакциям на путч, было мало шансов на получение помощи. В Италии или Германии? Все же, полковник Бейгбедер, с которым он обсуждал это дело, как бывший военный атташе в Берлине обладал там самыми лучшими связями. Полковник сделал кислое лицо. «Он точно знал Германию», пишет Гаррига, «и не имел никаких симпатий к национал-социализму». Тогда Италия? Это стоило попробовать. У Франко с его «Быстрым драконом», который стоял полностью заправленный на аэродроме Тетуана, еще была с внешним миром быстрая и уверенная связь, которая на море была совершенно перекрыта красным военно-морским флотом. Нужно ли было приказать направить «Быстрого дракона» в Италию? Вместе с тем лишили бы себя, однако, этой самой последней прямой

связи с внешним миром. Это было тем более рискованно, так как телефонная связь с Испанией была уже отрезана. И если бы здесь в Марокко что-то сорвалось? Тогда нужно было бы погибнуть в борьбе. Франко не знал страха.

Он в своей длинной солдатской жизни, как раз здесь на марокканской земле, достаточно часто сталкивался с похожими ситуациями. Будь что будет! Он по хорошей солдатской манере сразу же выполнял однажды принятое решение. Был понедельник, 20 июля 1936 года. Болин, заведующий отделом печати, и английский пилот Бебб были подняты по тревоге. Они получили приказ немедленно взлетать. Первой остановкой должен был стать Биарриц, где находился гражданский шеф Болина, газетный издатель Лука де Тена («АВС»). Вместе с ним следовало немедленно продолжить полет в Рим. Муссолини должен был помочь. «С двенадцатью транспортными самолетами мы выиграли войну за несколько дней». Это представление Франко, которое было передано ему Болином, министр иностранных дел Италии граф Чиано сообщил Гитлеру, когда встречался в сентябре 1940 с ним на Бреннере. Когда «Быстрый дракон» взлетел и в тумане перелетел через Гибралтарский пролив, он взял с собой все надежды пока неудавшегося освободителя.

С тех пор в нервном ожидании прошли два дня, а от Болина все еще не было никаких вестей. Где он вообще находился? Франко предоставил окончательный пункт назначения – Рим, Берлин или Лондон – выбору Болина в зависимости от расположения обстоятельств. Он не предвидел, что все пошло не так быстро, и что Болин вообще только 22 июля продолжил полет из Биаррица в Рим. Там его ожидала полная неудача. К Муссолини его и Луку де Тену вообще не допустили. Они могли посчитать удачей, что Чиано принял их вежливо, но холодно. Да и кем они все же были, и кем был этот Франко? Они даже не могли предъявить порядочную верительную грамоту. Все, что они держали в руке, было написанным и подписанным Франко листком со словами:

«Я уполномочиваю господина Антонио Болина провести в Англии, Германии и Италии переговоры относительно безотлагательной закупки самолетов и материала для немарксистской испанской армии.

Главнокомандующий

Подписано: Франсиско Франко»

Чиано попросил их рассказать о ситуации – естественно, представленной испанцами в оптимистичном виде. Он задал несколько заинтересованных дополнительных вопросов.

То, что Франко был руководителем национального восстания, Чиано воспринял с заметным удивлением. Он лишь знал, что до его только что произошедшей смерти в авиакатастрофе руководителем был Санхурхо. Мола, напротив, был ему хорошо известен. Естественно, он ничего не сказал о том, что делегация испанских монархистов, которая уже в марте 1934 года получила от Муссолини деньги и согласие на большие поставки оружия «в случае реальной опасности», в ближайшие дни по поручению Мола должна была прибыть в Рим, и что предоставляемая им помощь оружием со стороны итальянцев была уже почти превосходной. Но он не связывал себя – так же естественно – никакими обязательствами по отношению к делегатам Франко. Все так и осталось на уровне взаимных выражений симпатии без каких-либо обязательств.

Франко, вероятно, уже 22 июля почувствовал неудачу, так как он обсуждал с Бейгбедером следующую попытку как-нибудь получить дюжину транспортных самолетов, от которых в этот момент зависел успех или провал национального восстания. Вопреки своей антипатии Бейгбедер дал себя уговорить воспользоваться своими немецкими связями. Он знал немецкого военного атташе в Париже, генерала Кюленталья, он даже знал, что генерал был – как и он сам – противником национал-социализма. Чего он не знал, так это того, что этот Кюленталь работал на Канариса, и что немецкий шеф Абвера как заклятый враг Гитлер в этот момент еще был против любой поддержки мятежников Германией, так как их победа, т.е. победа национальной и союзной Рейху Испании неслыханно укрепила бы положение немецкого диктатора в европейском соотношении сил. В полной неосведомленности об этой ситуации 22 июля по поручению Франко и с подписью Бейгбедера была составлена «безотлагательная просьба» о поставке десяти транспортных самолетов с самой большой грузоподъемностью. Машины должны были быть доставлены немецкими пилотами в Марокко. Оплата была обещана.

Если Кюленталь вообще принял всерьез такое фантастическое наглое требование, то при его позиции и позиции его шефа на Бендлерштрассе можно легко представить себе, каким был его комментарий при пересылке этой просьбы дальше в Берлин. Поэтому неудивительно, что ответственный человек в министерстве иностранных дел Ганс Генрих Дикхоф (1884-1952), позднее посол в Вашингтоне, а с 1943 в Мадриде, передал пересланную в служебном порядке Кюленталем просьбу о помощи в ответственное министерство Рейхсвера с лаконичной пометкой «Не может быть и речи». Франко также не мог знать об этом ходе событий 22 июля, а мог только предчувствовать. Все надежды, которые были у него при составлении воззвания в Лас-Пальмесе, при посадке на борт «Быстрого дракона», даже еще при его прибытии в Тетуан, все его мечты о славе и величине, растаяли. Все же, он до сих пор все делал так умно и тщательно

продумано. Он избегал риска по возможности и хватался за каждый шанс, который представлялся ему. Неужели все это теперь должно быть потеряно?

Небо должно помочь

Франко почувствовал потребность помолиться. Если земные силы отказывали ему в помощи, то он должен был искать эту помощь у небесных сил. Когда он на обратном пути в Тетуан проходил мимо маленькой часовни на Монте-Ачо около Сеуты, колокол звонким и дребезжащим звуком позвал на мессу. Он вошел в тихую церковь. Он уже чувствовал прохладу, которая, благотворно действуя, охватила его внутри здания после уже утром тягостно воспринимавшейся удушливой жары этого североафриканского летнего дня. Он опустил пальцы в святую воду, перекрестился и сделал книксен (намекающий на опускание на колени). Там ему уже стало легко на сердце. И когда он покинул часовню после мессы, он снова высоко нес голову. И эта голова также снова могла думать ясно.

Он освежил в памяти встречи, назначенные на вторую половину этого дня. Там был предусмотрен визит какого-то немецкого коммерсанта, который был представлен ему накануне. Как же его звали? Ах, эти чертовы немецкие имена, кто только может их запомнить! Какая разница, это был немец. И только немцы могли все еще помочь. Этот немец произвел на Франко хорошее впечатление. Тоже не намного выше, чем он сам, смуглый, выглядевший почти как испанец, и совсем не как один из этих белокурых богатырей, которых он терпеть не мог. Посмотрим, какой может быть с него толк. В хорошем настроении Франко вернулся в Тетуан.

Немца этого звали Йоханнес Эберхарт Франц Бернхардт. Так он был зарегистрирован, во всяком случае, в католической церковной книге восточно-пруссского городка Остероде, где он родился 1 января 1897 года в семье местного купца. Я познакомился с ним в Аргентине в пятидесятые годы, где он не только занимался коммерцией, но и был очень активным участником частного научно-культурного кружка, который образовался вокруг тирольского археолога и антрополога профессора доктора Освальда Менгина.

Менгин, величина в своей области, глава кафедры в университете Буэнос-Айреса, автор многочисленных научных работ, за которые он так же, как и за открытие ценных пещерных рисунков в Патагонии, далеко за районом Ла-Платы, получил признание в мире археологии, был чрезвычайно многосторонним человеком. В Австрии он перед Второй мировой войной занимался политикой и сыграл определенную роль. Хотя он был благочестивым католиком и убежденным противником национал-социализма, он в 1938 году как пламенный

немецкий националист предоставил себя в распоряжение так называемому кабинету «Аншлюса» как министр образования, что в 1945 году принесло ему множество проблем и, прежде всего, запрет преподавания. Поэтому он не видел никакой другой возможности продолжать свою научную работу, кроме как эмигрировать в Аргентину. Теперь он был, во всяком случае, основательно исцелен от политики и никогда больше не обжигался на ней. Вместо этого он наряду со своей деятельностью в аудитории все интенсивнее посвящал себя литературной деятельности. В его тирольских историях и нескольких стихотворениях красивой формы содержится такая большая житейская мудрость и серьезный юмор, что им следовало бы пожелать большего распространения, чем они нашли в районе далекой реки Ла-Плата.

Мотором эстетствующего кружка, который образовался вокруг него, был Йоханнес или Хуан Бернхардт, которого в кругу близких знакомых звали просто Дон Хуан. Он также официально испанизировал свое имя, когда Франко после Второй мировой войны, учитывая его заслуги перед Испанией, пожаловал ему гражданство этой страны и на торжественной церемонии вручил ему соответствующий документ. У этого жеста была для Хуана Бернхардта не только сентиментальная, но и очень практическая ценность. Как испанец он избежал – как Менгин в Аргентине – любых преследований и придинок из-за своего политического прошлого и деятельности, все же, он получил в Третьем Рейхе довольно высокое почетное звание в СС и многочисленные награды, что считалось тогда преступлением и могло принести ему как немцу, по меньшей мере, несколько лет тюрьмы. Бернхардт ставил в заслугу Франко то, что он по этому поводу сказал ему примерно следующее: «Вы теперь испанец. И я знаю, что вы честны, когда говорите, что понимаете это как честь и награду. Но я также знаю, что вы, все же, останетесь немцем в вашем сердце». Когда Бернхардт рассказывал мне эту историю во время моего последнего визита к нему (летом 1977), в глазах более чем восьмидесятилетнего старика появились слезы. Я мог понять его. То, что Франко сказал ему, точно соответствовало ощущениям каждого живущего за границей немца, который – по каким бы то ни было причинам – несет чужое гражданство, однако по-прежнему чувствует себя неразрывно связанным со своим народом.

Я рассказываю о личности «немецкого Дона Хуана» несколько более подробно не только потому, что я обязан ему, его рассказам и записям многими подробностями и испытываю к нему особенно глубокое личное почтение и уважение (при всем различии в оценке испанских событий), но и потому, что я считаю его также ключевой фигурой в немецко-испанских отношениях 1936-1945 годов. Один североамериканский журналист – и сколько коллег уже занимались этой яркой личностью! – назвал Бернхардта «The man who made Franco» («человек, который сделал Франко»). Бернхардт всегда энергично отвергал этот титул как

обидный для Франко и для себя самого. По праву, я думаю. Если кто-то и «сделал» Франко, то Канарис. Бернхардт был не «делателем», а хорошим бизнесменом, хорошим солдатом и, прежде всего, хорошим немцем.

В министерстве иностранных дел в Берлине у Бернхардта была плохая репутация. Это не может удивить никого, кто прочтет следующие страницы и узнает, как сильно «маленький член партии из Тетуана» наступал на ноги господам профессиональным дипломатам на Вильгельмштрассе. Они его терпеть не могли. Они очень охотно расправились бы с ним. Они пробовали это снова и снова – но напрасно. В составленных на него досье они пытались представить его кем-то вроде авантюриста с сомнительной деловой практикой и, во всяком случае, того, с кем нужно было держать ухо востро. Ну, жизнь Хуана Бернхардта действительно была авантюрной – в авантурное время и в авантурных обстоятельствах. Но «справки», на которые опирается министерство иностранных дел как основание его мрачной картины Бернхардта (из справочного агентства Бюргеля, Гамбург), Бернхардт обозначал как «заказную, почти во всех пунктах ошибочную работу».

Спорные справки относятся, прежде всего, ко времени, когда ситуация в Германии (и не только там) была хаотичной, к годам между большой инфляцией и мировым экономическим кризисом конца двадцатых годов, жертвой которого пали даже такие уважаемые фирмы как Дармштадский банк. Тогда лопнула его маленькая коммерческая империя, которую в конце войны 21-летний Бернхардт создал в Гамбурге из ничего. Бернхардт не отрицает, что его фирма в конце 1929 года остановила платежи, ликвидировала филиалы в Ревеле и Сан-Пауло, вынуждена была продать два своих океанских судна и семь доходных домов в Гамбурге. Но он оплатил все свои обязательства перед банками и заключил мировое соглашение с прочими кредиторами. Никогда не доходило до показаний должника под присягой об имущественном положении или до других судебных принудительных мер. Он еще раз отделался лишь легким испугом.

Но теперь его тянуло прочь от Германии, политические и экономические перипетии которой он испил до конца. Уйдя из аудитории – он в возрасте семнадцати лет получил аттестат зрелости с отличием в Ратиборе/Верхняя Силезия – Бернхардт как военный доброволец попал в полк полевой артиллерии и с ним на Западный фронт. Награжденный Железным крестом второго класса лейтенант основательно выучил военное ремесло как офицер-ординарец и второй адъютант командира полка. Он оставался на войне также после перемирия 1918 года как член добровольческого корпуса Баренфельд-Гамбург, пока он как брокер не вошел в мир коммерции. Также как независимый бизнесмен он никогда не забывал о солдатском опыте Первой мировой войны. Он сохранял память об

этом в «Национальном союзе немецких офицеров», патриотически-монархическая позиция которого полностью соответствовала его взглядам.

К НСДАП он пришел лишь гораздо позже, когда он свернул свои дела в Германии и снова развернул их в Северной Африке. 1 апреля 1933 года он получил членский билет под номером 1 572 819. Когда Бернхардт познакомился с Франко, земельная группа НСДАП в Испанском Марокко насчитывала всего 31 человека. И он в ней вовсе не принадлежал к числу самых рьяных. При этом он не был вынужден присоединяться к ней, а принял это решение по своему желанию, потому что немногие месяцы правления Гитлера убедили его в том, что Гитлер, его движение и вместе с тем Германия находятся на правильном пути, и потому что именно как немец за границей он считал своим долгом открыто встать на эту сторону.

В Тетуане Бернхардт за эти годы приобрел прочную славу толкового купца, и фирма (H. & O. Wilmer, Sucesores de H. Tönnies), которая первоначально находилась в Лараше, расширилась по всей территории протектората с филиалами во всех больших городах. Так как он и его жена – родившаяся в Аргентине дочь немецкого консула, которая познакомилась с ним при временном пребывании в Гамбурге – были исключительно общительны и гостеприимны, их дом в Тетуане был популярным местом встречи многих испанцев с известностью и положением. И из-за социальной структуры протектората это были в первую очередь военные. В области, в которой практически не было своей промышленности и было лишь скудное сельское хозяйство (только 7% земельной площади обрабатывались), так что она в значительной степени зависела от импорта, и 50% ее бюджета составляли субсидии из метрополии, армия, естественно, играла ключевую роль в экономическом и общественном отношении. Так произошло, что в круг личных знакомых Бернхардта входили многие служащие здесь высокопоставленные офицеры, которым потом довелось сыграть значительную роль в Гражданской войне, в том числе Мола, который до его назначения в Памплону был командующим Африканской армии, будущий верховный комиссар Саенс Буруага, тогда командир «регулярных», Ягуэ, элегантный шеф Иностранного легиона, и многие другие. В этом кругу, который ценил его также как бывшего офицера с его опытом Первой мировой войны, Бернхардт был известен под прозвищем «Тони» и был исключительно популярен. Это было причиной того, что полковник Саенс, командир «Regulares de Tetuan» (регулярных войск Тетуана), при обсуждении обостряющейся ситуации предложил прилетевшему накануне Франко представить ему «Тони», чтобы спросить у того его мнение и часто надежный совет.

Судьбоносная встреча

Так оба мужчины впервые встретились во второй половине дня 21 июля 1936 года в здании верховного комиссара в Тетуане. Все версии о том, что они, мол, были знакомы уже давно, и устраивали заговор друг с другом, которые еще сегодня мелькают в литературе о войне в Испании, являются вымыслом. Бернхардт придерживался действительного для всех живущих за границей немцев правила не вмешиваться в политику страны, где они живут, и уж точно не как заговорщик, пусть даже эта политика, естественно, не могла оставлять его безучастным. Теперь он стоял перед де-факто руководителем этой страны, и тот спрашивал его как дружественного иностранца о его представлениях о ситуации, которую раньше уже объяснили Бернхардту со своей точки зрения – слишком оптимистичной, как он думал. Франко и Бернхардт почувствовали симпатию друг к другу, и хотя эта встреча была короткой, она прошла очень сердечно и положительно. Это следовало уже из того, что новая беседа была твердо назначена на следующий день.

Когда Франко 22 июля вернулся из своей удручающей поездки в Сеуту и последующего посещения церкви, которое снова утешило его, в Тетуан, его ожидала радостная новость: Оргас, с которым он делил ссылку на Канарских островах, сообщил, что ему удалось конфисковать немецкий самолет «Люфтганзы» в Лас-Пальмесе, на котором он тем же вечером вылетел в Тетуан, чтобы прибыть туда ранним утром 23 июля. Теперь это, конечно, было не только благоприятным, а сенсационным сообщением. У Франко, который уже чувствовал себя как мышь в мышеловке, теперь снова был бы самолет и вместе с тем связь с внешним миром. Да еще какой самолет! У «Юнкерса» Ю-52 в то время была в авиации примерно та же всемирная слава, что и позже у «Фольксвагена» в области автомобилестроения. Ю-52 считался самым лучшим, самым эффективным и самым надежным самолетом в мире, и ему довелось много тысяч раз доказать это на только что вспыхнувшей войне.

Этот Ю-52 ему могло послать только небо, которое он лишь несколько часов назад в безнадежном положении умолял о помощи, и он, во всяком случае, изменил ситуацию мятежников в Марокко коренным образом. И он стал поводом, из-за которого в голове Франко возникали новые планы, которые должны были конкретизироваться в последующей одночасовой беседе с Бернхардтом. Эта встреча произошла под вечер 22 июля в здании верховного комиссара Тетуана.

Франко продолжил предыдущую беседу и изобразил ситуацию – снова достаточно оптимистично – причем он набросал наглядный эскиз положения несколькими быстрыми чертами на клочке бумаги. Он особенно коснулся возмож-

ности перебросить африканские войска по воздуху в Южную Испанию. Он реалистично взвешивал расходы и необходимое время, вероятно, даже – по представлению Бернхардта – осторожно преувеличивал. Он, без сомнения, был прав, когда констатировал, что время работало против него, и что поэтому все, что можно было бы, вероятно, предпринять, нужно было делать очень быстро. И затем он высказал свою срочную просьбу. С завтрашнего дня, сказал он, у него будет самолет Ю-52, на котором можно было бы вылететь в Берлин и передать спешную просьбу о помощи. «Готовы ли вы взять на себя эту миссию?» Вопрос был поставлен как угроза и обещание одновременно. Что за непосильное требование! Как мог бы Бернхардт, который был дельным коммерсантом, но в политическом отношении ничего из себя не представлял, неизвестный член партии со слишком большим номером партийного билета и без каких-либо связей в верхах, как он мог справиться с таким щекотливым заданием, которое уже полностью провалили другие? Если бы Франко не скрыл от него, что он предпринял уже две таких попытки – очевидно, с отрицательным результатом – кто знает, не отверг ли бы категорически Бернхардт его предложение сходу, неважно, какие последствия это имело бы лично для него. Теперь, однако, он продумывал сначала самую трудную проблему: как попасть лично к Гитлеру. Он знал бюрократию министерства иностранных дел и знал, что он со своим делом и с просьбой Франко застрянет в Берлине уже в первом сите приемной. Он знал также о противоречиях между министерством иностранных дел и зарубежной организацией НСДАП, которая была для него лишь одной единственной известной и возможной дорогой наверх. Но тогда он еще не знал, что официальный инструмент внешней политики Третьего Рейха вплоть до руководящей верхушки был пропитан оппозиционерами, так что любая обещающая успех внешнеполитическая инициатива была бы торпедирована теми, кто был решительно настроен бороться с Гитлером «также с помощью тяжелого поражения». Вероятно, как раз это незнание и было удачей его и Франко, как очень часто необычное мужество является ничем иным как просто недостаточным сознанием опасности.

То, что оба они тогда намеревались сделать – и чем дальше и конкретнее они говорили друг с другом, тем больше Бернхардт приближался к ответу «да», который он сначала не решился дать на предложение Франко, было не только мужественным, а прямо-таки отчаянным. Для Франко не было другой возможности. У него был самолет и теперь, очевидно, также правильный человек для его плана. При этом, однако, Бернхардт рисковал всем – не только своей жизнью, но и жизнью своей семьи. На другой стороне на него распространялось бы правило: «пойман – повешен». Он, в конце концов, сидел в той же мышеловке, что и Франко. И в том, что именно красные сделали бы с ним, немцем, членом НСДАП, другом Франко, если бы им, как это тогда выглядело, удалось подавить национальный мятеж, у него не могло быть никаких сомнений после всех этих ужасных новостей, которые в те дни проникали сюда из Испании.

Но не такого рода соображения имели, в конечном счете, решающее значение для Бернхардта. Как раз масштаб и трудность задания возбуждали его. Он еще никогда не боялся риска – ни как солдат, ни как коммерсант. Здесь, кажется, ему предоставлялась неповторимая возможность его жизни, на этот раз в области высокой политики, мировой истории. Он не был бы Хуаном Бернхардтом, если бы он позволил этому шансу пройти мимо. И то, о чем он тогда не решался мечтать, стало реальностью: спустя семьдесят два часа он, неизвестный член партии из Тетуана, встретился один на один с фюрером Третьего Рейха.

Но Бернхардт по-прежнему прочно стоял на почве фактов. В конце концов, у дела была также финансовая сторона, что он как бизнесмен очень точно знал. Он поставил основной вопрос: кто должен это оплачивать? Франко указал на значительные золотые запасы Испании. Но они в настоящий момент были недоступны для него в Мадриде. Франко не хотел собирать деньги в Тетуане принудительными методами, так как здесь едва ли были испанцы с капиталом, и он должен был бы опираться в первую очередь на евреев, которых в то время было около 13 000 в сравнении с 44 000 испанцев и 737 000 мусульман во всем протекторате. Тогда Бернхардт спросил совершенно конкретно: сколько денег есть здесь и сейчас в вашем распоряжении? Последовал несколько робкий ответ: двенадцать миллионов песет в «Банко де Эспанья» в Тетуане. Это было в то время примерно четыре миллиона рейхсмарок, просто смешная сумма. Когда Бернхардт вскоре после этого сказал то же самое Гитлеру, тот всплеснул руками от удивления: «Но с такими маленькими деньгами нельзя же начинать войну!»

Бернхардт ответил на это Франко более дипломатично, но не менее реалистично, трезво констатируя, что в этом случае все поставки должны были бы происходить в кредит, а это зависело бы только от доверия, которое испытывали бы в Берлине к заемщику. Франко отвечал политическими аргументами. Он указывал на то, что борьбу Испании против анархии и большевизма нужно выиграть, и что Германия до сих пор победоносно вела такую же борьбу. Он хотел бы указать на это совпадение интересов также в своем собственноручно написанном письме Гитлеру, которое Бернхардт должен был передать.

Теперь нужно было обсудить, собственно, только технические детали. Бернхардт настаивал на том, что руководитель местной группы НСДАП в Тетуане Адольф Лангенхайм и один испанский офицер как доверенное лицо Франко должны были сопровождать его в Германию. На роль последнего был определен инженер ВВС капитан Франсиско Арранс, который якобы однажды был с технической миссией в Германии и при этом познакомился с Герингом, что было неправдой. На поездку Лангенхайма Франко сразу дал согласие, причем Бернхардт должен был сам убедить этого не особенно решительного и рискованного

пожилого господина участвовать в этом предприятии, что, наконец, удалось с помощью умной и честолюбивой госпожи Лангенхайм.

Франко хотел сразу написать письмо Гитлеру, так, чтобы оно уже следующим утром было бы в распоряжении вместе с прилагаемым графическим наброском военной ситуации. Беседа была закончена. Франко попрощался с «abrazo» (объятиями), как это принято в испанском мире среди «amigos» (друзей). Этой ночью в доме Бернхардтов в арабском квартале Тетуана спали мало. Нужно было не только складывать чемоданы. Он должен был оставить свою семью в одиночестве. Дон Хуан должен был приступить к самой большой аванюре своей жизни.

После этого описания начала Гражданской войны в Испании, взятого из моей вышедшей более двадцати лет назад в Тюбингене книги о миссии и судьбе «Легиона Кондор», я хотел бы попросить читателя совершить мысленный прыжок из Северной Африки в Киль, и из 1936 года в 1918, чтобы проследить последующий жизненный путь нашего главного героя до его трагического конца.

7. Свастика на стальном шлеме

Свою деятельность на суше как уже продвинувшийся по службе офицер немецкого военно-морского флота – осенью 1917 года ему присвоили звание капитан-лейтенанта – Канарис начал под знаком свастики. В последней фазе его авантюрного возвращения на родину он увлекся подводным флотом и ходатайствовал о назначении на подводную лодку. Его просьбу удовлетворили. Он должен был принимать участие в различных курсах специальной подготовки, пока он, повышенный за это время в звании до капитана третьего ранга, в начале последней военной весны 1918 года был отправлен как командир подлодки U-128 в боевой поход. Он прошел из Киля через полностью контролируемый британцами Ла-Манш, мимо с 1462 также приведенного под британское господство Гибралтара в Средиземное море и там прибыл в австрийский военный порт Катарро (Котор), где незадолго до того закончилось его уже изобразженное выше бегство.

(Неточность у автора: в 1462 году Гибралтар был отвоеван испанцами у арабов, англичане же захватили его в 1704, и он окончательно отошел к Англии по Утрехтскому договору в 1713 году. – прим. перев.)

Теперь Катарро стал базой для различных операций его подводной лодки против вражеского торгового флота в Средиземном море, пока руководство немецким флотом с началом крушения не было вынуждено приказать своим кораблям

вернуться из Средиземного моря на родину. Одиннадцать лодок немецкой Средиземноморской подводной флотилии, в том числе также и U-128 под командованием Канариса, 8 ноября 1918 года вернулись в свой порт Киль в предписанном порядке с поднятым имперским военным флагом. Гордо реет черно-бело-красное знамя. Но что теперь видит «Кикер»-Канарис с рубки U-128! Он не верит своим глазам: некоторые из стоящих там на якоре крейсеров подняли вместо черно-бело-красного флага империи красный флаг Союза Спартака. Они подражают русским крейсерам «Потемкин» и «Аврора» в Одессе и Петербурге, из которых годом раньше исходила ужасная большевистская революция, как было показано режиссером Эйзенбергом в своем увлекательном – и еще сегодня демонстрируемом фильме.

(Режиссер Эйзенберг это, конечно, Сергей Эйзенштейн, а бунт на «Потемкине» произошел не в 1917, а в 1905 году. – прим. перев.)

Это нужно было предотвратить при любых обстоятельствах, в крайнем случае, грубой силой. 3 ноября, т.е. за пять дней до прихода флотилии подводных лодок с Канарисом в ту же гавань, подстрекаемые Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом матросы в Киле начали свое восстание. 4 ноября они полностью овладели Килем, 5 ноября также Любеком, а 6 – Гамбургом. 8 ноября немецкая комиссия по перемирию во главе с Эрцбергером прибыла в Компьенский лес. 9 ноября 1918 года Шейдеман в Рейхстаге в Берлине провозгласил республику, и 10 ноября 1918 император Вильгельм II убежал в эмиграцию в Голландию. Но несущий его имя успешный капитан подводной лодки, авантюрист, шпион и пылкий патриот Вильгельм Канарис решает положить конец красному безумию в Германии.

Капитан третьего ранга Вильгельм Канарис, который верно исполнял своей долг перед отечеством еще как немецкий шпион в Испании и в рубке своей подводной лодки, в этот момент принимает решение использовать все свои силы для борьбы с большевизмом. Образцом для себя при этом Канарис выбрал своего товарища по оружию Германа Эрхардта, капитана императорского военноморского флота, сына лютеранского священника в немецкой части Швейцарии. Его маленький, но боеспособный отряд, «Бригада Эрхардта», пел короткую, но убедительную песню:

*«Свастика на стальном шлеме, черно-бело-красный бант:
Бригадой Эрхардта зовут нас».*

Все матросы, из которых сначала исключительно состояла Бригада Эрхардта, носили стальной шлем, и еще бант из черно-бело-красной ленты, цвета менее чем полвека назад основанной Бисмарком Второй Германской империи. И они

рисовали на своих машинах, оружии и техническом имуществе свастику как символ индогерманского, или также называемого арийским – т.е. не только немецкого – человечества... Под этим знаком они побеждали всюду, где они сражались. Свастика была объединяющим символом почти всех возникающих тогда добровольческих корпусов, «фрайкоров», один из которых был основан и руководился моим крестным, генерал-майором и кавалером ордена «Pour le Mérite» Георгом фон Офеном, который по приказу министра обороны Веймарской республики Густава Носке сыграл важную роль при подавлении в Берлине восстания Союза Спартака, возглавляемого Розой Люксембург. Все эти борцы за свободу, были ли они теперь уже национал-социалистами как Гитлер, Гесс, Геринг и многие другие, или только простыми патриотами, стояли под знаком использованной Эрхардтом как символ свастики – также Вильгельм Канарис, который для защиты своих патриотических идеалов предоставил себя в распоряжение элитному соединению прусской армии, гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии, которой практически командовал начальник штаба дивизии капитан Вальдемар Пабст, почти легендарная личность тогдашнего времени добровольческих корпусов. Конечно, моряк Канарис не принадлежал ни к гвардии, ни к кавалерии, ни, тем более, к стрелкам. Но в этом соединении собиралась элита немецких патриотов, к которой, само собой разумеется, присоединился и Канарис.

Эрхардт вовсе не был национал-социалистом – да и партия тогда еще не существовала (основана 5 января 1919 года) – когда он со своими матросами уже прогнал «спартаковцев» из Бремена, где они хотели провозгласить Советскую республику, как в Мюнхене. Национальное собрание только что (6 февраля 1919) собралось в Веймаре, выбрало честного социал-демократического шорника Фридриха Эберта рейхспрезидентом, тот сделал Шейдемана (тоже социал-демократ) рейхсканцлером, который, со своей стороны, назначил своего однопартийца Носке первым министром обороны Веймарской республики. И тот при вспыхнувших теперь беспорядках и актах насилия всякого рода, которые полностью разрушали побежденную Германию, не видел никакого другого выхода, кроме как позвать на помощь уже прославившегося командира добровольцев капитана Эрхардта, и лично взять на себя покровительство над основанной 1 марта 1919 года Морской бригадой. Она стала становым хребтом движения добровольческих корпусов, которое вообще только и сделало возможным трудные роды Веймарской республики. Во время парада 5000 бойцов бригады в Вюнсдорфе министр обороны Носке сказал (цитируется по книге Доминика Веннера «Наемники без жалования», Париж, 1974): «Вы – мои надежные люди; вы пришли, чтобы помочь мне в мой самый трудный час. Вы восстановили порядок в нашем любимом отечестве. Я никогда не забуду вам это...» Когда бойцы добровольческого корпуса слышали эти слова, Носке уже подписал приказ о роспуске их организации. «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти», так жалуется вер-

ный своему долгу слуга в пьесе Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». То, что происходило почти четыре столетия назад в Генуе, повторилось в 1918-1919 годах в разбитой Германии Первой мировой войны. Последствия были важными. Добровольческие корпуса, корыстно ликвидированные Веймарской республики после того, как те ее спасли, стали той закваской, из которой возник Третий Рейх. Вильгельм Канарис был одним из «наемников без жалования», преданных Веймарской республикой патриотов, которые должны были под командованием капитана Эрхардта со свастиками на стальном шлеме еще раз выступить ради спасения своего отечества.

В этой ожесточенной борьбе, естественно, происходили также беззакония. Во время подавления Советской республики в Мюнхене большевики 30 апреля 1919 года особенно зверски убили семь членов Общества Туле, которые были взяты ими в заложники, среди них была также главный секретарь общества, одна из моих кузин, графиня Хайла фон Весторп. 14 января 1919 года подобная судьба была уготована уже Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, учредителям насильственного Союза Спартака в Берлине. Если Либкнехт, который уже во время войны был за государственную измену приговорен к четырем годам тюрьмы и прямо из тюрьмы попал на баррикады восстания Союза Спартака в Берлине, убежал от приближающихся добровольцев и спрятался у родственников, госпожи Маркусзон на Маннхаймер штрассе, дом 53, в берлинском районе Вильмерсдорф, то «красная Роза», как нежно называли Розу Люксембург ее товарищи, активно действовала в берлинском газетном квартале. Мародерствующие большевики заняли там также здание консервативного издательства «Шерль», и Люксембург сделала из газеты «Берлинер Локаль-Анцайгер», в которой я позже во время Гражданской войны в Испании добился своих первых журналистских успехов, коммунистическую ежедневную газету «Ди Роте Фане» («Красное знамя»), которая пропагандировала всемирный большевизм, до тех пор, пока она не была запрещена в 1933 году и после Второй мировой войны исчезла из истории со всей своей абсурдной идеологией.

15 января 1919 года оба красных насильника были ликвидированы членами гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии, в рядах которой, вне всяких сомнений, действовал Вильгельм Канарис как антикоммунист. Этот факт породил также распространенный в прессе слух, будто бы он лично участвовал в устранении обоих большевиков. Его более поздняя деятельность как заседателя военного суда, который должен был осудить одного из преступников, похоже, еще больше обвиняла Канариса. На самом деле вечером 15 января 1919 года, когда Либкнехт и Люксембург были арестованы и на следующий день согласно уже тогда обычному выражению «застрелены при попытке к бегству», вовсе не был в Берлине. Он уже в ночь с 14 на 15 января 1919 года уехал в южную Германию, чтобы по приказу генерала Хофмана, формального командира гвардей-

ской кавалерийской стрелковой дивизии, организовывать там местную самооборону. Этот приказ он получил лично в берлинском отеле «Эдем», где находился штаб его дивизии, которая отвечала за арест обоих руководителей «спартаковцев», и куда они были доставлены после их ареста. Итак, определенная связь между Канарисом и аферой Люксембург-Либкнехт существовала и соответствующим образом была раздута красной скандальной прессой. Тогда Канарис, без сомнения, действовал под знаком «свастики на стальном шлеме». Однако участником расправы по приговору тайного суда или каким-то другим насильственным преступником он не был.

Несмотря на это, он снова попал в тюрьму, не во враждебном зарубежье, как во время его бегства из Испании, а на своей собственной родине. Когда продлившийся только несколько дней Капповский путч закончился провалом 17 марта 1920 года, также Канарис с другими высокопоставленными офицерами молодого Рейхсвера был временно арестован. Но вскоре он снова был освобожден, так как тогдашнее социалистическое правительство не хотело ссориться с молодым Рейхсвером, которому она была обязана своим, пусть и критически опасным существованием. Свой последний временный арест в Веймарской республике он пережил, когда леворадикальная газета «Ди Фрайхайт» («Свобода») утверждала, будто бы Канарис вместе с другим морским офицером и настоящим руководителем движения добровольческих корпусов, капитаном Вальдемаром Пабстом, помогли бежать лейтенанту Фогелю из гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии, только что осужденному за убийство Либкнехта и Люксембург. Возникший из-за этого скандал в прессе заставил руководство Рейхсвера начать процесс против трех офицеров. Они были арестованы, однако могли проводить свой арест в предоставленных им для этого в распоряжение помещений бывшего императорского дворца в Берлине, где они были размещены с очень большим комфортом. Спустя еще шесть лет, а именно 23 января 1926 года, когда последствия инфляции уже были преодолены, французы ушли из оккупированной Рейнской области, и Гинденбург сменил первого республиканского рейхспрезидента Эберта, один из красных товарищей, депутат Рейхстага Мозес, снова напомнил о деле Канариса в своей речи перед парламентом, как подтвердил французский журналист Андре Бриссо в своей биографии Канариса (Париж, 1970). При этом депутат Объединенной социал-демократической партии Диттман позволил себе ругать бывшего фронтового офицера и борца добровольческого корпуса Канариса как «убийцу, соучастника, лакея императора, сообщника реакции, агента капитализма и др.».

Бриссо совершенно прав, когда он констатирует: «Канарис не относится к национализму недоброжелательно». Это выражено еще очень осторожно. Один из наивысших чиновников Гестапо Третьего Рейха, обергруппенфюрер СС доктор Вернер Бест, которого уже неоднократно процитированный здесь бывший

профессор Еврейского университета в Иерусалиме Роберт Вистрих очень точно характеризует как «оппортунистского интеллектуала», чрезвычайно правильно так сформулировал первоначальную позицию казненного впоследствии начальника военной разведки Третьего Рейха: «Как патриот Канарис был сначала убежден в том, что национал-социалистический режим был лучше предшествующего, и что за ним, во всяком случае, можно было бы следовать». Бриссо дополняет: «Канарис разделял точку зрения Уинстона Черчилля, который считал, что пока нельзя сказать, станет ли Гитлер человеком, который, вероятно, войдет в историю как тот, кто возвратит великой немецкой нации честь и мир духа, и благоразумием, доброжелательностью и силой вернет свою страну на первое место среди народов».

Подобным образом думал также старый и вскоре после этого умерший фельдмаршал фон Гинденбург, когда он вечером 1 июля непосредственно после нейтрализации штурмовых отрядов (СА) и ликвидации их вождя Эрнста Рёма послал своему законному преемнику Адольфу Гитлеру историческую телеграмму, в которой было сказано: «Вы спасли немецкий народ от тяжелой опасности. За это я выражаю вам мою глубоко прочувствованную благодарность и мою искреннюю признательность». В этом духе несколько позже ответственный министр генерал Вернер фон Бломберг и шеф его департамента и личный советник Вальтер фон Райхенау составили текст присяги на верность, которую 2 августа 1934 года принесли все члены немецкого Вермахта – в том числе и Вильгельм Канарис. У этой клятвы был следующий дословный текст:

«Я клянусь перед Богом этой священной клятвой безоговорочно повиноваться вождю Германской империи и народа, Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему Вермахта, и как смелый солдат я готов в любое время отдать свою жизнь для выполнения этой клятвы».

Миллионы делали это и при этом потеряли свою жизнь, как и другие миллионы женщин, детей и стариков, которые не давали такой присяги и, несмотря на это, выполнили свой долг перед отечеством. Канарис поступил как раз наоборот и из-за этого должен был за несколько дней до окончания войны закончить жизнь на виселице – все это под знаком «свастики на стальном шлеме».

8. С баррикад в правительственный квартал

В то время как восстание Союза Спартака в Берлине закончилось 13 января 1919 года ликвидацией двух его вождей гвардейской кавалерийской стрелковой дивизией, Канарис как член этого ведущего в Берлине добровольческого корпуса находился в Баварии, чтобы содействовать там формированию и обучению

баварской местной самообороны (Einwohnerwehr), которая потом в начале мая 1919 года под командованием прослужившего в то время наибольший срок офицера старой прусской армии генерала пехоты Эрнста фон Офена (1859-1945) помогла свергнуть красную Советскую республику в Мюнхене, что при использовании регулярных войск, добровольческих корпусов и местной самообороны было по приказу Носке выполнено за несколько дней. Что все же было в их путанных умах у «спартаковцев» в Берлине, которые послужили началом для мюнхенской большевистской республики? Спартак, именем которого они злоупотребляли как своим лейтмотивом, был настоящим героем классической древности. Хвалебную песнь ему пропел немецкий историк и библиотечарь Марбургского университета Отто Хартвиг (1830-1903) в своей книге «Der Sklavenkrieg des Spartakus» («Война рабов под руководством Спартака», Майнинген, 1894). Спартак был фракийцем, т.е. представителем того индогерманского народа, который в древности владел восточной частью основания Балканского полуострова между Дунаем и Черным морем, но в четвертом веке до новой эры был побежден и поработен римлянами. Одним из этих рабов был Спартак, которого обучали в гладиаторской школе в Капуе, после чего он должен был для развлечения господствовавшего тогда в Риме класса погибнуть на арене в борьбе с другими гладиаторами или дикими животными. Эти бесчеловечные развлечения были очень популярны в Древнем Риме до пятого века нашей эры, когда наши германские предки уже сочинили обе части позже популяризованной Вагнером поэтической «Песни о Нибелунгах», а в Индии почитатели Будды почитали своего бога в художественно ценных картинах и в выбитых в скалах статуях. Спартак в выродившемся Риме хотел положить конец злоупотреблениям своими товарищами-гладиаторами в качестве жертв ради наслаждений правящего класса. Он собрал вокруг себя 70 своих товарищей по несчастью, с которыми он в 73 году до новой эры вырвался из гладиаторской школы, и благодаря другим жаждущим свободы рабам усилил этот элитный отряд до 70 000 человек, с которыми он победил четыре римские армии. Двумя годами позже, тем не менее, он был разбит в битве у Петелии и убит.

Роза Люксембург и Карл Либкнехт избрали этого героя чуждой им арийской расы как идеальный образ для основанного ими Союза Спартака.

Дальнейшая карьера капитана подводной лодки Канариса оставалась пока политически определенной. Уже почти через год после подавления восстания Союза Спартака произошел новый, возможно еще более жалкий путч. Еще сегодня он упоминается в немецких учебниках истории под датой с 13 по 17 марта 1920, как подбадривающий пример того, как марксистские профсоюзы активно и положительно, хотя и силой, вмешались в формирование немецкой истории. Едва ли даже в столь произвольно деформируемой сегодня немецкой истории можно найти нечто, более несоответствующее истине. Конечно, в то время дей-

ствительно была провозглашена и частично осуществлена всеобщая забастовка, ставшая одной из причин гигантской инфляции 1922-1923 годов и, таким образом, одной из движущих сил для возникающего тогда гитлеровского движения. Но одни вынужденные насильственные меры слабо организованных профсоюзов не смогли бы вынудить такого смельчака как капитан Эрхардт к отказу от своего путча. Он и его испытанная в борьбе и надежная бригада были костяком так называемого Капповского путча 1920 года, который провалился не из-за демократического сопротивления немецких профсоюзных движений, а из-за жалкой идеологической и организационной слабости его политического руководства. Военное руководство было в руках тогдашнего командующего Рейхсвера, генерала барона Вальтера фон Лютвица. Министром Рейхсвера все еще был тот самый Носке, который приказал генералу фон Офену и его вспомогательным частям ликвидировать Советскую республику в Мюнхене.

Генерал фон Офен настоятельно советовал своему товарищу-генералу фон Лютвицу не предоставлять себя и свои войска в распоряжение Капповскому путчу. Напрасно. Лютвиц и Капп совсем просто отстранили от власти законное республиканское правительство Шейдемана. Носке убежал в Штутгарт. Но Канарис, который вместе с одним товарищем из военно-морского флота и майором армии был адъютантом Носке в Веймарской республике, оставался в Берлине, где капитан Эрхардт со своими людьми под знаком свастики 13 марта 1920 года торжественным маршем на прекрасной берлинской улице Унтер-ден-Линден начал путч. Руководителем всей операции был некий Вольфганг Капп (1858-1922), который в 1906 году был назначен генеральным директором местного земства в Восточной Пруссии, и на этом посту он должен был предоставлять земельные кредиты видным членам касты крупных землевладельцев к востоку от Эльбы. Канарис уже одним тем, что остался в Берлине, продемонстрировал свою поддержку Каппу и его большей частью аристократической клиентуре. Самому Каппу во время его путча не понадобилось идти на баррикады. Он выбрал свой лучший костюм, надел цилиндр и в этом соответствующем своему социальному статусу облачении отправился в берлинский правительственный квартал.

Но не это было причиной неудачи путча. Когда Шейдеман с его кабинетом и большой свитой вернулся в Берлин, некоторые из путчистов были арестованы и посажены за решетку в полицей-президиуме, но ненадолго. Молодой жене Канариса – он несколько месяцев назад женился на дочери крупного рейнского промышленника Эрике Вагг – всего лишь несколько дней пришлось переживать за своего мужа. Капп убежал в Швецию, два года спустя сдался Имперскому верховному суду и умер 12 июня 1922 года в предварительном заключении. Его самым важным человеком и помощником при подготовке и проведении этой совершенно дилетантской и поэтому абсолютно неудавшейся и вредной для Гер-

мании попытки путча был один из самых таинственных и в то же время самых роковых типов того смутного времени. Этот родившийся в 1879 году в городке Пакш на Дунае в южной Венгрии и предусмотренный для профессии раввина авантюрист и аферист Игнац Требич-Линкольн был рекомендован Каппу полковником Бауэром, тогда адъютантом Людендорфа, и назначен главным консультантом для авантюрного путча.

Знаниям о поистине жалкой карьере этого афериста, которая сегодня, как и уже в Третьем Рейхе, не упоминается ни в одном из традиционных справочных пособий, мы обязаны появившейся в 1969 году в Париже книге Вернера Жерсона «Le Nazisme, societe secrete» («Нацизм, тайное общество»), которую Доминик Веннер цитирует в своем замечательном произведении о немецких добровольческих корпусах Первой мировой войны (Париж). Требич-Линкольн вынужден был уже в молодости бросить изучение талмуда, так как его семья вследствие спекулятивных потерь попала в трудное финансовое положение. Молодой, привлекательный студент уехал и был в Гамбурге принят в члены возникшей только в семнадцатом веке в Англии секты баптистов, среди которых он – благодаря своему неудержимому красноречию – скоро стал успешным проповедником. Как проповедник он уехал во Францию и Канаду. Там он как проповедник перешел в англиканскую церковь, которая, вероятно, могла ему лучше платить. Теперь он кроме веры поменял также гражданство, добавив еще к своему первоначальному, вероятно, чешскому имени (Требич) более изысканную английскую фамилию «Линкольн». Как таковой он присоединился к секте квакеров, которая, однако, удовлетворила его не так, как британское масонство, многочисленные градусы которого он быстро прошел, так что он теперь мог посвятить себя политике. Как таковому ему даже удалось быть избранным в британскую Палату общин как депутат от Дарлингтона (промышленный город в северо-английском графстве Дарем), правда, ненадолго, так как было доказано, что те, кто стояли за ним, устроили фальсификацию результатов выборов, после чего его лишили депутатского мандата.

Он на время исчез, оставив значительные долги, на Балканах, где британская «Интеллидженс Сервис» установила с ним связь. Однако одновременно он с началом Первой мировой войны искал контакт и с немецкой разведкой, так что он был уже тогда кем-то вроде коллеги Канариса. Доказательств, что он был знаком с ним лично, не существует, хотя он, пожалуй, как важный человек на стороне Каппа вполне мог бы иметь такую более тесную связь с будущим шефом немецкого шпионажа в Третьем Рейхе. Британцы положили конец его нечистым делишкам и три года продержали его за решеткой. Когда Требич-Линкольн был отпущен из тюрьмы, он сбежал в возникающую Веймарскую республику, где он благодаря своему ослепительному внешнему виду в лучшем зрелом возрасте и просто подавляющему таланту красноречия приобрел влияние и значе-

ние в кругах вокруг Людендорфа и особенно его второй жены, которая была решительно антиклерикально настроена и склонна к оккультизму. Так он на важной позиции рядом с реакционным путчистом Капом превратил предприятие последнего, злоупотребив при этом движением добровольческих корпусов, в фарс и сделал возможным молодому гитлеровскому движению путь к приходу к власти демократическим способом.

Я так подробно рассмотрел здесь эту ситуацию не только потому, что она, безусловно, повлияла на последующий путь Вильгельма Канариса, но и потому, что я узнал о ней от моего дяди Эрнста фон Офена, который с подчиненными ему войсками и добровольческим корпусом смог разгромить большевистскую Советскую республику в Мюнхене. Министр Рейхсвера Носке сделал этого прослужившего наибольший срок генерала и кавалера ордена «Pour le Mérite» Первой мировой войны после его успеха в баварской столице комендантом города Берлина.

Когда министр обороны Носке получил первую конфиденциальную информацию о военных передвижениях войск в лагере Дёбериц около Берлина вечером 12 марта 1920 года, он вызвал к себе вовсе не капитана Канариса или одного из офицеров из числа своих адъютантов, а генерала фон Офена. Он сообщил ему о самой актуальной ситуации начинавшегося Капповского путча и поручил ему, чтобы он в сопровождении еще двух высокопоставленных офицеров армии лично встретился с командующим Бригады Эрхардта, чтобы убедить того отказаться от своего бессмысленного предприятия.

Когда три офицера Носке добрались до лагеря Дёбериц 12 марта 1920 около 23 часов, штурмовая рота Бригады Эрхардта была уже на марше в Берлин. Сам капитан Эрхардт еще наслаждался в лагере одним часиком сна, чтобы собрать силы для предстоящего взятия столицы империи. Когда генерал фон Офен и его провожатые пришли к нему, он внезапно проснулся из самого глубокого сна и направил – это описание взято из захватывающей книги Веннера о добровольческих корпусах – всегда лежащий рядом с ним наизготове внушающий страх пистолет «Люггер» с автоматическим возгласом «Руки вверх!» на неожиданных гостей. Генерал фон Офен не последовал требованию, а отвечал заспанному капитану спокойным, но твердым голосом, что он действует по поручению их общего начальника, министра Рейхсвера Носке, чтобы начать переговоры с повстанцами.

- Вести переговоры? – ответил Эрхардт. Это не его дело. Он действует, но по приказу своего начальника, генерала фон Лютвица. Он опустил готовый к стрельбе пистолет, но вовсе не выпустил его из руки.

- Неужели вы хотите вызвать, – спросил фон Офен, – гражданскую войну с Рейхсвером?

Эрхардт, теперь полностью проснувшись, начал трезво размышлять и как результат писать возможные условия восставших войск на клочке бумаги. До семи часов утра республиканское правительство должно было обдумать предложенные условия.

Носке пригласил для этого к себе не участвующих в путче генералов, во главе с генералом Гансом фон Зееком, начальником войскового управления, и заявил, что он хотел бы подавить Капповский путч с помощью силы, так же, как Советская республика в Мюнхене была ликвидирована генералом фон Офеном. Тот из присутствующих, кто хотел бы участвовать в этом, должен был поднять руку. Из 18 присутствующих только двое последовали этому приглашению, да и то с колебаниями. Фон Зеек, которого его товарищи по военному сословию называли «сфинксом с моноклем», был единственным, кто произнес ставшие классическими слова: «Рейхсвер не стреляет в Рейхсвер». Тогдашний рейхспрезидент Эберт разделял его мнение. В три часа ночи он собрал охваченное страхом перед путчем правительство в своем бюро и предписал ему бежать в Дрезден. Вместе с тем генеральный директор земства Капп выиграл бы свой путч, если бы только он и его консультант, аферист Требич-Линкольн, знали, что им теперь делать. Эрхардт со своими людьми вошел в Берлин без единого выстрела. На всех официальных зданиях снова был поднят императорский флаг. Скоро, тем не менее, его снова пришлось спустить. 17 марта в Штутгарте рейхсканцлер Густав Бауэр объявил постепенно собравшимся там депутатам лишь временно устраненной Веймарской республики об окончательном провале путча Каппа/Лютвица/Требич-Линкольна.

Этому провалу суждено было иметь тяжелые последствия. Сначала и в первую очередь они проявились на юге Германии с возникновением национал-социалистического движения. Просидевший недолго за решеткой Канарис был прямо из тюрьмы назначен как офицер адмиральского штаба в командование военно-морской базы «Остзее» (Балтийское море), где никто больше не говорил о неловком путче, в котором он участвовал. В 1922 году ему как первому офицеру учебного крейсера «Берлин» даже было поручено военное образование курсантов военно-морского училища. С этого начинается настоящая трагедия Канариса, конец которой на виселице в лагере Флоссенбург уже был описан в первой главе этой книги. Так как среди доверенных ему морских кадетов находился также будущий высокопоставленный офицер СС Гейдрих, который как бывший руководитель внушающего страх Главного управления имперской безопасности (РСХА) 27 мая 1942 был так тяжело ранен в результате организованного британской разведкой покушения в Праге, что умер 4 июня 1942 года. У

его могилы выступили Гитлер, Гиммлер и ставший к тому времени адмиралом Канарис. До самого конца непреодолимое противоречие между Канарисом и жертвой покушения было господствующим элементом в трагической жизни обоих. Это противоречие начало воздействовать в тот момент, когда Канарис стал командиром учебного крейсера «Берлин». В военных документах Райнхарда Гейдриха его датой рождения указано 7 марта 1904 года. Место рождения: Заале, где его отец основал консерваторию для музыки, театра и музыкального образования и сочинял оперы, хоть, конечно, и редко исполняемые. Его сын Райнхард настолько совершенно овладел уже в родном доме искусством игры на скрипке, что считался кем-то вроде вундеркинда. В смуте послевоенных лет он едва ли занимался музицированием. Он уже с юности принадлежал к националистическому союзу «Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund», из которого он, вероятно, уже как пятнадцатилетний школьник попал в один из добровольческих корпусов, которые защищали тогда свое отечество внутри и извне от хищных соседей. В 18 лет, когда внутренняя и внешняя ситуация Веймарской республики начала стабилизироваться, он как кандидат в офицеры военно-морского флота прибыл в Киль. Его обучение на учебном крейсере проходило без осложнений. В это время еще не происходило ничего из тех скандальных процессов, которые девять лет спустя сделали необходимым его позорное изгнание из военно-морского флота. Суд чести, основываясь на неопровержимых доказательствах, принял решение, что дочь одного промышленника из концерна «IG Farben», который был, кроме того, еще и личным другом тогдашнего начальника главного командования военно-морского флота адмирала Эриха Редера, забеременела от Гейдриха. При этом Гейдрих не хотел признавать свое отцовство, так как он был уже обручен с другой, 19-летней белокурой и красивой Линой Матильдой фон Остен, на которой он вскоре после этого женился, не в последнюю очередь потому, что они оба фанатично защищали национал-социалистическое мировоззрение, которое в Германии тогда еще разделяло лишь меньшинство.

Защитник Канариса Абсхаген в своей книге выразительно отрицал, что его герой имел «какое-либо отношение к суду чести». Доказательства этого он не представил. То, что бывший морской кадет был типичный «Ladykiller», как называли в то время таких любителей женщин как Гейдрих, Канарис очень точно знал. Так как он и его жена Эрика Канарис поддерживали – что тогда вовсе не было принято – светское общение с некоторыми из молодых мужчин, которые должны были воспитываться и «муштроваться» капитаном Канарисом на борту учебного крейсера «Берлин» по строгим правилам военно-морского флота. Гейдрих был среди этих фаворитов – в буквальном смысле слова – «выдающимся» явлением. Ростом немного выше 1,90 м, белокурый, голубоглазый, стройный, но крепкий, он достиг высоких результатов в разных видах спорта: увлеченный наездник, превосходный пилот самолета и, прежде всего, перво-

классный и внушающий страх фехтовальщик. К этому добавлялся его необычный музыкальный талант. И так как Эрика Канарис тоже была мастером игры на скрипке – она позже стала владелицей настоящей скрипки Страдивари, которую супружеская пара Канарис, однако, должна была перепродать, чтобы оплачивать свою роскошную виллу на озере Ваннзее – было неизбежно, что морского кадета Гейдриха охотно и часто принимали в доме Канарисов, где он находил восторженный успех на хорошо посещавшихся домашних концертах скрипичного дуэта с хозяйкой дома. Сыграла ли эта музыкальная домашняя дружба на более позднем суде чести какую-то роль и упоминалась ли она вообще, сегодня уже нельзя доказать. Во всяком случае, это могло бы совершенно устроить Канариса, что он больше не встречал этого «друга семьи» в военно-морском флоте. То, что он станет его смертельным врагом – в буквальном смысле слова – он тогда еще не мог предвидеть.

Канариса повысили до капитана второго ранга. Новое звание не соответствовало занимаемой им должности заместителя командира. Его временно отправили в почти полугодовую служебную или учебную командировку в Японию, с которой он снова смог удовлетворить свою прямо-таки патологическую жажду путешествий с одного конца света на другой. Когда он закончил ее в конце 1932 года, его направили как референта в штаб начальника главного командования военно-морского флота в министерстве Рейхсвера, которое в то время возглавляла такая сомнительная личность как генерал фон Бломберг. Это был окончательный конец практики Канариса как активного офицера военно-морского флота. Четыре года он продержался – в какой-то мере «положенный под сукно» – на этой должности. Он наслаждается этим временем, удовлетворяя свою любовь к путешествиям многократными посещениями различных европейских стран, но также и такой заокеанской страны как Аргентина, где он провел шесть недель «отпуска», которые он использует также как повод для воспоминаний о приключениях своего бегства из лагеря для интернированных. Различные повышения по службе и назначения на незначительные должности наполняют его время вплоть до прихода Гитлера к власти 30 января 1933 года. Этот приход к власти вовсе не ужасает ставшего к тому времени капитаном первого ранга (последнее военно-морское звание перед адмиралом) Канариса так, как это хотят представить многие авторы. Француз Бриссо констатирует однозначно и абсолютно правильно: «Канарис не относится к национал-социализму недоброжелательно». Этот историк, получивший докторскую степень в Сорбонне, придерживается взгляда, что Канарис в то время думал о новом режиме в Германии практически так же, как думал об этом уже упомянутый Черчилль.

Я могу только подтвердить из собственного опыта тех дней великого поворота, что эта тогдашняя позиция Черчилля и Канариса была также позицией самой большой части немецкой молодежи в те исторические дни, которые я пережил

лично как новичок в моей журналистской карьере в Берлине – тогдашнем фокусе исторических событий.

Бриссо так резюмирует тогдашнюю позицию будущего шефа Абвера при его вхождении в правительственный квартал Берлина: «Как патриот Канарис был сначала убежден в том, что национал-социалистический режим был лучше предшествующего, и что за ним, во всяком случае, можно было бы следовать». Мы, молодые, в подавляющем большинстве тогда тоже считали так.

9. Наконец-то у цели

«Абвер», как, наконец, был назван страдающий гигантизмом шпионский аппарат Веймарской республики и Третьего Рейха, был одним из тех уродов, который произвели победители Первой мировой войны в 1919 году с навязанным проигравшим подписанием Версальского договора. В вопросах шпионажа немцам разрешалось в случае необходимости только «обороняться» от шпионажа врага, но самим не заниматься шпионажем. Хотя отдел «Абвера» (буквально – «оборона», т.е. контрразведка) в руководстве Вермахта занимался собственно контрразведкой только лишь мимоходом, это навязанное ему в 1919 году имя формально сохранялось за ним, хотя настоящие заслуги его лежали в области шпионажа, т.е. выведывания вражеских тайн. Первую настоящую немецкую разведывательную службу в кайзеровской империи построил прусский полковник Вальтер Николаи (1873-1947), и во время Первой мировой войны он руководил ею исключительно хорошо и с наилучшим успехом. Он обобщил свой приобретенный при этом опыт и его применение в 1920 году в своей книге «Разведывательная служба, пресса и народное настроение во время мировой войны», которая еще сегодня является направляющей также в области пропаганды, как ее практиковал Геббельс с 1933 по 1945.

Настоящая немецкая служба военной разведки, как ее образцово спроектировал Николаи, снова появилась лишь в 1929 году, когда Германия, возглавляемая левоцентристской коалицией рейхсканцлера Мюллера, подписала так называемый Пакт Бриана-Келлога об отказе от войны, и когда с краха нью-йоркской биржи начался тогдашний всемирный экономический кризис, который вскоре сделал НСДАП в Германии самой сильной партией в Рейхстаге. Тогда интриган-генерал Курт фон Шлейхер, который был убит эсесовцами в ходе так называемого путче Рёма 30 июня 1934 года, осуществил возрождение службы военной разведки в духе Николаи. Первым ее начальником был генерал Рейхсвера Фердинанд фон Бредов (у автора ошибочно сказано: «Курт фон Бредов» – прим. перев.) в пользу назначения которого говорило не только его родство с Бисмарком, но и его дружба с генералом Куртом фон Шлейхером, который в 1932 году

был министром Рейхсвера и даже на несколько дней был рейхсканцлером и вместе с тем непосредственным предшественником Гитлера. Фон Бредов возглавлял это учреждение как шеф Абвера лишь несколько лет, пока его покровитель Шлейхер не сделал его шефом департамента в министерстве Рейхсвера. В качестве преемника фон Бредов рекомендовал знакомого ему, даже хорошо известного как радикальный противник национал-социализма «капитана» первого ранга Конрада Патцига. Он, как считает французский биограф Бриссо, не имел ни «большой склонности к разведке», ни необходимых «дипломатических способностей» для своего нового назначения, но эти недостатки, однако, по распространенному тогда представлению компенсировались тем, что он был убежденным врагом приближавшегося к своему приходу к власти в Германии движения Адольфа Гитлера и, в особенности, СС, которые со своей службой безопасности должны были стать серьезным конкурентом государственного «Абвера».

Явно абсолютно неподходящий к своей должности фанатичный противник Гитлера Патциг занял этот свой пост 2 июня 1932 года, т.е. немного больше чем за полгода до законного вступления в должность Гитлера. Непосредственный начальник Патцига, адмирал Эрих Редер, шеф главного командования военно-морского флота (с 1935 года главнокомандующий военно-морского флота), совершенно правильно характеризовал Патцига как абсолютно не соответствующего занимаемой должности. Начальник Абвера Патциг сам чувствовал себя на своем посту не в своей тарелке, и просто слишком сильно уступал своим противникам в СС, прежде всего, Гимmlеру и Гейдриху. Бломберг подтвердил это перед Гитлером и Редером, когда он – с полным основанием – назвал Патцига неприемлемым для НСДАП. Этого было достаточно для его немедленного снятия, которое, правда, совсем не испортило его последующую карьеру офицера военно-морского флота. Он (как сообщил мне в телефонном разговоре в 30.05.1998 в Аргентине капитан Ф. В. Разенак, один из немногих оставшихся в живых офицеров затопленного в начале Второй мировой войны в Рио-де-ла-Плата тяжелого крейсера «Граф Шпее») еще в начале 1935 года стал начальником отдела кадров военно-морского флота, что теперь уже точно означало пустишь козла в огород. Затем он как предшественник капитана Лангсдорффа стал командиром крейсера «Граф Шпее». При выходе в отставку он получил звание адмирала.

Как преемника на своем посту в «Абвере» Патциг рекомендовал Канариса. Он знал почему. Так как Канарис все еще поддерживал хорошие отношения с Гитлером, не делал, однако, перед доверенными противниками национал-социализма, такими как Патциг, тайны из своей не только критической, а чрезвычайно враждебной позиции по отношению к политическому режиму, которому была доверена судьба Германии. Воля Патцига была исполнена, хотя адмирал

Редер, тогдашний шеф главного командования военно-морских сил, и не думал назначать Канариса. Он сурово расценивал его как ненадежного, просто «балканского» и признавался, что Канарис иногда даже казался ему «зловещим». Тем не менее, он отставил свои весьма правильные сомнения, так как он хотел воспрепятствовать тому, чтобы Абвер снова доверили генералу сухопутных войск, как предшественнику Патцига, генералу фон Бредову, который играл определенную роль в так называемом «сопротивлении». Так Канарис 1 января 1935 года занял свой судьбоносный пост шефа немецкого Абвера.

В предшествовавшие этому назначению годы он, если можно верить его многочисленным биографам, собственно, уже довольствовался тем, чтобы уже скоро после действительно авантюрной жизни выйти в удобную отставку. Уже его больше чем двухгодичная деятельность на борту введенного в эксплуатацию еще перед Первой мировой войной линкора «Силезия» – сначала как первый офицер, в конце концов, как капитан второго ранга и командир – была тем, что на военном языке называют «тепленькое местечко», т.е. должностью, на которую назначают только больше непригодных для других дел, бесперспективных, хотя до сих пор и безупречных офицеров. Незадолго до конца 1934 года Канарис утратил свою последнюю командную должность как активный командир корабля немецкого военно-морского флота. Он должен был довольствоваться постом коменданта крепости Свинемюнде, находившегося перед столицей Померании Штеттином на острове Узедом и после войны аннексированного Польшей немецкого порта на Балтике. Он утешался тамошним великолепным широким и свободным от камней пляжем, который представлял собой идеальную территорию для удовлетворения его страсти наездника. Вместе с тем он, кажется, в своей военной карьере окончательно оказался «на пути в тупик», в конце которого его ожидала отставка в звании адмирала и солидная пенсия до конца жизни.

Но человек предполагает, а судьбой Германской империи между тем уже располагает глава парламентской коалиции большинства в Рейхстаге Адольф Гитлер, которому рейхспрезидент фон Гинденбург 30 января поручил формирование правительства. Канарис, в этом единодушно все его биографы, вовсе не относится враждебно к новому правительству – скорее наоборот. Он ожидает от него – как все не национал-социалистические члены правительства – наилучшего для Германии. Сначала у Гитлера в его кабинете от 30 января 1933 года было только два члена национал-социалистической партии: министр внутренних дел Фрик и (сначала как министр без портфеля) Герман Геринг, который получил в свои руки основанную его социал-демократическим предшественником Тайную государственную полицию – внушающее такой страх Гестапо, и одновременно он являлся и главой прусского правительства. Гестапо быстро становится сферой действия СС. Гиммлер и Гейдрих получают такое опасное оружие для реа-

лизации своей тирании в Германии, которая спустя немногим более года, 30 мая 1934, будет воплощена в жестокой (и вовсе не бескровной) ликвидации СА. Когда капитан Патциг обратил внимание своего преемника Канариса на ожидающихся соперников из СС, тот ответил – как упоминает Бриссо – довольно небрежно: «С этими мальчишками я уже справлюсь!» Под «мальчишками» он понимал тогда в первую очередь Гимmlера и Гейдриха. Первого из них он весьма правильно считал – согласно книге Бриссо – «мелкой, ставшей буйной душой чиновника, которому в голову ударила власть». Он «жесток, коварен и одновременно труслив, и не очень умен». Эту жесткую оценку Гимmlер сам подтвердил своим поведением в последние дни войны, когда он своей изменой Гитлеру опозорил выгравированное на его почетных кинжалах слово «Моя честь – верность».

Канарис не справился ни с одним, ни с другим из этих «мальчишек». То, что Гитлер покрывал своего шефа шпионажа почти до последнего года войны и, во всяком случае, скорее не сделал выводы из очевидного поведения Канариса, было бы непонятно, если не учитывать его роковой комплекс верности по отношению к старым товарищам (как Геринг) или к ценным для него для обмена мнениями интеллектуалам (как Канарис). Хайнц Хёне, биография Канариса которого появилась лишь в 1976 году на немецком и спустя три года на английском языке (издательство «Doubleday», Нью-Йорк), когда было опубликовано уже не меньше шести книг на ту же тему, считает недостатком всех этих книг то, что в них ослабевание симпатий Канариса к Гитлеру и, наконец, их полное исчезновение показано гораздо быстрее, чем это было на самом деле. Сначала должен был произойти всемирный скандал с агентом Канариса в Стамбуле Фермереном, который в начале 1944 года (!) перебежал к англичанам, чтобы Гитлер уволил своего друга Канариса. Геббельс в своих дневниках даже мимоходом не коснулся этого случая. Даже Дэвид Ирвинг, кажется, не нашел в обработанных советским КГБ копиях дневника указаний на дело Фермерена, или, если они там и были, он, во всяком случае, не упомянул об этом в своей книге о Геббельсе (Киль, 1992). Куда более общительным в этом отношении был доктор Геббельс во время наших ежедневных бесед последних двух лет войны при тех скудных трапезах, которые мы разделяли. 27 февраля 1944 года я записал в дневниках, которые я тщательно вел, следующие слова министра: «Это вызывает отчаяние. Конечно, мы сами во многом виноваты. Я лучше всего знаю это. Но здесь также очень много невезения. Нам больше не везет после Сталинграда. После Сталинграда также стало постыдным фактом то, что немцы предают свое отечество...» Он здесь имел в виду ставший сенсацией в мировой прессе случай шпиона Канариса в Стамбуле Эриха Фермерена, который – предчувствуя плохое – бесовски перешел на службу к англичанам. Мать этого человека звали Петра Фермерен, и она была одним из самых популярных зарубежных корреспондентов «придворного органа» Геббельса, еженедельной газеты «Дас

Райх», а его сестра, по имени Иза, виртуозно играла на аккордеоне для поднятия боевого духа наших фронтовиков и рабочих оборонной промышленности на родине. Только после этого раздутого в международной прессе скандала Гитлер сделал вывод, который был так необходим еще четырем годами раньше: он, наконец, уволил Канариса, но тот, однако, попал за решетку лишь уже после того, как Штауффенберг в ставке фюрера положил и активировал свою бомбу под стол рядом с Гитлером.

Канарис до последнего мгновения использовал это непонятное доверие Гитлера для своих махинаций, которыми он после победы над Францией занимался с достойной восхищения последовательностью и соответствующими успехами. Хёне с полным правом критикует попытку всех писавших до него биографов Канариса перенести появление отчужденности между Гитлером и немецким «супершпионом» по времени на значительно более ранний срок. Он, мол, почувствовал отвращение уже в момент снятия с должности и казни советского маршала Михаила Тухачевского, что якобы произошло на основании инсценированного СД Гейдриха дезинформации, и эта и подобные махинации его конкурента СС привели к тому, что он прекратил свои тесные отношения с Гитлером и его идеологией. Хёне был первым историком, который убедительно опроверг эту теорию и доказал, что дружба между Гитлером и Канарисом до генеральского путча 1944 года являлась подлинной человеческой и мировоззренческой симпатией, которой злоупотребил шеф Абвера, что и принесло обоим этим людям насильственную смерть, а их отечеству – уничтожение.

Человек, который как молодой офицер военно-морского флота с примерной преданностью сражался за отечество вдали от родины, на чилийском побережье, после потери своего корабля вырвался из лагеря для интернированных, пешком и верхом пересек Анды, добрался до Европы, в Италии попал под арест, сбежал также из этой тюрьмы и на родине снова надел любимую форму, чтобы воевать за отечество, человек, который после Первой мировой войны как борец добровольческого корпуса под свастикой с оружием сражался за новую, лучшую Германию, и стал одним из доверенных лиц вождя Третьего Рейха, теперь, 1 января 1935 года, когда он уже больше ничего не мог ожидать от своей военной карьеры, оказался у цели своих желаний: друг, который из-за своего образования, своей мировоззренческой позиции и уравновешенности своей оценки ценил его как никого другого из своих собеседников, доверил ему руководство Абвером, одним из самых важных приводных механизмов немецкой военной машины с неистощимыми, на первый взгляд, человеческими и финансовыми ресурсами, и, прежде всего, с неистощимым доверием фюрера. Он был у цели своих желаний. И эта цель была полной противоположностью той цели, которую ставил перед собой Гитлер.

10. На фоне Гражданской войны в Испании

Для Канариса Гражданская война в Испании разразилась как раз в нужный момент, как будто бы он заказал ее себе по своему вкусу. 18 июля 1936 года, когда монархический депутат испанского парламента Хосе Кальво Сотело был похищен большевистским мобильным полицейским нарядом в Мадриде в своей квартире, и был убит в машине двумя выстрелами в затылок, Канарис был шефом Абвера уже почти полтора года. Теперь Испания, где он приобрел свой первый опыт на скользкой почве шпионажа уже во время Первой мировой войны, выделялась ему как в настоящий момент решающе важная в мировой политике сфера деятельности. При этом он нашел в генерале Франсиско Франко своего не только физически похожего на него самого партнера на сцене мировой истории. Объединенными силами они начали тогда подготавливать поражение Германии во Второй мировой войны, даже еще раньше, чем она вообще началась.

Стоит вспомнить, что Гитлер 18 июня 1935 года, т.е. больше чем за год до начала Испанской гражданской войны, заключил военно-морское соглашение с Великобританией, которое ограничивала военно-морской флот Германии пропорцией 35 к 100 относительно британского флота, что ни один, даже самый бессовестный фальсификатор истории, пожалуй, не смог бы назвать подготовкой новой мировой войны. Особенно два человека с такими тесными связями с военно-морским флотом их стран как Франко и Канарис не могли бы сказать этого.

Франко был замечательным фронтовым офицером, солдаты которого на войне против восставших рифских племен Абд Эль-Крима в 1925-1926 годах в буквальном смысле слова шли в огонь ради своего ротного командира Франко. Он мог бы, вероятно, так же хорошо командовать батальоном или даже полком. Как полководец, однако, он был просто непригоден для того, чтобы добиться победы для немецкого союзника как можно скорее, как это было бы необходимо, а также возможно. Невероятно длительная продолжительность Гражданской войны в Испании – почти три года – можно в очень существенной степени объяснить неспособностью Франко, которую его «советник Канарис» не только не сбалансировал, но, наоборот, даже еще содействовал ей, как только мог.

Необходимой предпосылкой для деятельности нового немецкого начальника разведки во время Испанской гражданской войны было превосходное владение поднятым Сервантесом до уровня классического языком этой страны. Первое соприкосновение с этим иностранным языком Канарис получил уже в различных учебных командировках военно-морского флота. Во время его последующих секретных разведывательных миссий на Иберийском полуострове он получил

возможность дальнейшего усовершенствования своих знаний испанского языка, которые позже стали совершенными, что, замечу между прочим, удалось только немногим добровольцам «Легиона Кондор», и совсем не удалось и мне. Хотя я и прожил полжизни в Южной Америке, любой человек на улице здесь по моему акценту все равно сразу определит, что я немец. Своему успеху в обращении с «каудильо» (по-немецки: вождь), как нескромно приказал называть себя Франсиско Франко, Канарис не в последнюю очередь обязан своему правильному и отточенному испанскому языку, с которым он непринужденно и чрезвычайно успешно вращался в испанском верхнем слое. Его внешний вид, который, кажется, больше подходил к югу Европы, чем к его немецкому отечеству, относился к существенным элементам его успеха в ключевом слое испанского общества.

Когда я в конце 1938 года как «доброволец» вылетел в Сарагосу, где тогда находилась штаб-квартира Франко, Канарис как раз наносил своему другу, испанскому «каудильо» Франко, свой пятый и последний визит за время Гражданской войны. Военные действия на пропитанной кровью земле Испании вопреки всем другим намерениям уже больше никак нельзя было затягивать. К этому моменту немецкие добровольцы «Легиона Кондор» уже два года воевали на Пиренейском полуострове. Теперь не доставало лишь самого последнего шага к победе националистов, которую также Канарис дольше не мог оттягивать: взятия испанской столицы Мадрида. В том же самом Ю-52, с которым я отправился в беспосадочном полете в Испанию, находилось несколько тяжелых деревянных ящиков. Когда при начавшейся грозе они, так же, как и немногие пассажиры, начали сильно подпрыгивать, они разбились и раскрыли свое содержимое: сотни факелов, которые предстояло зажечь на уже вскоре ожидавшемся параде победы в Мадриде. Этот последний акт Гражданской войны в Испании должен был предпринять генерал фон Рихтхофен во главе «Легиона Кондор» с еще ранее успешными боевыми действиями национальных испанских войск. Как раз в тот день, когда Канарис прощался со своим другом Франко, Рихтхофен занял место прежнего командующего Легиона, генерала Фолькмана.

За один день до Рождественского сочельника 1938 года началось наступление националистов в Каталонии. 15 января 1939 года они взяли Таррагону, одиннадцатью днями позже – Барселону. 9 февраля 1939 года национальные войска достигли французской границы. Негрин, который еще как министр финансов красных уже в октябре 1936 года передел государственную казну страны (золото стоимостью в то время 400 миллионов рейхсмарок) Советам, за что его поблагодарил тогдашний советский посол в Мадриде Рознберг (совсем не родственник однофамильца, идеолога национал-социализма, да и родные языки у них были разными), убежал во Францию. Золото Испании было потеряно уже давно, теперь, однако, было потеряно и так называемое «демократическое»

правительство в Мадриде, которое во главе со своим шефом Негрином после отставки президента Асаньи убежало в Париж. Также Канарис больше не был нужен в Испании. В Мюнхене между тем уже состоялась конференция с «арреасер» («умиротворителем») Чемберленом. Дальнейшее ослабление Германии путем ее активного участия в Испанской гражданской войне больше не было возможно и, по очевидному мнению Канариса, также уже не было необходимо. Мавр (Канарис) сделал в Испании свое дело – он мог уходить. Новый человек во главе нашего Легиона – фон Рихтхофен – доверял Канарису так же мало, как и Франко – к сожалению, недостаточно своевременно.

То, что Франко не был арийского происхождения, являлось тогда еще строго оберегаемой тайной и – во всяком случае, в немецких кругах – было в то время абсолютно неизвестно тем, кто отвечал за сотрудничество со считавшимся патриотом испанским «каудильо». При этом на самом деле этот факт вовсе не был столь большим секретом. Испанский ученый Хосе Амадор де лос Риос (1818-1878), который занимал кафедру критической истории испанской литературы в исторической академии Мадридского университета, раскрыл еврейское происхождение испанской семьи Франко уже в своем последнем и самом важном произведении, которое вышло в 1875-1876 годах под заголовком «Historia social política de los judios de España» («Социально-политическая история евреев в Испании») в Мадриде, и которое было заново опубликовано в 1960 году в издательстве «Aguilar», тоже в Мадриде. Примечательно, что исторические открытия испанского ученого опираются также на труды немецкого священника высокого ранга и ученого, епископа Ротенбурга на Неккаре и профессора Тюбингенского университета Карла Йозефа фон Гефеле (Хефеле, 1809-1893), и, в частности, на его главную научную работу, состоявшую из девяти томов «Историю соборов», которую он создавал между 1855 и 1890 годами. Гефеле примечателен для религиозных ревизионистов также потому, что он сам вначале отвергал спорную даже в католических кругах догму о непогрешимости папы, которая была принята в 1870 году Ватиканским собором (и действительно еще сегодня), и лишь позже подчинился ей по тактическим причинам. Более важным для доказательства того, что семья Франко, будущего «каудильо», была еврейского происхождения, является констатированный Гефеле факт, что эдикт 1492 года об изгнании евреев из Испании касался вовсе не всех евреев, а только так называемых марранов, т.е. евреев, которые скрывали – почти всегда по причинам целесообразности – свою собственную веру за христианской. В их среде тогда совершались многочисленные и самые худшие преступления по отношению к христианским детям. При этом речь шла о самых настоящих ритуальных убийствах, когда христианских детей убивали на кресте с самыми ужасными мучениями. Преступники были – как смог установить автор упомянутой книги в архиве инквизиции Толедо – приговорены к смерти и казнены на костре. Среди них находились четыре члена семьи Франко. Их имена были Гарсия, Лопе,

Алонсо и Хуан. Из их потомков вышли хорошие испанские католики, к которым причислял себе также друг Канариса Франсиско Франко.

Эти обстоятельства, естественно, еще не были известны, когда Гитлер принял трагическое решение доверить руководство своим «Абвером» другу и покровителю испанского потомка марранов. Но эта неосведомленность, в конце концов, может объяснить трагический и в его катастрофических последствиях тогда еще не предвидящийся исход Второй мировой войны. Гитлер – и вместе с тем Германия – стали жертвой его известного комплекса верности по отношению к товарищам первого периода борьбы после окончания Первой мировой войны. Уже в 1935, т.е. в год подписания уже упомянутого немецко-британского военноморского соглашения, которое такой специалист как Канарис должен был считать убедительным доказательством готовности Гитлера бороться за мир, его друг и доверенный советник сделал его в имперском военном министерстве шефом Абвера, которому был доверен весь немецкий шпионаж в предусмотренных в Версале границах. Он на этом посту мог беспрепятственно действовать до февраля 1944 года, вплоть до уже упомянутого бегства помощника немецкого уполномоченного Абвера в Стамбуле Фермерена, из-за чего начался большой скандал. Но арестовали Канариса только после того, как окруженный им заботой граф фон Штауффенберг попытался убить своего главнокомандующего.

Как это было возможно, здесь нужно попробовать объяснить. Я получил первые указания от генерала Вольфрама фон Рихтхофена, последнего командира «Легиона Кондор», в котором он достиг звания генерал-майора уже в сентябре 1938 года. Родившийся 10 октября 1895 года в Силезии Вольфрам фон Рихтхофен начал свою военную карьеру в еще сегодня всемирно известной в летных кругах истребительной эскадрилье своего двоюродного брата Манфреда фон Рихтхофена, который в Первой мировой войне добился тогда еще неслыханного результата – сбил 80 противников, пока его самого не настигла судьба военного летчика. Он со своим красным истребителем был сбит 21 апреля 1918 года к северу от Корби на Сомме канадским противником. У него тогда был наивысший немецкий военный орден «Pour le Mérite». Также его двоюродный брат Вольфрам получил высокие и наивысшие военные награды; так уже Западная кампания 1940 года принесла ему Рыцарский крест и звание генерала авиации. На Восточном фронте он получил Дубовые листья к Рыцарскому кресту, и в феврале 1943 года – наивысшее воинское звание генерал-фельдмаршала. Он умер за несколько недель до немецкой капитуляции – не дожив до пятидесяти лет – от опухоли мозга.

Я – хотя и без какого-либо военного образования – был прикомандирован к штабу генерала Рихтхофена, чтобы подготовить так называемую «демаскировку» «Легиона Кондор», что должно было произойти при, наконец, ожидаемой

победе так называемой «национальной» стороны. Тогда еще строгая секретность окружала «Легион Кондор», немецкое соединение, состоявшее преимущественно из военнослужащих Люфтваффе и гораздо меньшего количества солдат сухопутных войск (главным образом танкистов) и военно-морского флота, которое Гитлер в ноябре 1936 года предоставил в распоряжение испанскому генералу Франсиско Франко по его безотлагательной просьбе. Самые близкие члены семьи «добровольца» (включая собственную жену) даже не могли знать, что делал бесследно исчезнувший из будничной жизни мужчина. Соответствующее солдатское денежное довольствие выплачивалось жене. Почта для так таинственно исчезнувшего супруга или родственника могла направляться на условный адрес в Берлине, через который почта так же передавалась дальше в противоположном направлении.

Мое задание как прикомандированного к штабу Рихтхофена журналиста одного из ведущих издательских концернов в Берлине, который издавал такие уважаемые ежедневные газеты как «Локаль-Анцайгер» (по утрам) и бульварную газету «Нахтаусгабе», а также журналы и развлекательные газеты вроде «Гартенлаубе», «Ди Вохе» и пр., состояло в том, чтобы подготовить момент, когда до тех пор якобы ничего не подозревавшее «общественное мнение» Германии узнало бы правду о боевых действиях немецких солдат для предотвращения большевизации Испании. Идея была хороша и так же хорошо реализовывалась всеми участниками. Для меня лично ее последствием, однако, стало на несколько лет позже мое откомандирование как лейтенанта танковых войск резерва к тогдашнему имперскому министру пропаганды доктору Геббельсу в качестве его личного референта по прессе, что было весьма интересно для меня как журналиста и беспартийного гражданина. Но в конце войны это чуть не стоило мне жизни, а потом еще и привело к тому, что боннское правительство в своем официальном органе ругало меня как «нациста», а на старости лет урезало мою и без того жалкую пенсию.

Наш полет с аэродрома Темпельхоф в охваченную Гражданской войной Испанию был авантюрным. Мы доверили – волей-неволей – нашу жизнь одному из тех несокрушимых «Юнкерсов» Ю-52, которые даже несколько лет назад использовались в качестве сельскохозяйственных самолетов в отсталых регионах, но теперь их, пожалуй, можно увидеть лишь только в определенных музеях (например, в городском аэропорту Буэнос-Айреса). Тогда он держался так же славно как всегда, хотя мы при пересечении Альп попали в грозу, и при этом разбились ящики с факелами победы – как уже было описано. Когда мы, наконец, приземлились в Сарагосе на реке Эбро, столице Арагона, команда и пассажиры – в отличие от ящиков с факелами – почти не пострадали. В то время как немецкий наземный обслуживающий персонал заботился о благополучии славного Ю-52, пилот вытащил из кармана одну из тех тогда очень популярных

жестяных упаковок уважаемой марки сигарет («Аристон»: 8 пфеннигов) и предложил сигарету мне, кто как раз с большим трудом старался отвыкнуть от курения. С удовольствием я втягивал живительный дым моими только что очищенными легкими. Затем я снова кашлял, ежедневно выкуривая примерно пятьдесят сигарет – пока я окончательно не попрощался с этим пороком примерно тридцать лет назад, после того как один из самых лучших легочных врачей Аргентины продолжил мое лечение только после моего обещания никогда больше не курить. Я до сих пор держу свое слово и дожил до 88 лет, и в отношении здоровья чувствую себя лучше, чем некоторые из тех, кто вдвое младше меня.

Вернемся к Гражданской войне в Испании. В Сарагосе, в которой тогда жили примерно полмиллиона жителей, следы этой войны были малозаметны. Мы должны были двигаться дальше: в Авилу, где Рихтхофен у подножия гор Гуа-даррама устроил штаб-квартиру «Легиона Кондор» поблизости от фронта и во все не далеко (примерно 100 километров) от Мадрида. За ее хорошо сохранившейся городской стеной я начал свою работу для «демаскировки» после ожидавшейся уже скоро окончательной победы, которую Канарис – во взаимном согласии с Франко – тогда уже не мог предотвратить, а только оттягивать – в интересах Англии – так долго, как только возможно. Авила, столица одноименной провинции, которая также сегодня насчитывает немного больше чем 10 000 жителей, – это историческая земля Испании. Городские стены с защитными башнями, собор и другие сооружения средневековья сохранились в хорошем состоянии и напоминают о великом прошлом маленького города. Но Авила интересна не только для туристов и фотографов-любителей, но и для историков, таких как Хосе Амадор де лос Риос (1818-1878), который здесь в 1845 году детально занимался процессом, который был проведен в Авиле с 1 декабря 1490 по 17 ноября 1491 года и закончился смертным приговором с сожжением на костре, как тогда было принято поступать в Испании с изобличенными мерзкими убийцами. Как уже упомянуто, тогда были обвинены, среди прочих, и четыре брата семьи Франко, которые приняли христианскую веру как чистые евреи, чтобы ускользнуть от суровых в то время преследований со стороны католических королей Испании. На процессе в Авиле было доказано, что тогдашние братья Франко и другие подсудимые в Страстную пятницу 1490 года убили невинного христианина в городке Гуардия-де-ла-Манча и повесили его на кресте. Инквизиционный суд Толедо, который привел в исполнение вынесенный тогда приговор, сохранил документы с доказательствами в своем архиве, где их нашел и изучил упомянутый выше испанский историк в 1845 году, как он подробно представил в своей обширной исторической книге. Эта монументальная историческая книга (1109 страниц) еще, к сожалению, не была в моем распоряжении, когда я в 1938 году в Авиле начал заниматься махинациями других

членов рода Франко в Испании. Сегодня это появившееся в 1960 году в Мадриде произведение оказывает нам бесценные услуги.

Теперь после этого скачка почти на полтысячелетия в прошлое давайте вернемся в историю перед Второй мировой войной. В Германии режим Гитлера неожиданно быстро укрепился и вместе с тем завоевал международное уважение. Выход Германии из недееспособной Лиги наций (октябрь 1933), договор о дружбе с Польшей (январь 1934), который был политически сформирован при ее авторитарном маршале Юзефе Пилсудском, введение общей воинской повинности (март 1935), военно-морское соглашение с Англией, ремилитаризация Рейнской области (март 1936) и не в последнюю очередь блестящее проведение Олимпийских игр в Берлине неожиданно, почти пугающе быстро укрепили влияние Германии в мире. Только западный сосед Германии Франция, которая заключила договор с Советской Республикой в мае 1935 года, и где у руля стояло социалистическое правительство во главе с Леоном Блюмом – евреем по происхождению – вызвала политическую озабоченность в берлинском дворце рейхсканцлера. Поэтому, когда летом 1936 года началась Гражданская война в Испании, и вместе с тем возникла опасность, что молодой Третий Рейх будет взят в большевистские клещи, Гитлер сразу пообещал свою быструю военную помощь, как только Франко, который сначала обратился в поисках помощи к Англии и Италии, поступал с этим намерением в дверь правительства Гитлера в Берлине.

Для меня моя деятельность в этих рамках началась, когда я из аэропорта Саламанки был направлен в Авилу. Я в скромной гражданской одежде, с маленьким чемоданом с необходимой гражданской одеждой и традиционными туалетными принадлежностями сбоку, доложил о себе летчику Легиона, который должен был доставить меня в штаб Рихтфохфена. Он довольно долго рассматривал молодого штатского – с некоторым состраданием, как мне показалось, потом представился и крепко пожал мне руку. Он пару мгновений критически оглядел мою элегантную фетровую шляпу и заметил, что о ней мне следует забыть, так как мы продолжим полет на открытом двухместном самолете «Хеншель». Будет лучше, если я воспользуюсь этой шляпой в качестве подушки на сиденье. Действительно определенный для продолжения путешествия самолет был похож не столько на самолет, сколько на ванну с крыльями. Переднее сиденье было для решительного пилота, который выделил заднее для меня. С него я должен был в случае соприкосновения с противником отстреливаться из пулемета. Я не умею, ответил я, я еще никогда не был солдатом, а у скаутов мы, в крайнем случае, оборонялись палками или другими примитивными ударными инструментами, когда нас атаковали политические противники. Он объяснил мне немногими словами и с еще меньшим количеством приемов, как обращаться с пулеметом. Еще быстрее последовала инструкция об использовании парашюта, который он хорошо и крепко закрепил на мне поверх моей гражданской одежды и

сообщил мне о его применении, прежде всего, о том, что мне нужно сделать, чтобы он раскрылся. – А если он не раскроется? – спросил, все же, я теперь несколько озабоченно. – Сохраняйте спокойствие, – был его короткий, но ясный ответ.

Потом он, крутанув руками винт, завел мотор, и так начался наш короткий полет в Авилу, который сегодня показался бы чем-то похожим на то, что происходило перед всемирным потопом. Мое следующее путешествие из Германии в Испанию я совершил примерно через тридцать лет в качестве гостя на испанском телевидении, где снималась дискуссия о 20 июля 1944 года и о провалившемся в тот день путче. Мы летели на комфортабельной машине «Люфтганзы». Какая разительная перемена за несколько десятилетий! Моя короткая, но интенсивная работа по «демаскировке» немецкого «Легиона Кондор» рядом с генералом Люфтваффе с таким же историческим, как и обязывающим именем Рихтхофен могла начинаться.

11. Как мы проиграли войну еще в 1940 году в Эндае

Кто хочет повиноваться «политической корректности», как ее требуют победители Второй мировой войны, должен перенести начало немецкого поражения в Сталинград, город на юге России, где генерал Паулюс в конце января и начале февраля 1943 года капитулировал со своей 6-й армией. Эта книга должна привести доказательство того, что победа, которая даже вражеской стороне тогда уже казалась гарантированной, была отнята у нас гораздо раньше, а именно еще 23 октября 1940 года, когда Гитлер в Эндае, пограничном городке на испанско-французской границе, встретился для беседы с (самоназначенным) испанским «каудильо» Франсиско Франко, о которой он, как свидетельствует летописец в штаб-квартире фюрера доктор Генри Пикер в своем фундаментальном труде «Застольные разговоры», потом сказал, что он предпочел бы, чтобы ему вырвали три или четыре зуба, чем стал бы участвовать в этом еще раз. Приглушенным голосом, как священник в исповедальне, ханжеский друг Англии в испанском генеральском мундире пытался разъяснить победоносному вождю немецкого Вермахта, почему он должен был отказаться от его предложения отвоевать обратно для Испании крепость Гибралтар, которую Англия отобрала у Испании в 1704 году с помощью немецких гренадеров.

Аргументы Франко – и не одна только форма, в которой он высказывал их – были для Гитлера просто непонятны. Он начал свою Западную кампанию одним из самых удивительных военных действий этого столетия: 10 мая 1940 года специально сформированные для этого молниеносного удара боевые части молодых немецких ВВС под командованием старшего лейтенанта Рудольфа Витцига

и с использованием «новых средств борьбы» – как это дословно сказано в сообщении Вермахта от 11 мая 1940 года – сделали небоеспособным самый сильный и считавшийся неприступным форт бельгийской крепости Льеж, Эбен-Эмаэль, так что комендант форта и его гарнизон численностью в тысячу человек должны были сдаться. Гитлер по праву мог обещать такой же образ действия с похожим успехом для крепости Гибралтар. Мгновенный захват Эбен-Эмаэля был предпосылкой для молниеносной победы над Францией. Теперь такую же предпосылку следовало создать и для быстрого окончания Второй мировой войны. Отклонение его великодушного предложения было для Гитлера вне всяких соображений. Нет никаких указаний, не говоря уже о доказательствах того, что Гитлер обсуждал проект Гибралтара с Канарисом или вообще упоминал его. Но тогда доверие Гитлера к нему еще было непоколебленным. При молниеносной войне против Франции сомнение в лояльности своего шефа Абвера казалось Гитлеру еще абсолютно невозможным. То, что Канарис лично не принимал участие в переговорах в Эндае, было только хорошо обдуманым им тактическим трюком, чтобы также не вызвать у Гитлера следа сомнения в его лояльности.

Канарис при этом обманном маневре по отношению к Гитлеру воспользовался человеком, который вошел в историю сопротивления под именем «Ochsensepp». Баварская народная партия, как называлось в Баварии ответвление партии Центра, была его творением, будущий федеральный министр обороны и министр финансов Франц Йозеф Штраус был его понятливым учеником. Во время Третьего Рейха его неоднократно арестовывали, однако всегда оправдывали народным и даже имперским верховным судом. Гиммлер все же до конца войны продержал его «в превентивном заключении из соображений безопасности». Также этот арест «Ochsensepp» пережил, так что он мог занимать различные министерские посты в Баварии в Федеративной республике. За его отстранение проголосовали лишь в 1960 году, после того, как он был впутан в жульническую аферу с компенсациями жертвам нацизма (дело Филиппа Ауэрбаха в 1952 году). Он дожил до восьмидесяти лет.

Канарис своевременно узнал заговорщицкие способности католического политика и пригласил его в центральный отдел своего «Абвера», где тот наилучшим образом зарекомендовал себя как связной с важными католическими кругами, вплоть до Ватикана. Особенно важны для Канариса были контакты, которые его связной поддерживал в Ватикане с аккредитованным там британским посланником сэром Джоном Осборном. Осборн пытался получить через «Ochsensepp» от немецких оппозиционных кругов в начале войны твердое согласие свергнуть Гитлера, а еще лучше убить его, как тщетно попытался сделать это Штауффенберг 20 июля 1944 года с его полученной из Англии пластиковой бомбой. В начале мая 1940 Мюллер получил от полковника Остера, тогда правой руки ад-

мирала Канариса, поручение сообщить через Осборна британскому правительству дату начала немецкого наступления на западе. Британское правительство не воспользовалось этой чрезвычайно важной информацией только потому, что оно посчитало такую подлость у высокопоставленного немецкого офицера, все же, невероятной.

Иначе обстояло дело теперь после капитуляции Франции, когда Канарис в начале осени 1940 года отправил свое доверенное лицо Йозефа Мюллера в Мадрид для беседы со свояком Франко и министром иностранных дел Испании Серрано Суньером. Эта беседа обоих представителей своих стран не ограничилась просто обменом мнениями без каких-либо обязательств. Оба они прекрасно нашли общий язык. Оба беседовали стопроцентно в соответствии с замыслами их британского знакомого, сэра Джона Осборна. Поручение Мюллера, которое дал ему его начальник адмирал Канарис, сохранилось и дословно известно из судебных досье. Оно звучит так, как было опубликовано в номере за июль-август 1998 года журнала «Национ Ойропа»: «Адмирал Канарис просит вас, чтобы вы сказали Франко, что он, во что бы то ни стало, должен удержать Испанию от этой игры. Наше положение может показаться вам более сильным. В действительности оно отчаянное, и у нас есть лишь небольшая надежда выиграть эту войну».

Это было написано вовсе не в 1945 году, когда Канарис уже сидел за колючей проволокой, а осенью 1940, когда французская «сухопутная шпага Великобритании» лежала разбитая на земле, и ни одна из обеих мировых держав, США и Советский Союз, еще активно не участвовала в войне. Серрано Суньер и его свояк Франко не постеснялись принять совет этих немцев и со своими уклончивыми аргументами ударить Гитлера в спину. Гитлер мог бы отвергнуть их отговорки и настаивать на реализации своих прав, полученных им как союзник в окончившейся победой Испанской гражданской войне, и силой добиться такой близкой после поражения Франции победы. Он поступил наоборот, и мы проиграли тогда уже почти выигранную войну.

Когда Гитлер принял решение о своей беседе с Франко и его министром иностранных дел Серрано Суньером в отсутствие Канариса, он уже усердно занимался формированием немецкого Африканского корпуса, под командованием будущего генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля, что реализовалось в начале 1941 года. Африканский поход Роммеля ни в коем случае не должен был двигаться по следам фон Леттов-Форбека и его «Heja Safari» (так назывались мемуары этого немецкого генерала о его действиях в Восточной Африке в Первой мировой войне, русский перевод – П. Э. фон Леттов-Форбек, «Мои воспоминания о Восточной Африке»), а был, так сказать, фундаментом для идеи Гитлера о победоносном продолжении войны при отказе от операции «Морской лев», ко-

торая предусмотрело немецкую высадку на Британских островах и их мгновенный захват.

В кругах военного руководства, даже если они тогда еще не принадлежали к одной из разнообразных, но очень маленьких групп сопротивления, Гитлера всегда и не совсем несправедливо считали «неисправимым» пехотинцем, к главным стратегическим принципам которого принадлежит также представление: «В воде не за что держаться». К этому добавлялось то, что среди ключевых английских личностей ему всегда представляли только тех, которые соответствовали его представлению об англичанах как существах родственной расы. Значительное неарийское влияние на аристократию Англии – после брака королевы Виктории I с принцем Альбертом фон Заксен-Кобург-Гота из немецкого княжеского рода, которого как неарийского приемного сына при дворе – естественно, за глаза и тихо – называли прозвищем «the bastard», в руководящем слое Британской империи, тогдашнее руководство Рейха сначала не хотело замечать.

Хвастливый прогноз Геринга, что его Люфтваффе победит Великобританию просто с неба, не оправдался. Тем самым вторжение на Британские острова, как его предусматривал с такой живостью пропагандируемый план «Морской лев», лишилось необходимой предпосылки. 12 октября 1940 года план был отложен на неопределенный срок. 20 октября дневные атаки авиации на Лондон совсем прекратились. Вместо этого Гитлер еще до конца 1940 года (19 декабря) издал свою Директиву номер 21 для похода против Советского Союза, чтобы опередить уже давно находящийся в подготовке план советского нападения на Германию. Упоминания о связи между подготовкой СССР нападения на Германию и начавшимся непосредственно после этого формированием Африканского корпуса я не встречал еще ни в одном из военно-исторических трудов, с которыми я консультировался при написании этой книги. Но эти оба военных процесса взаимно обуславливали друг друга.

Я распознал эти взаимосвязи из намеков одного моего родственника, который некоторое время в начале войны входил в непосредственное окружение будущего фельдмаршала барона фон Рихтхофена. Они подтвердились для меня, когда я позже как пишущий военный корреспондент танковой роты пропаганды был прикомандирован к штабу фельдмаршала фон Клейста, командующего 1-й танковой армии на Кавказе.

(«Пишущий» военный корреспондент писал статьи для газет и журналов, отдельно существовали также военные фотокорреспонденты и военные кинокорреспонденты, снимавшие документальную хронику. «Танковая рота пропаганды», вопреки своему названию, не имела на вооружении ни танков, ни даже

броневиков, только грузовики с громкоговорителями, типографское оборудование и прочую необходимую для ведения пропаганды технику. Название «танковая» означало лишь то, что она входила в состав танковой армии. – прим. перев.)

С одним из его молодых офицеров я еще сегодня поддерживаю дружбу. Должность Ис в штабе танковой армии Клейста (офицер, отвечающий за разведку и пропаганду) временно занимал майор Эрнст Георг Граф цу Мюнстер, женатый на одной из моих саксонских двоюродных сестер. Я как военный корреспондент отдела пропаганды главнокомандующего сухопутных войск был очень хорошо проинформирован. Моя информация из первых рук тогда, естественно, должна была храниться в тайне. Сегодня я могу, даже должен раскрыть ее для лучшего понимания общего положения на фронтах в то время.

У Роммеля при формировании и руководстве его Африканским корпусом, что в своих самых первых истоках почти совпало по времени с неприятной поездкой Гитлера в Эндай, были совсем другие задания и намерения, чем у других действовавших в Северной Африке великих держав, в особенности, у Англии и Италии, которые коренились еще в представлениях закончившегося теперь тысячелетия: насильственный захват и эксплуатация заселенных преимущественно цветными народами африканских стран. Роммель, напротив, после отсрочки операции «Морской лев» 12 октября 1940 и после подготовки, которой усердно занимались обе стороны, к Восточному походу, начавшемуся 22 июня 1941 года, должен был стать одним из двух сильных концов клещей, которые Гитлер определил для уничтожения сталинской тирании. При этом у него первоначально были самые большие успехи, которые вызывали восхищение во всем мире. Даже историк Роберт Вистрих, ученый еврейского происхождения, должен был признать, что Роммель даже «у его британских противников пользовался большой известностью» и «хорошей репутацией». Он одерживал победу за победой, пока в конце июля 1942 года не достиг позиции всего в 80 километрах к западу от Александрии, т.е. восточного выхода из контролируемого Англией Средиземного моря. Он должен был пройти через оккупированную Англией Палестину и последующие территории Ближнего Востока, где местное население симпатизировало «Оси», и дойти до Кавказа, где 1-я танковая армия Клейста так страстно ожидала его, чтобы помешать США снабжать через Персидский залив занявшую позиции у Сталинграда Красную армию, прежде чем США вступили в войну (11 декабря 1941).

Причиной того, что все произошло иначе, был просто тот факт, что успешное ведение войны в Северной Африке было бы гарантировано только тогда, если бы немцы уверенно овладели пространством для незаменимого снабжения, Средиземным морем, с его обоими единственными «выходами» на Востоке

(Александрия) и на Западе (Гибралтар). Роммель, вопреки всем своим победам, не смог захватить ни одного, ни другого. Он не дошел даже до Александрии, так как потомок марранов Франко отказал в Эндае Гитлеру в захвате контролирующей морской пролив скалы Гибралтар. На Кавказе ждущую Роммеля 1-ю танковую армию постепенно лишали одного за другим ее мощных танковых соединений, которым предстояло перевооружение на современные танки «Тигр» и «Пантера», пока последним ее частям не пришлось спасаться бегством от наступающей Красной армии. Так началась ужасная сталинградская катастрофа, которую еще сегодня некоторые считают переломным моментом войны.

Эти взаимосвязи, которые тогда – в конце октября 1940 – еще никто не мог ясно распознать, распознал на немецкой стороне, пожалуй, только один единственный высокопоставленный и занимающий важную должность в немецком руководящем аппарате офицер: адмирал Вильгельм Канарис. Приехавшие 23 октября 1940 года в Эндай испанские куклы танцевали на нитках, которые прикрепил к ним и за которые дергал он, Канарис. Сам он, собираясь украсть у нас представлявшуюся после поражения Франции гарантированной победу, оставался в Берлине, чтобы никто в последний момент не мог испортить ему игру. Его расчет был столь же гениален, сколь и успешен. Гитлер не мог выносить лицемерную манеру «каудильо» говорить, как и его наглые требования, которые тот требовал в качестве вознаграждения за то, что он разрешит Гитлеру завоевание той самой скалы, которую немецкие гренадеры захватили в 1704 году для Великобритании. Таким образом, Гибралтар оставался западными входными воротами в Средиземное море для Великобритании, у которой Испания так никогда и не смогла отнять контроль этой очень важной водной поверхности.

Сенсационным успехам Роммеля в войне в пустыне летом 1942 года помешали трудности со снабжением, которые, в конечном счете, принудили страдающего от тяжелой болезни желудка немецкого генерала к отступлению и к оставлению африканского континента. Прежде чем закончился 1941 год, США как уже воюющая держава смогли начать снабжение через Персидский залив стоящего на грани крушения Советского Союза и этим помочь Красной армии одержать победу под Сталинградом.

Самый ревностный и, вероятно, самый успешный биограф Канариса Карл Хайнц Абсхаген, который изобразил положительный образ характера адмирала, вынужден был откровенно признать, что «многие бывшие товарищи адмирала по военному сословию видят в нем предателя», который, по их мнению, «нанес удар кинжалом в спину собственному Вермахту и немецкому народу».

До этого момента тогда было еще далеко. Канарис еще только присматривался к приманке шпионажа. «Его манила рискованная игра», замечает Абсхаген. «Ему доставляло удовольствие наблюдать, как эти авантюристы (одним из которых предстояло стать ему самому), «джентльмены удачи», с которыми ему приходилось иметь дело, действуя в темном и сомнительном мире шпионажа, работали то на одну, то на другую сторону, а бывало, что и на обе стороны одновременно, да, даже часто надували и обманывали своих хозяев на обеих сторонах. Его острый ум радовался тому, что он может померяться интеллектом с такими хитрыми парнями». Он делал это до тех пор, пока он сам не стал одним из них, и как таковой принес своей родине бедствие, из которого она все еще ищет выход.

[Велесова Слобода, 2015 г.](#)